

Библиотека советской фантастики

М. РУДЕНКО
ВОЛШЕВНЫЙ БУМЕРАНГ

Микола РУДЕНКО

Волшебный бумеранг

(Космологическая феерия)

*Авторизованный перевод с украинского
З. КРАХМАЛЬНИКОВОЙ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1968

C (Укр) 2
P83

7-3-2

*Моим сыновьям —
Юрию, Олегу
и Валерию —
чтобы жили дружно.*

А в т о р

Пролог Скрипят лозовые мажары посреди таврийских степей. Перебирают разбитыми копытами измученные волы. На кучах соли, прикрытой соломой, лежат чумаки. Вьется дорога среди степного безлюдья. И мир будто бы вымер: на десятки верст вокруг — ни единого жилья. Стрекочат кузнечики. А по обеим сторонам дороги бегут куда-то тучки белогривого ковыля. Горьковатый ветер, прогретый солнцем в кустах полыни, то повеет слабо над мажарами, то вновь припадет к земле.

А там, где-то под тучами, стережет степь одинокий жаворонок. Он как бы очертил круг на земле и теперь объявляет птицам и людям: это мое! Мое...

На волов покрикивать не нужно: они хорошо знают дорогу, не впервые идут на сивашские берега, где лед не тает даже в середине лета. Это белеет соль на озерах — горькое чумацкое богатство...

На последней мажаре рядом с усатым чумаком лежит мальчик. Полотняная сорочка расстегнута, волосы сбились в клочья, щеки грязные. И весь он, кажется, вылеплен из вот этой растертой колесами глины, из вот этой пыли, по которой топают раздво-

енные копыта волов. Только глаза его принадлежат не земле, а небу. И смотрят они не на землю. Смотрят в небо.

Смеркается. Плачут немазанные колеса. Покачиваются в темноте рогатые головы волов. И если заглядишься на их рога, покажется, что вот-вот заденут они острыми кончиками звездный купол, нависший над степью. И тогда посыплются оттуда звезды.

А звезды и в самом деле сыплются.

Почему же они падают на землю?

— Кто-то умер, — неохотно отвечает отец. — Спи же ты, спи...

Но Максимка не спит. Как же ему спать, если сразу же, как только они вернутся домой, Федор Иванович заберет его к себе?..

Они крепостные пана Миронова. И Миронов послал их за солью. У Миронова есть сын — Федор Иванович. Он служит на флоте. Как-то он написал отцу, что ему непременно нужен смышленный парнишка. И старик Миронов выбрал Максимку. А мама почему-то очень плакала тогда. И отец ввлял его с собой. Может, бог даст, задержатся чумаки. Может, младший Миронов приедет раньше, чем возвратится обоз с солью. Может быть, как-нибудь все и перемелется...

Но Максимка думает иначе. Он знает, что Федор Иванович — старший на корабле. И плавает очень далеко. На самом краю света!..

Мальчик убежден, что господа не передумают. Что обоз не задержится. Но он молчит, чтобы не сердить отца.

Смотрит в небо. Думает. Почему все так? Где он был тогда, когда его не было? Вот не было, а теперь

ссть. И именно он, Максимка, а не кто-нибудь другой! А звезды были всегда. И земля была всегда. И люди были. Только не было почему-то его, Максимки.

— Отец!

— Чего тебе?

— Где я был, когда меня не было?

— Раз не было — где же ты мог быть? — сонно говорит отец.

— А вот в небе... Видите? Будто соль рассыпана... Речка через небо течет... Почему ее называют Чумацким шляхом? * Там тоже за солью ездят?

— Мы ездим. Чумаки. А небо дорогу нам показывает...

Тихо в ночной степи. Волы не отобьются от обоза — можно и подремать. Колодец еще далеко — верст пять. А может, и больше. Там они остановятся, кулеша наварят. И волы напасутся.

Только Максимка не спит. И кажется ему, что он проспал тысячу лет. А может, столько, сколько стоит мир. И вот только сейчас проснулся. Иначе где же он был, когда его не было?..

— Отец! А земля живая?

— А? Тьфу на тебя!.. Мелешь, как пустая мельница, такое, что и собака с маслом не съест. Если земля умрет — прости господи! — как же людям тогда жить? И откуда бы все это взялось, если бы земля была мертвой? Если уж хочешь что-то сказать, сначала думать надо.

Утро. Просыпаются чумаки, но нет среди них Максимки.

* Чумацкий шлях — Млечный Путь.

— Мак-си-и-им! — зовет отец. — И в кого он такой? Куда ветер, туда и он...

Не слышит Максим. Сидит на могиле под каменной бабой и слушает жаворонка. Над ним нависает серая фигура — древняя мадонна украинских степей.

Чем она привлекла мальчика? Что нашептывает ему? Может, сказала ему то, что не знают даже ученые, которые нанимают крестьян раскапывать могилы?

А васильки такие смешные! Они думают, что можно быть голубее, чем само небо... Как здесь, на земле, все себя любит!

Выгибает холмами могучую спину таврийская степь. Когда напасутся волы, обоз двинется дальше. Упадет дождь. Заиграет степная радуга. И засмотрится Солнце в молодое лицо Земли, по которому, словно божья коровка по щеке великана, ползет чумацкий обоз.

Вот так и время плетется по земным дорогам, как эти волы, как легенды седой старины.

И заметит Солнце курного мечтателя, который качается в мажаре, словно в материнской колыбели. И спросит у Земли:

— Скоро ли, Земля, твой разум выйдет из колыбели? Руки мои устали тебя качать. Четыре миллиарда оборотов! Не много ли, Земля? А ради чего? Погляди: все на тебе по-прежнему, как и было до потопа.

И ответит Земля:

— О нет! Все не так. Ты смотри не на возы. Смотри на людей, смотри...

1. Разве есть такая наука?

(Из дневника Оксаны)

9 марта. Вчера Николай принес ландыши. Меня не было дома. Он подождал с полчаса, сказал маме, что очень спешит, и выбежал из комнаты. Сегодня встретила его в институте. Вид у него был такой, словно он в чем-то провинился передо мной.

Я поблагодарила за ландыши. Он покачал головой, но ничего не ответил. Будто это и не он подарил цветы, а кто-то другой поручил ему отнести их мне... Прошел до конца коридора, потом вернулся и, чуть смутившись, напомнил:

— Оксана, завтра в общежитии собираются космоисторики. Комната двадцать четыре. Там, где живет Женя.

Какой-то он странный! Даже в кино не пригласил...

Кстати, о космоисториках...

Мы просто историки, то есть учимся на историческом факультете. Как космоисториков нас в институте не признают. Ходили мы и в комсомольский комитет и в деканат. Когда же мы сказали, что хотим создать космоисторический кружок, декан сначала согласился, потом удивленно поднял брови, протер очки и спросил:

— Космоистория? А что, собственно говоря, это за наука! Есть астрофизика, космохимия... Даже космобиотаника... Но космоистория... извините, друзья, о такой науке мне ничего не известно.

Коля и Женя пустили в ход все свое красноречие, чтобы убедить декана. Они уверяли, что космическая эра открывает широкую дорогу в космос для всех

наук, что космохимия и космоботаника лишь первые ласточки. Эти науки не исчерпывают всех вопросов, которые породил космос. А декан спросил, на чем же основывается наша космоистория. Тут Женья и дал маху. Он сказал, что в старинных легендах и разных религиозных учениях таится множество фактов, которые следует извлекать так же, как песчинки золота извлекают из песка, — при помощи тщательного промывания.

Декан устало улыбнулся.

— А Библию вы тоже собираетесь промывать?..

Женья возьми да и брякни:

— А почему же нет?.. Библию тоже.

На нашего декана трудно сердиться: он у нас хороший. Прошлым летом кафедра физкультуры организовала поход на двадцать километров. Остановились у широкого лесного озера. Парни начали прыгать в воду. Декан тоже был с нами, хотя это было для него вовсе не обязательно. Когда он разделся...

Нет, это невозможно передать. Никогда я не думала, что человек может быть таким бодрым, имея столько страшных ранений. Казалось, он был весь шит из отдельных кусков. А в походе шел впереди, пел солдатские песни...

Нет, мы не сердимся на нашего Мирона Яковлевича. Во всем виноват Женья. Нужно было промолчать о Библии. Коля потом сказал ему:

— Разве ты не мог сослаться на находку Эммануэля Анати? Или на рисунки в Сахаре, которые исследовал профессор Анри Лотт? Вылез со своей Библией...

В общем нас не признали. И с тех пор мы стали собираться в общегитии. Это не совсем удобно, по-

тому что в комнате вместе с Женей живут еще трое парней. И они весьма скептически относятся к нашему кружку. Рыжий второкурсник Витька Черный (тоже мне черный — голова как костер!) считает нас идеалистами, богоискателями и собираются «со всей принципиальностью» поговорить о нашем кружке на заседании комсомольского комитета.

... А ландыши все же очень красивые! Они пахнут солнцем, весной и еще чем-то таким, о чем я даже боюсь подумать...

11 марта. В небольшой комнате, где стоят четыре кровати и неуклюжий стол, собралось около двадцати студентов. Пока говорил Женя, никто даже не шевельнулся. Сначала я просто слушала, потом начала кое-что записывать. Здесь-то мне, наконец, и пригодились курсы стенографии, которые я посещала в прошлом году.

Женя рассказал об Эммануэле Анати. Не так давно этот этнограф, исследуя пещеры Валь Камоника, расположенные возле озера Изео в итальянских Альпах, натолкнулся на остатки высокоразвитой цивилизации. Там были металлические изделия, которые люди научились изготавливать сравнительно недавно. Но все свидетельствовало о необычайной древности их происхождения. Однако более всего этнограф удивили пещерные рисунки: это были люди в скафандрах! На них надеты совсем прозрачные шлемы, сквозь которые хорошо видны головы людей, а на поверхности шлемов — радиоантенны. Даже при желании истолковать эти рисунки как-то иначе это невозможно: они достаточно выразительны и чем-то напоминают изображения современных космонавтов.

Женя показал обложку журнала, где помещены

рисунки из Валь Камоника. На обложке — Гагарин в скафандре. Мы смотрели сначала на него, потом снова на рисунки. Разительное сходство! Будто Гагарин встретился со своими далекими предшественниками. Только шлемы старинных космонавтов кажутся значительно более легкими, чем современные. Кроме того, космонавты держали в руках еще какие-то загадочные приборы, похожие на небольшие телевизионные антенны. Эти приборы, наверное, позволяли им летать: космонавты изображены в свободном полете. Женя считает, что это были гравитационные приборы. Во что одеты космонавты — не видно, хотя их фигуры четко очерчены: наверное, одежда плотно облегала тело и была почти незаметной...

16 марта. Мама оторвала меня от дневника — пришла ее приятельница, и мама сказала, что невежливо сидеть, уткнувшись носом в тетрадь, если в доме гости. Я пошла на кухню заваривать чай...

Сегодня я хочу закончить рассказ о выступлении Жени. После космонавтов из Валь Камоника он рассказал о Великом боге марсиан, найденном в Сахаре французским профессором Анри Лоттом.

В 1940 году офицер колониальных войск лейтенант Бренан, путешествуя по центральному массиву Сахары, обнаружил на стене одной из пещер рисунков жирафа. Бренан заинтересовался рисунком. Внимательно осматривая стены пещеры, он нашел огромное количество фресок, о которых вскоре известил французских специалистов. Ученые приехали в Африку и признали исключительную ценность этих рисунков.

Этнограф Анри Лотт, увлекшись красотой фре-

сок, решил их скопировать, а потом изучить. Но Лотту удалось это сделать только после второй мировой войны, в 1956 году.

Когда художники начали осторожно счищать наслоения песка на стенах пещер, ими было обнаружено около десяти тысяч фресок, созданных на протяжении многих тысячелетий. Значительная часть из них сделана около двенадцати тысяч лет назад. Доисторические художники вырезали свои рисунки острым предметом, а потом накладывали краску, которая глубоко проникала в песчаник, поэтому-то рисунок мог исчезнуть только вместе с пещерными стенами. Ученых поразило совершенство фресок. Они были созданы не дикарями, а цивилизованными людьми с прекрасно развитым художественным вкусом. Высказывались даже предположения, что рисунки эти сделаны атлантами, которые после гибели своего материка искали для себя новых земель и поэтому очутились в Сахаре.

Среди многих тысяч рисунков особое внимание Анри Лотта привлекла шестиметровая человеческая фигура. Он назвал ее Великим богом марсиан. Голова бога была заключена в мастерски сделанный скафандр. На шее скафандр был гораздо толще, чем на голове, и собирался в подвижные горизонтальные складки, переходя в тяжелую герметическую одежду. Специальные крепления на шлеме свидетельствовали о том, что внешнее и внутреннее давления были неравномерны...

Как мог двенадцать тысяч лет назад появиться на стене пещеры этот рисунок?.. А может, и не двенадцать, может, еще значительно раньше?.. Возраст этих рисунков теряется в такой далекой древности,

что она пребывает уже за пределами обыкновенной истории...

В Японии тоже найдено несколько древних статуэток — людей в скафандрах. Таких находок со временем становится все больше...

Интересная подробность. Один известный писатель показал фотографию марсианского бога Юрию Гагарину. Космонавта очень заинтересовала фигура его далекого предшественника. На фотографии он поставил свою подпись. Так фотография с подписью Гагарина и напечатана в «Огоньке». У меня даже дыхание перехватило: подпись первого земного космонавта на изображении человека с какой-то иной планеты! Неужели же это не космоистория?.. Когда-нибудь этой фотографией будут открываться учебники по космоистории для неполной средней школы...

Женя закончил свое выступление цитатой В. Брюсова. Вот что сказал когда-то Валерий Брюсов: «Так общность начал, которая лежит в основе самых разнообразнейших и удаленнейших друг от друга культур «ранней древности» — эгейской, египетской, вавилонской, этрусской, яфедитской, древнеиндусской, майской и, возможно, также тихоокеанской — и культуры южноамериканских народов, не может быть вполне объяснена заимствованием одних народов у других, взаимными их влияниями и подражаниями. Должно искать в основе всех древнейших культур человечества некоторое единое влияние, которое одно может объяснить замечательные аналогии между ними. Должно искать за границами «ранней древности» некоторый «икс», еще неведомый науке культурный мир, который первый дал толчок к развитию всех известных нам цивилизаций. Египтя-

не, вавилоняне, эгейцы, эллины, римляне были нашими учителями, учителями нашей современной цивилизации. Кто же был их учителями? Кого же можем назвать ответственным именем «учителя учителей»?»

Когда Брюсов писал эти слова, ему были неизвестны ни эти рисунки из Валь Камоника, ни марсианский бог. И если бы тогда людям сказали, что младшие современники Брюсова хорошо будут знать первого земного космонавта, кто бы поверил этому?

19 марта. Сегодня мы с Мариной разговаривали о наших ребятах. Ей очень нравится Женя. Но он не обращает на нее никакого внимания. Его часто можно увидеть рядом с беленькой первокурсницей. Кажется, ее зовут Тамара... Или Лариса?..

Марина спросила:

— Оксана, ты, наверное, посещаешь кружок ради Николая. Правда? Я знаю, что он тебе нравится. Я, например, хожу, потому что там Женя...

Да, она угадала, но не до конца. Это правда: Коля мне нравится. И я все еще не понимаю, что может означать тот букетик ландышей... А может быть, это просто товарищеское поздравление с женским праздником. Но почему же тогда он не подарил букетик Марине?.. Конечно, мы с ним друзья, но...

Я часто ловлю себя на мысли о том, что мне хочется знать о Коле все: кто его отец, мать? Как он жил, как рос?.. Однако он очень мало рассказывает о себе.

Но я не отказалась бы от нашего кружка даже в том случае, если бы туда перестал ходить Николай. После всего рассказанного Женей я поверила: космоистория — это не выдумка!..

23 марта. Вчера вечером я забежала к Марине

в общежитие. Неожиданно увидела Николая. Я, конечно же, растерялась, но это не удивительно. Мне даже показалось, что и он смутился. Потом он пригласил меня в их комнату. Мы не знали, с чего начать разговор. И снова заговорили о нашем кружке. Хорошо было бы получить хоть небольшую комнату в институте! Постепенно мы бы заполнили ее экспонатами...

Он показал мне экспонат, принесенный из дома. Это был... австралийский бумеранг! Я удивилась: какое отношение имел этот бумеранг к космоистории?..

Но Коля ответил не сразу. Мы вышли из общежития, поднялись к памятнику Неизвестного солдата и долго стояли у голубого огня.

И тогда он сказал:

— Если хочешь знать, этот огонь тоже космоистория. Потому что просто истории на Земле уже нет — вся она стала «космо...». Кстати, такой она и была всегда... Беда лишь в том, что мы об этом очень мало знаем...

Мы сели на скамейку у Аскольдовой могилы. Вечер был тихий и теплый. Снег уже весь сошел, и Днепр освободился ото льда. Мы смотрели на галактику дарницких огней и говорили о тайнах небесных галактик. Я позавидовала героям Г. Уэллса, владеющим машиной времени, которая с поразительной легкостью переносила их из одного тысячелетия в другое.

— А знаешь, — сказал Коля. — У меня ведь тоже есть машина времени. И я тебе ее показывал.

Сначала я ничего не поняла. Растерянно посмотрела на него. Он таинственно улыбался.

— Тот бумеранг... Ты догадываешься, почему я

решил присоединить его к нашим экспонатам? У бумеранга очень интересная история... Он обладает всеми качествами машины времени.

— И ты летал?

— Конечно... Еще в детстве. По следам деда Максима. Там я видел такой рисунок... Эх, если бы можно было заполучить его для нашей коллекции!.. Он тогда произвел на меня большее впечатление, чем марсианский бог.

Я так обрадовалась, что он, наконец, хочет хоть что-то рассказать о себе! Правда, мне трудно было представить его ребенком или даже подростком. Но не всегда же он был таким сильным... Я спросила:

— Когда же это было?

Он удивил меня своим ответом.

— Так просто и не скажешь... Здесь два измерения. С одной стороны это было тогда, когда я учился в шестом классе. А с другой... С другой — тогда, когда дед Максим плавал юнгой на «Отважном». То есть более ста лет тому назад. Дед прожил, наверное, лет сто пятнадцать...

Теперь я и вовсе была сбита с толку. Еще не зная, что он станет рассказывать — сказку или быль, — я приготовилась слушать.

2. Сокровище старого моряка

Это произошло на дне моря. Правда, моря тогда еще не было, но оно могло прийти сюда завтра. Уже все хаты были разобраны, бульдозеры сровняли их с землей, а на горе возникли Новые Лужаны. Дома

там были с черепичными крышами и большими окнами. А здесь, на дне моря, осталась стоять только хата деда Максима.

Дед Максим был такой старый, что никто не знал толком, сколько ему лет. К нему приходили и внуки и правнуки. Внуки тоже были старые, бородатые. И у правнуков уже были дети. Сына одного из своих правнуков, белоголового Миколку, дед Максим очень любил.

Как-то под вечер, когда люди уже устали уговаривать деда Максима, чтобы он покинул хату и поехал на гору, в новый дом, дед вдруг попросил:

— Пришлите-ка сюда Миколку.

Коле было тогда двенадцать лет. Он хорошо учился, любил читать о путешествиях и сам мечтал стать путешественником. Часто зимними вечерами дед Максим рассказывал мальчику о своей службе на флоте. Было это давно, очень давно — еще тогда, когда военные корабли ходили в далекие моря под парусами.

Мальчик подошел к постели деда. Старик положил почти невесомую руку ему на голову и тихо спросил:

— Ну как, моря еще не видно?

— Скоро придет, — так же тихо ответил Коля. — Дедуся, поедем в Новые Лужаны. Там теперь очень хорошо. И радио есть... Скоро отец телевизор купит...

Дед приподнялся. Его исчерченная морщинами кожа была похожа на потрескавшуюся от засухи землю.

— Слушай, Миколка, — сказал дед. — Вон у печи

стоит ломик. Возьми его и постучи по полу. Только не медли.

Коля взял ломик и начал постукивать им по земляному полу. И вот когда в одном месте земля как-то глухо отозвалась, дед приказал:

— А теперь закрой дверь и начни долбить.

Через полчаса ломик вонзился в подгнившее дерево, которое тотчас же от прикосновения ломака превратилось в труху. Это была крышка резного сундука. В нем лежала морская одежда деда Максима.

Дед снял с себя рубашку и облачился в парадную форму русского моряка. Потом надел бескозырку с надписью «Фрегат «Отважный» и облегченно вздохнул:

— Вот так... — Чуть передохнув, он добавил: — Теперь, Миколка, достань то, что лежит на самом дне.

Коля опустил на дно сундука и нащупал там какую-то кривую заостренную палку длиной с локоть. Она была сделана из крепкого тяжелого дерева и загнута, словно буква «Г». Отполированную до блеска ручку украшала таинственная резьба. Взяв эту удивительную палку, Коля подошел к деду.

— Ты знаешь, что такое бумеранг? — спросил дед.

Коля ответил не совсем уверенно:

— Знаю... Это оружие такое. Сначала летит вперед, а потом возвращается назад... — Хотел было еще что-то добавить, но на этом его знания о бумеранге были исчерпаны.

— Правильно. Хитрющая штуkenция, — подтвердил дед.

Он рассказал, как умело пользуются бумерангом австралийцы. Как попадают им в еле видимую цель на расстоянии двухсот шагов. Первые европейцы, побывавшие на австралийской земле, назвали бумеранг оружием колдунов.

— А может, это и в самом деле колдовство? — спросил Коля.

Лицо деда прояснилось, реденькая белая борода его затряслась от тихого, почти беззвучного смеха.

— Колдовство, говоришь?..

— Да нет, это я так просто... Я ведь не верю в колдовство, — смущенно улыбнулся Коля.

Дед помолчал, прислушиваясь к разговору за окном. Внуки и правнуки все еще советовались о том, как уговорить своего предка оставить старую хату.

— Вот что, Миколка, — наконец сказал дед. — То, что у тебя в руках, и есть австралийский бумеранг. И даже не простой, а волшебный...

Коля недоверчиво посматривал то на изогнутую, заостренную палку, то на деда Максима.

— Волшебный?..

— Да, волшебный. Но не для каждого. Для человека скверного он всего лишь кусок дерева. А для человека с добрым сердцем и светлыми мыслями он волшебный.

— Откуда он у тебя?..

— Об этом ты спросишь у бумеранга. Он обо всем тебе расскажет. Загадай только, где бы ты хотел побывать, и брось его... Смело бросай.. Пока он будет лететь туда и обратно, ты успеешь побывать

всюду, где только захочешь. Вот такая, брат, штука-кенция!..

— Но это же только секунды, — разочарованно пожал плечами Коля.

— А ты попробуй... — Дед Максим ненадолго умолк, и лицо его помрачнело. — А теперь поцелуй меня, мой мальчик. И беги, беги.. Потому как мне пора.

— Куда пора? — испугался Коля.

— К новой хате, — печально улыбаясь, сказал дед.

Коля не понял тогда потаенного смысла этих слов. Он очень обрадовался, что дед, наконец, согласился переехать в Новые Лужаны. Поцеловал его и, крепко держа в руках волшебный бумеранг, выбежал на обнаженные луга. Все здесь было вырублено до последнего кустика. Море было уже недалеко...

На следующий день, когда зеленые днепровские луга стали исчезать под волнами нового моря, Коля узнал, что дед Максим так и не вышел из хаты. Созвав внуков, он приказал, чтобы его похоронили так, как надлежит хоронить моряка, — на дне морском. И, попрощавшись со всеми доброй улыбкой, он уснул навеки...

Коля был так огорчен, что на какое-то время даже забыл о подарке деда. Но в двенадцать лет печаль проходит быстро.

И вот он у моря. Бегут волны, словно табуны белогривых коней, и кажется мальчику, что выйдут сейчас из морской пены сказочные богатыри, зазвонят золотыми щитами и латами. И может быть, пригласят его в свои таинственные странствия?

Он вспомнил о волшебном бумеранге. Стремительно побежал домой, достал из-под кровати и — скорей на берег.

Неужели и правда этот бумеранг волшебный и может повести его по солнечной дорожке?.. Но ведь дед никогда его не обманывал. Все, что он обещал, всегда сбывалось.

Коля прошептал: «Бумеранг, расскажи мне о себе!», размахнулся и бросил его изо всех сил и закрыл глаза...

Сначала ничего особенного не произошло. Только услышал свист — будто коршун крыльями рассекает воздух. Потом перед глазами в темноте замелькала пламенная мошкара, поплыли огненные пятна. Но он очень верил деду и терпеливо ждал.

И вот случилось настоящее чудо...

Надувая белые паруса, ветер гнал к берегу сказочный корабль. Он плыл величественно, гордо, будто огромный лебедь. И все же корабль этот был не сказочный — о таком, именно о таком, ему часто рассказывал дед Максим! На таком точно корабле он и начинал службу юнгой. Ну, ясно же — фрегат! Боевой фрегат русского флота.

Тем временем на корабле заметили мальчика, спустили шлюпку, и он вскоре оказался на палубе.

Немолодой моряк со смоляными усами, одетый в такую же форму, какая была у деда, строго обратился к Коле:

— Юнга Нечипорук, ты нашел пресную воду?

Откуда они знают Колину фамилию?.. Однако размышлять об этом не было времени, он очень обрадовался, что его называли юнгой. Еще бы! Кто из мальчишек не позавидовал бы ему?..

Фрегат «Отважный» держал курс к берегам Австралии...

Теперь Коля знал, что он — Максимка, сын крепостного из Екатеринославской губернии, и принадлежит он капитину «Отважного» Федору Ивановичу Миронову. Это Миронов назначил Максимку юнгой. Матросы очень любили своего капитана. Полюбил его и Максимка.

Вскоре мальчик подружился с мичманом Скрябиным. Иногда Коля рассказывал ему о самолетах, о космических ракетах, и мичман шутя называл его Великим Провидцем.

Как-то мичман сказал:

— Вот что, Провидец. Когда никого нет поблизости, можешь звать меня просто Володей. У меня брат такой же, как ты.

Фрегат выходил за рубеж Великого Барьерного Рифа. Горы Австралийского материка возвышались на горизонте и издалека были похожи на полосу синих, плотных туч. На коралловых островах, прижимавшихся друг к другу, растительность была не такой пышной, как на материке, но и здесь все было зелено. Беспощадное тропическое солнце стояло прямо над головой, накаляя даже дерево на судне, а к железным предметам и вовсе нельзя было прикоснуться.

Когда подходили к Брисбену, Коля стал невольным свидетелем разговора между Скрябиным и графом Курбским — изнеженным, спесивым лейтенантом, которого матросы ненавидели.

— Кто ваши секунданты? — спросил Курбский.

— Будем драться без секундантов, — спокойно ответил Скрябин.

«Дуэль, дуэль!» — испуганно забилося сердце мальчика. Он вспомнил, что послужило причиной дуэли. Курбский жестоко избил матроса Терехина, и Владимир отвесил графу за это щедрую пощечину. Тогда Коля и не предполагал, что это может закончиться дуэлью.

Судно остановилось на рейде. Капитан разрешил матросам сойти на берег. Шлюпка с офицерами отошла первой. Коля с волнением следил за ней — там сидели Скрябин и Курбский.

Но когда юнга оказался на берегу, было уже поздно. Поблизости не было ни мичмана, ни графа. Коля бегал по улицам городка, который казался ему большим селом.

Мальчик понял, что искать офицеров в городе бесполезно, и тогда он побежал на окраину. Перед ним раскинулась волнистая равнина, а за ней дальше высились горы. Хорошо наезженная дорога вела в рощу.

И Коля побежал по этой дороге...

3. Встреча с туземцами

Это были странные деревья. Стволы их были такими же, как и у высоких пальм, а верхушки украшены листьями гигантского папоротника. Над зелеными маковками деревьев время от времени взлетали цветные стайки попугаев, словно подброшенные вверх цветы.

Но мальчику было не до красоты австралийских

субтропиков. Не останавливаясь ни на минуту, он упрямо шагал по лесной тропе.

Неожиданно он услышал над головой оглушительный хохот. Было что-то дикое, неистовое в этом хохоте, и Коля спрятался под кустом широколистого папоротника. А хохот катился по лесу и становился все яростней.

Однако воспоминание о Володе заставило Колю вылезти из-под куста и двинуться дальше.

Но когда он пробежал еще полкилометра, хохот повторился. И снова он катился откуда-то сверху. Коля оглянулся, но ничего не увидел. Вдруг перед ним возник высокий человек с ружьем в руках. В охотничьих сапогах, подпоясанный широким поясом, в широкополой шляпе. Очевидно, незнакомец по форме узнал в Коле юнгу русского флота. Пыхтя трубкой, он обратился на ломаном русском языке:

— О юнга «Отважный»! Я имель визит Петербург.

И на еле понятной смеси русских и немецких слов объяснил, что он ученый, изучает разные народности и Коля может не бояться его. Он предупредил, что дальше идти нельзя, потому как сейчас начнется охота на черных воронов.

Незнакомец схватил Колю за руку, повел за собой в чащу и осторожно раздвинул кусты. Там, на поляне, вокруг костров сидели туземцы. Мужчины держали в руках копья. Тела воинов от пояса до колен были прикрыты шкурой кенгуру, у некоторых на бедрах только повязки, сплетенные из травы. Грудь каждого воина украшали симметричные шрамы. Здесь были и мужчины с широкими смоляными бородами и безбородые юнцы. А что это у них за по-

ясами? Это ведь бумеранги! Такие же точно, как у Коли!..

Снова послышался страшный хохот. Мальчик вздрогнул всем телом. Незнакомец усмехнулся и молча показал на дерево, где сидела птица с большим черно-желтым клювом. Как только птица раскрывала клюв, из ее горла тотчас же вырывался этот сумасшедший хохот. Незнакомец объяснил, что колонисты называют птицу Джек-хохотун.

Теперь Коля уже не боялся этого смеха и даже обрадовался, надеясь, что смех привлечет к себе внимание туземцев и они смогут заметить под деревьями людей с ружьями, которых он сам только что увидал. Но туземцы так же, как и эти люди, охотившиеся на них, привыкли к хохоту Джека и не обращали на него никакого внимания. Они мирно похаживали мимо костров, ожидая, пока изжарится мясо кенгуру. Кое у кого из женщин за спинами в травяных корзинах сидели малыши.

Вдруг где-то недалеко раздался выстрел. И сразу же Коля услышал отчаянный крик Курбского:

— О проклятье! — И после короткой паузы: — Ваша очередь, мичман.

— Я отказываюсь от своего выстрела, — ответил голос Володи.

Снова раздался выстрел. Очевидно, мичман разрядил пистолет в воздух.

Тревогой и радостью наполнилось сердце мальчика. Он радовался тому, что дуэль закончена, что Володя жив. Но теперь его охватила тревога за туземцев, не знавших еще о страшной опасности, грозившей им.

Из соседних кустов в ту сторону, где находились

Володя и Курбский, метнулись трое колонистов. Видимо, выстрел заставил их раньше начать ужасную охоту на туземцев.

Один за другим затрещали выстрелы. Коля видел, как падали меднокожие женщины, обливая кровью детей, как бородатые воины грудью прикрывали малышей от пуль.

Поляна была окружена. Туземцы падали как подкошенные. А человек, который только что называл себя ученым, изучающим народности, спокойно вскидывал винтовку, целился и, удовлетворенно улыбаясь, нажимал на курок.

Туземцы умирали мужественно, не слышно было ни стонов, ни криков. Но вот в воздухе раздался свист бумерангов. словно десятки вспугнутых птиц слетели с поляны и бросились в разные стороны. Некоторые бумеранги возвращались обратно, и тогда черные руки снова тянулись к ним, чтобы метнуть во врагов, вооруженных смертельными молниями. А некоторые попадали в цель — в шею, в голову или в грудь колонистам.

Однако Коля понимал: как бы мастерски ни владели своим оружием австралийцы, все они были обречены на гибель. У колонистов — ружья, у туземцев — только копья и бумеранги. Не помня себя от гнева юнга бросился на «знатока народностей», ударил его головой в живот и, обдирая кожу о колючие кусты, выбежал на поляну.

— Стойте! — крикнул он, размахивая руками. — Стойте! Не смейте стрелять.

За кустами кто-то грязно выругался. Выстрелы смолкли. И тогда Коля увидел Володю, вырывавшегося из цепких рук вооруженных колонистов. Сбив

одного с ног и отшвырнув второго, мичман бросился к Коле.

— Почему ты здесь? Кто тебе разрешил?..

Но не успел он договорить, как снова защелкали выстрелы. И двое меднокожих воинов упали замертво.

Владимир снял мичманку. Держа одной рукой Колю за плечи, он другой поднял мичманку на уровень груди, словно перед клятвой, и громко сказал:

— Если вы люди, немедленно прекратите это кровавое бесчинство! Если же вы звери...

Пуля выбила мичманку из его руки. Тогда один из туземцев, рискуя жизнью, поднял мичманку, подошел к Володе и отдал ее прямо в руки.

С гиканьем и свистом колонисты выпустили на поляну собак. Это были злые волкодавы с сильной грудью и крепкими лапами. Туземцы сразу же окружили мичмана и Колю тесным кольцом, стараясь уберечь их от собачьих зубов. Перед глазами мальчика замелькали меднокожие спины воинов, собачьи лапы и раскрытые пасти. Туземцы хватали собак за горло, душили руками. И вскоре трава на поляне покраснела от крови...

Мичман тоже ринулся в бой. Мундир его был разорван, лицо залито кровью, и время от времени среди собачьих спин поблескивал его кортик. Коля выхватил копье из рук убитого воина и побежал на помощь товарищу.

Вдруг за деревьями послышался протяжный воинственный крик. Туземцы, потрясая копьями, ответили таким же протяжным криком. Десятки бумерангов полетели в колонистов: к туземцам пришла помощь!..

И вскоре все смолкло под широколистыми папоротниками. Только безумно хохотал Джек-хохотун. В этом смехе было что-то веселое и в то же время злорадное. Коле показалось даже, что это был смех победителя.

4. Люди из племени Ечуки

Рядом с носилками, на которых лежал Володя, шел крепкий чернобородый австралиец с умными темно-кариыми глазами. В руках австралийца поблескивали два деревянных копья, похожих на гигантские иголки. За поясом, который свисал до колен и был единственной его одеждой, торчал бумеранг. На груди, испещренной рубцами, покачивалось ожерелье из перламутровых ракушек.

Наблюдая за тем, с каким достоинством держался этот меднокожий австралиец и как обращались к нему воины, Коля понял, что это их вождь.

Какая страшная вещь немота! А Коля был сейчас словно бы немой, так как ничего не мог сказать этим людям. Он дергал то за пояс, то за руку кого-нибудь из воинов и показывал туда, где, по его мнению, стоял фрегат «Отважный», но в ответ слышал только одно слово:

— Ечука...

Что это значит? Наконец один из воинов подвел его к чернобородому вождю и, тыча пальцем в грудь шоколадного великана, повторил:

— Ечука!..

Коля не понял, было ли это собственное имя или название рода, но ему стало ясно, что власть в пле-

мени принадлежала этому сильному человеку с добрым лицом и сердитыми глазами. Коля попытался объяснить, что Володю не следует нести в джунгли, что его давно ждут на корабле. Это был язык жестов, но Ечука, кажется, понял. Его рука опустилась на голову юнги.

Потом он подвел к Коле юношу с темно-синими глазами. Взяв Колину руку и руку этого юноши, Ечука соединил их ладонь в ладонь. Юноша белозубо улыбался и что-то быстро говорил, но из его веселой скороговорки можно было понять только одно — что его зовут Акачи.

Глядя на Ечуку и его воинов, Коля удивлялся тому, что на их лицах не было заметно и тени печали. Они шли так спокойно, как идут косари, возвращаясь домой после работы. Сзади несли убитых мужчин, женщин, детей. Никого из мертвых и раненых они не оставили на окровавленной поляне. А чуть поодаль вели связанных колонистов. Их было трое. Среди них Коля узнал и «народоведа» в охотничьих сапогах. Его шляпа красовалась на голове туземца, который шел впереди этой троицы, крепко держа в руках ремень из кожи кенгуру. Так погонщик ведет ленивых волов на веревке.

Курбского не было. Видимо, он остался там, на поляне. Во время боя Коле некогда было смотреть по сторонам. А сейчас словно кто-то осветил лучом тайные уголки его памяти. Да, да, князь присоединился к колонистам. Значит, ему не помогло и то, что Владимир отказался от выстрела. Если его не настигла пуля, значит бумеранг...

Акачи не отходил от Коли. Показывая то на дерево, то на копье, то на солнце, изредка выгляды-

вавшее из густой листвы, — на все, что попадалось на глаза, юноша объяснял, как это звучит на языке его племени. В этом языке было много шипящих звуков. Коля знал уже, как называются волосы, нос, губы. Взяв в руки два кремня, Акачи приложил к одному из них травяной фителек и почти незаметным движением высек огонь. Размахивая искристым фитильком перед лицом мальчика, Акачи повторял, нажимая на каждый слог:

— Ша-чу-ши, ша-чу-ши, ша-чу-ши...

Этого было достаточно, чтобы Коля запомнил: шачуши — значит огонь. В полночь они подошли к каким-то шалашам, которые и были, вероятно, стоянкой племени Ечуки. Володю положили в небольшой шалаш, куда воины вместе с Акачи тотчас же принесли свежей, пахучей травы.

Поляну окружали непроходимые леса. Воины сразу заснули, а их жены и матери при свете костров свежевали убитых по дороге кенгуру. За спинами туземок в травяных сумочках спали малыши. Женщины ни на минуту не расставались с этой драгоценной ношей.

Владимир начал бредить. Коля нащупал панцирь небольшой черепахи, куда Акачи налил прохладной воды. Оторвав от рукава собственной матроски кусочек ткани, он намочил его и приложил к пересохшим губам мичмана. Потом влажной тряпочкой вытер ему лицо. Свет костра, проникающий в шалаш, окрасил щеки Володи румянцем. Вскоре Коле показалось, что мичман раскрыл глаза. Нет, не показалось — в самом деле, его губы шевельнулись, и Володя тихо спросил:

— Где мы? Капитан знает о дуэли?

— Молчи, тебе нельзя разговаривать. Федор Иванович ничего не знает.

Скрябин повернул голову. Видимо, это движение причинило ему боль. Глаза его остановились на костре и на женщинах, готовящих ужин.

— Да-а, понимаю...

И вдруг из другого угла Коля услышал шепот Вольфа:

— Мальчик, я имел визит Петербург. Я ист gros ученый. Меня принимал руссише император. Я буду писать императору. Он сделает тебя маленький умный паж...

Коля не счел нужным объяснять «великому ученому», что его никак не прельщает эта неожиданная возможность.

Вечером начался большой праздник: Акачи вступал в круг молодых людей. К этому событию мальчики старшего возраста готовятся по нескольку лет. Им наносят глубокие раны, заставляют прыгать с высоких эвкалиптов, бросаться с гранитных скал в пену сумасшедших водопадов. О тех, кто не выдерживает этих испытаний и гибнет, не жалеют даже собственные родители: все равно из такого не вышло бы настоящего воина. А тот, кто остался в живых, получает право носить на своем теле самые почетные украшения — багряные рубцы поперек груди.

Такие рубцы уже украшали грудь Акачи. Они были еще свежими, видно, совсем недавно зажили. Коля, притронувшись пальцами к шрамам Акачи, спросил:

— Очень было больно? Правда?..

Акачи улыбнулся, показав крепкие белые зубы.
— Воину Благородного Какаду не может быть больно.

Коля сообразил: какаду, яркая красногрудая птица — тотем племени Ечуки.

Его уже не удивляло то, что он понимает язык Акачи: действовали чары дедушкиного бумеранга...

Праздник должен был длиться четырнадцать дней. Потом Акачи получит право выбрать себе жену. А если она родит ему сына и сын тоже станет взрослым воином, тогда Акачи сможет войти в почетный круг старых людей.

Коле очень хотелось побывать на этом празднике, но мичману стало хуже, и он вернулся в шалаш. Кроме них, в лагере остались только женщины и дети — им запрещалось принимать участие в празднике. И еще караульный, стоявший у их шалаша.

На вершине крутого холма уже пылали костры. Вскоре оттуда стали раздаваться песни и воинственные крики. Володя уснул. Коля хотел было вылезти из шалаша, но услышал голос Вольфа:

— Мальчик, завтра черный брюх меня съедал. Я имел грех тайна. Ты должен меня спасай.

Вольф лежал в углу, туго перевязанный веревкой. Часовой время от времени подходил к нему. Именно ради Вольфа его и поставили у шалаша.

— Тайна? — переспросил Коля. — Какая у вас тайна?

— Это нужен всем люди. Это есть большой наука.

Когда часовой вышел, Коля расстегнул воротник Вольфа и, нащупав под рубашкой твердую, в несколько раз свернутую бумагу, достал ее. Он вышел

из шалаша и при свете костра удивленно разглядывал рисунок, сделанный угольным карандашом. Хитрая бестия этот Вольф! И зачем только голову морочит? Подумаешь, какая невидаль!

Но когда Коля вернул рисунок Вольфу, тот, мешая немецкие и русские слова, что-то быстро залопотал. Но Коля понял только одно:

— Мальчик не есть понимайт. Мальчик есть глупый...

Вольф принялся объяснять, что это не его рисунок — он, Вольф, сделал лишь точную копию с рисунка, найденного в пещере. Этой находке может позавидовать любой антрополог. Найденное Джемсом Куком в пещерах острова Танны изображение первобытного туземца нельзя и сравнить с этим, австралийским. Герр Вольф убежден, что в австралийском рисунке заключена одна из самых великих тайн человечества. Пусть мальчик только присмотрится к глазам этого человека, изображенного на рисунке, к чертам его лица. Разве этот человек хоть немного похож на кого-нибудь из австралийских дикарей! О нет! Это тип человека, умственное развитие которого давно превалирует над развитием плоти. Даже среди культурных народов редко встречаются люди с такими ярко выраженными чертами высокого интеллекта. На рисунке, найденном Куком, тоже были заметны такие черты, но в значительно меньшей степени. Европейские этнографы были поражены находкой Кука, но о ней быстро забыли. А то, что нашел он, герр Вольф, взбудоражит весь мир. Пусть мальчик обратит внимание на глаза. Разве можно теперь где-нибудь увидеть такие огромные глаза? Но ведь этот человек не коренной австралиец? Кто же

тогда он? Откуда он сюда пришел? Австралия всегда была отрезана от других материков. Об этом свидетельствуют ее фауна и флора. И вообще откуда взялись в Австралии люди? Переселились с севера? Но ведь австралийцы и доныне не знают мореплавания! Кроме того, австралоидный тип человека не похож ни на какие другие расы. Герр Вольф исследовал это на сотнях черепов.

Думать, что доисторический художник создал образ фантастического человека нет никаких оснований. Рисунок выполнен в реалистической манере, с огромным мастерством. Качество краски свидетельствует о том, что художник знал тайны красок, которые потом будут утрачены человечеством. По наслоениям позднейших эпох герр Вольф установил, что рисунок этот сделан много тысяч лет назад. Пещера была завалена, герр Вольф разыскал ее случайно...

Как же они возникли — австралийские племена? Это ведь загадка! Необычайно интересная загадка!..

Но Коля не поверил Вольфу. Ему хотелось туда — на праздник...

На вершине холма горело несколько костров. Полуголые тела воинов, озаренные пламенем, казались вычеканенными из красной меди.

Танец кончился, и начались боевые соревнования. Юноши разделились на два лагеря и разошлись в противоположные стороны широкой долины. Наступление начали стоявшие справа. Они бежали, падали в траву, снова поднимались, бросая копья и бумеранги.

Никто не обращал никакого внимания на царапины. Но вот воины дружно поднялись и пошли на

сближение. Впереди, ловко уклоняясь от копий и бумерангов, бежал стройный быстроногий воин. Костры вспыхнули ярче, и Коля узнал Акачи. Да, это он возглавлял отряд, который с воинственным воодушевлением перешел теперь в наступление.

И хотя копы были не слишком острые, метал их в полную силу. И столько их пронеслось над головой Акачи, что сердце Коли бешено забилося.

На вершине холма, в центре широкой площадки — каварры, Коля увидел могучую фигуру Ечуки. Он стоял, скрестив на груди руки, и внимательно следил за каждым движением сына. Рядом с ним так же спокойно стояли и другие старые воины. Коля понимал теперь их язык. Понимал лучше, чем Вольфа.

— О отважный воин Благородного Какаду, — обратился один из старых воинов к Ечуке, — твой третий сын также доказал, что имеет право носить восемь рубцов на груди.

— Я бы хотел, чтобы он завоевал право носить десять, — сильным голосом ответил Ечука. — Если сыновья племени Благородного Какаду будут неуклюжи, как утконос, и доверчивы, как длинноногий эму, через несколько оборотов от нас не останется ни следа. Всех нас погубят молнии белых динго, а кости догрызут их овчарки. Так пусть лучше погибнет с десятков наших сыновей в таких боях, чем случится то, что случилось на Холодном острове.

Вскоре военные упражнения окончились, и воины начали сходиться на торжественный ужин. Пришел Акачи, окруженный молодыми воинами. На правом плече юноши кровоточила глубокая рана, но лицо его было праздничным и торжественным. Смеясь и

шутя, он время от времени набирал горсть земли и закладывал ее в рану, чтобы остановить кровь. Заметив Колю, Акачи подошел к нему.

— О мой Белый Брат! Как хорошо, что ты пришел. Будешь ужинать со мной.

Сегодня Акачи имел право ужинать вместе со старыми воинами. Так будет продолжаться четырнадцать дней. Потом он утратит это право на много лет и обретет его снова лишь тогда, когда его примут в почетный круг старых людей. Женщинам, детям и юношам запрещается есть пищу, которую готовят для себя старые воины.

Акачи взял Колю за руку, подвел к Ечуке и посадил рядом с собой. Запеченное мясо лежало в лукошках из прутьев. В таких, с которыми женщины ходят за съедобными кореньями.

— Сегодня, сын, ты стал настоящим воином, — торжественно обратился Ечука к Акачи. — Ты должен вместить в себя весь ум и хитрость врага. Ты должен знать все его тайные мысли. Для этого Благодарный Какаду приказал преподнести тебе на ужин вот это...

Ечука неторопливо полез рукой в корзину и достал оттуда... О нет! Об этом даже страшно подумать! Коля, задрожав от страха, начал отодвигаться дальше и дальше, пока не скатился с холма вниз, где его уже никто не видел, — туда не достигал свет костров.

Потом он заметил, что лежит на груде какого-то хлама. Всмотревшись, он понял, что это охотничьи сапоги колонистов...

Сорвавшись с места, Коля во весь дух помчался

к шалашу и, упав на привядшую траву рядом с мичманом, долго еще дрожал и стучал зубами. А когда к нему вернулась речь, он, не помня себя от страха, выкрикнул:

— Они их съели!..

Володя провел ладонью по горячим щекам Коли. Новость не удивила и не поразила его — он словно был готов к ней.

— Успокойся. Их нужно принимать такими, какие они есть. И что бы там ни было, они все-таки значительно благородней, чем те, кто на них охотится. Это такой обряд, связанный с верой в то, что сила и ум врага переходят в них.

— Володя, а что, если и нас съедят? — дрожащим голосом прошептал Коля.

— Нет, Максимка, нам это не угрожает. Туземцы никогда не нападают первыми. Мирные колонисты, обрабатывающие землю, их не боятся. Земледельцев туземцы не трогают. Они убивают лишь тех, кто убивает их. А что же им делать, как ты думаешь?

— Но это же ужасно!..

— Ужасно, говоришь?.. Вот послушай, что случилось в Тасмании. Этот остров некоторые из австралийских племен называют Холодным. Вообще там достаточно тепло, но люди, привыкшие к тропической жаре, считают его холодным. Так вот, Максимка... В Тасмании истребляли туземцев для того, чтобы кормить собак. Да, да! Это делали наши цивилизованные европейцы. Спокойненько рубили их тела так, как мясник рубит барана, и бросали собакам — голову, руки, ноги... Или зарывали трупы под плодовые

деревья. Под каждый персик, под каждую яблоню — по тасманцу. Ну вот, Максимка... А ты говоришь: жестоко. Последний тасманец был уничтожен лет двадцать тому назад. Я уже забыл, как его звали... Он сошел с ума от страшного одиночества. Гонялся за собаками, отбирал у них кости своих братьев и обвешивал себя черепами. Колонисты поили его водкой, а потом науськивали на него собак. Вот такие, Провидец, были развлечения! Погиб он в каком-то кабаке, где развлекались английские моряки. Какой-то «остряк» придумал для него веселую смерть. Пощелкав у виска разряженным пистолетом, он дал его потом тасманцу, чтобы тот повторил эти упражнения. Но теперь пистолет оказался заряженным. — Володя зашевелился, укладываясь на спину. Ему еще тяжело было говорить. — И вот представь себе: есть Тасманово море, есть большой благодатный остров Тасмания, но на нем нет уже давно ни одного тасманца!

У шалаша что-то зашелестело, послышались быстрые шаги. Это был Акачи.

— Белый Брат, ты здесь?..

Но Коля молчал. Он не мог преодолеть отвращения. Рука Акачи нащупала в темноте его плечо.

— Белый Брат!..

Коле стало жутко от этого прикосновения.

— Не трогай меня, людоед!

— Акачи понимает Белого Брата. — Голос юноши звучал растроганно и виновато. — Белому Брату стало нехорошо. Но это ведь был бешеный динго. Благородный Какаду приговорил бешеного динго к смерти...

5. Глаза доисторического человека

Владимир выздоравливал. Иногда он выходил из шалаша и садился в тени низкорослых желтосмолок с дугоподобными листьями. Ечука никому не доверял перевязок и всегда делал их сам.

Вождь племени отдал Вольфа в полное распоряжение мичману. И Скрябин сразу же приказал освободить немца от веревок.

Говорили они с Вольфом по-французски. Коля их не понимал, так как в школе изучал английский. Но время от времени мичман переводил Коле суть разговора.

— Господин Скрябин, вы спасли меня от позорной смерти. Я не забуду этого вовек.

— Хватит об этом, — ответил Володя, — покажите-ка лучше ваш рисунок.

Вольф прочитал целую лекцию о типах человеческих черепов и глаз.

— Мы уже слышали об этом, — сказал Скрябин, кивнув в сторону Коли. — Нам бы хотелось увидеть рисунок, не копию, а оригинал.

— Оригинал?! — гневно выкрикнул Вольф. — Это моя тайна! Сначала я должен опубликовать рисунок.

Наконец Вольф, потребовав от Владимира слова чести русского офицера, что тайна не будет разглашена, согласился показать пещеру. Коля заметил, как в эту минуту зловеще вспыхнули глаза Вольфа.

Идти далеко мичман пока еще не мог, и Ечука приказал своим воинам нести его на носилках, спле-

тенных из травы. Сначала Володя отказался, но потом все же согласился.

Вольф время от времени садился передохнуть, тяжело сопел и украдкой озирался, словно ждал кого-то.

Идти пришлось довольно долго. Но вот на опушке они увидели высокую ограду. За оградой, окруженный эвкалиптами, стоял крепкий деревянный дом с хозяйственными пристройками. Но что здесь произошло с Вольфом! Он оказался таким же быстроногим, как страус эму. Подбежав к ограде и спрятавшись за ствол эвкалипта, он громко крикнул:

— Герр Мильке! Герр Мильке! Давайте ружье! Здесь чернопузые.

Калитка отворилась, и оттуда выглянул высокий человечище с ружьем. И тут же над головой Коли что-то с шумом пронеслось, словно пролетел степной орел. В следующую же минуту он увидел, как зашатался Вольф, как оторвался от дерева и упал в траву. В груди у него торчал бумеранг.

Один за другим прогремело несколько выстрелов. Кто-то схватил Колю за руку и потянул в кусты. И тут только он узнал своего спасителя. Это был Акачи! А рядом с ним стоял чернобородый великан Ечука.

Когда воины, теперь уже во главе с Ечукой, перенесли Володю в безопасное место, старый вождь обратился к мичману:

— Тому, кто хоть раз бросил смертельную молнию в наших людей, никогда нельзя верить. Это неизвестно только нашим белым гостям.

Выяснилось, что Ечука хорошо знает пещеру, о которой рассказывал Володя. Ее знал также отец

Ечуки. И дед, и прадед. Она известна людям его племени с древних времен.

Раньше в эту пещеру ходили темными лабиринтами, с факелами в руках. Теперь белые люди, вооруженные молниями, сделали к ней другой вход. Они привезли большую бочку, замуровали ее в скалу и разбежались в разные стороны. Потом случилось что-то страшное. Ударил подземный гром, взметнулись вверх камни, упала высокая скала, образовав вход в заветную пещеру.

Все это делал тот самый динго, который так коварно обманул белых людей. О-о, старый Ечука знает его очень давно! Не раз чернобородый вождь вместе со своими воинами подкрадывался к высокой ограде, за которой только что хотел укрыться динго. Они видели, какое кровавое колдовство творится за стенами деревянной крепости. Тот самый бешеный динго и его помощники в большом котле вываривали головы мертвых туземцев, нанизывали их черепа на бечевки и высушивали на солнце. А чтобы добывать эти черепа, бешеный динго нанимал в гавани белых головорезов. Потом выдавал им за это тяжелые блестящие кружочки.

Да, да! Ечука давно знает его. Если бы не запрещение Благородного Какаду, эту деревянную крепость сожрал бы огромный костер. Но Благородный Какаду говорит: кто разжигает в лесу огромный костер, тот сам в нем сгорит. Поэтому люди Ечуки всегда выбирают открытые поляны и никогда не разжигают больших костров.

Но гостям ни в чем нельзя отказывать. Только поэтому Ечука согласился оставить белого динго в живых. Он хорошо знал, что коварный динго не по-

ведет их к пещере, — он поведет их к крепости, под удары смертельных молний. В пещеру он входил один, а люди с молниями караулили у входа. В пещере его можно было взять даже голыми руками. Но Благородный Какаду запрещает творить насилие над человеком, попавшим в пещеру, каким бы ни был этот человек...

Теперь коварный динго не будет варить в огромном котле головы отважных воинов. Благородный Какаду наказал его рукой Акачи, которая не знает промахов.

Нет, они не пойдут в пещеру через тот вход, сделанный в скалах белым динго. Тот вход для людей, у которых сердце похоже на мертвый камень. Они пойдут дорогой их предков.

Чистым огнем пылают травяные факелы в каменных лабиринтах. Они не чадят. Люди Ечуки знают такие смолы, которые дают чистый бездымный огонь. С чадящими факелами сюда нельзя входить под страхом смерти.

На плечах воинов плывут носилки мичмана. Впереди в свете факелов отливают темной медью плечи чернобородого Ечуки. Рядом с ним идет сильный и упругий Акачи. Иногда он оглядывается, легонько прикасается к плечу Коли:

— Поторопись, мой Белый Брат! Отставать нельзя. Кто не знает дороги, тот навсегда остается под землей. — Потом он показывает на мичмана Скрыбина. — Белый Друг скоро выздоровеет. Так хочет Благородный Какаду.

Коля долго не мог преодолеть своего отвращения и вздрагивал от каждого прикосновения Акачи. Но постепенно их дружба восстановилась.

Наконец высокие каменные стены расступились и взгляду пришельцев открылся подземный зал. В выступах стен искрятся загадочные кристаллики. Они усиливают свет факелов, делая его легким, чуть голубоватым.

Ечука останавливается. Останавливаются и воины, опустив носилки на каменный пол подземелья. Скрябин, преодолевая боль, поднимается на ноги. Все стоят молча, благоговейно склонив головы. Перед их глазами на ровной стене проступает из темноты прекрасное человеческое лицо.

Сначала видны большие, и в самом деле очень большие глаза. Таких глаз Коля не видел ни разу. В них светятся острый ум и человечность. Часами можно всматриваться в эти неземные глаза. Кажется, что они излучают добрые, светлые мысли...

Нос ровный, прямой, с небольшой горбинкой. Губы мягко очерчены, они чуть-чуть похожи на красные, с синеватым отливом губы Акачи. Небольшие усы начинаются у ямочки под носом и теряются во вьющейся бороде. Волосы свободно спадают на плечи. Они значительно светлей, чем лицо, и концы их завиваются в легонькие спиральки. Плечи широкие — такие же, как у Ечуки. А на плече сидит какаду с большим клювом.

Так вот откуда происходит священный тотем Ечуки! Почему же Вольф не изобразил эту птицу на своей копии?

Зажгли еще несколько факелов и поднесли их к рисунку. И тут Коля заметил, что мичман крестится и растерянно шепчет:

— Великий Иисус, ты вездесущ еси...

— Володя! — вырвалось у Коли. — Ты с ума

сошел! Это же Австралия! Какой тут может быть Христос?..

— Нимб! — прошептал Скрябин. — Видишь, Максимка? Нимб!..

Подойдя к рисунку, Коля внимательно всматривается в него. Теперь он замечает, что голова таинственного человека окружена едва заметным кольцом, похожим на те, что обрамляют головы святых в наших церквах. Вольф или в самом деле не видел нимба, или не захотел увидеть. Так же, как сознательно не заметил на плече человека большеклювого какаду. А может, он намеревался показать эти детали только в публикации?

Под рисунком было написано по-немецки: «Год 1860, Ганс Вольф. Срисовывать и публиковать запрещено».

На широкой каварре пылают костры. Акачи подбрасывает в них корявые стволы желтосмолки. Коля лежит, подперев подбородок руками. Он боится пропустить хотя бы слово из рассказа Ечуки. Всматриваясь в лицо темно-медного вождя, Коля замечает, что оно чем-то напоминает лицо Беловолосого бога. Только у Ечуки глаза меньше и волосы черные, как воронье крыло. Мичман тоже слушает внимательно. Он уже не переспрашивает у Коли, что значит то или иное слово — Володя начал понимать язык племени Благородного Какаду.

А Ечука говорит, говорит. И слова его напоминают шелест листьев на высоких папоротниках...

Беловолосый бог появился в наших лесах тогда, когда не было еще на земле ни одного воина Бла-

городного Какаду. Беловолосый бог прилетел с неба на большой огненной птице. Он был одет во все белое, а на плече у него сидел его дух — Красногрудый Какаду.

Беловолосый бог не захотел жить один. И он сказал своему духу:

— Мне нужны отважные воины.

Благородный Какаду, выслушав своего господина, полетел в леса. Там он вил гнезда и клал в них яйца. Из яиц родились первые воины. Они пришли к Беловолосому богу и сказали:

— Мы будем верно служить тебе и твоему духу — Благородному Какаду. Дай нам оружие!..

Беловолосый бог роздал им копья и бумеранги. Воины ходили в леса, охотились на птиц и зверей и выискивали съедобные корни.

Беловолосый бог научил их добывать огонь. Но отважному воину не пристало самому свежевать кенгуру и готовить ужин. Тогда Беловолосый бог сказал:

— Отважные воины! Пусть каждый из вас вырвет у себя по волосу и отдаст моему духу.

Каждый воин вырвал по волосу и отдал Благородному Какаду, который в своем священном клюве отнес их своему властелину. Бог положил эти волосы себе на ладонь и легонько дунул на них. Волосы воинов разлетелись по нашим лесам. И всюду, где они падали, сразу же появлялись молодые женщины. Каждая женщина, разыскав своего воина и склонив перед ним голову, говорила:

— Отважный воин, я — твой волосок! Я должна тебе служить, как ты служишь Благородному Какаду и как он сам служит своему властелину...

Коля и Володя заснули уже на рассвете. Но спать им пришлось недолго. Их разбудил крик, доносившийся из кустов:

— Терехин! Не смей стрелять. Мы должны столковаться миром.

Коле показалось, что это крикнул капитан «Отважного» Миронов. Но поверить в это было трудно, и поэтому парень решил, что это ему приснилось.

Однако мичман, теребя Колю, восклицал:

— Наши!.. Максимка, наши!..

К ним быстро вбежал Акачи.

— Пришли белые люди. У них такие же молнии, как у бешеного динго. Только они держат их за плечами...

Через минуту Федор Иванович был уже в шалаше. Он поднял Колю и поцеловал его, словно родного сына.

— А где же лейтенант Курбский?

— Об этом потом, — ответил Скрыбин.

Матросы радостно трясли юнгу.

— А мы думали, что тебя акулы сожрали, — показывая белые зубы, хохотал рыжий боцман. — А он, смотри-ка, отъелся, словно кот в камбузе.

Ечука проявил незаурядное гостеприимство. Он сам жарил на костре мясо кенгуру, сам подавал его морякам «Отважного».

Но Коля был сегодня печален. Он знал, что скоро, очень скоро им придется расстаться навсегда. И с капитаном Мироновым, и с медногрудым Акачи, и с Володей...

Ечука раздает морякам бумеранги — на память о воинах Благородного Какаду. Акачи дарит свой бумеранг Коле. Правда, в эту минуту он был не Ко-

лей, а Максимкой — юнгой «Отважного». Теперь-то он хорошо знает, откуда взялся у деда Максима волшебный бумеранг. Его подарил Акачи!..

6. Была ли такая планета?

(Из дневника Оксаны)

3 апреля. Ей-богу, я поверила в твой бумеранг. Наверно, дед Максим был удивительным рассказчиком, как и большинство моряков. Мне понравился твой меднокожий Акачи, чернобородый Ечука и благородный Скрябин. Жаль, что волшебный бумеранг закончил свой полет...

Когда мы возвращались с Аскольдовой могилы, я попросила Колю продолжить рассказ, но он улыбнулся и сказал:

— Мой бумеранг не любит летать туда, где уже побывал однажды. А впрочем, посмотрим...

Потом неожиданно прочел:

А может быть, и вправду было это:
Из марсианских призрачных долин
Космические ветры принесли
Тебя на нашу дивную планету.

Рассвет был близок, и за облаками
Твой Млечный Путь уже едва светлел,
И звезды, опадая, васильками
Навеки зацветали на земле.

— Чьи это стихи?

— Не знаю, — ответил он, — просто запомнились эти строчки, и все.

И сразу же перевел разговор на другое — он

уверен, что в рассказах деда Максима Беловолосый бог и Вольф вовсе не были выдумкой...

5 апреля. Мне кажется, что этой весной я попала в какой-то заколдованный мир... Хожу по городу, присматриваюсь к людям и стараюсь понять, о чем они думают. По большей части их мысли заняты практическими делами и нуждами. Подхватывают человека заботы, крутят его в своем водовороте — и трудно подняться над этой пеной, над самим собой, чтобы охватить мир во всей его сложности — с его прошлым и будущим!..

Жизнь предлагает нам столько вопросов, что мы не успеваем их обсудить. Вот, скажем, происхождение человека...

В начале нашего столетия в науке господствовал взгляд, что человечество появилось на земле несколько десятков тысячелетий тому назад. Великий американский астроном Симон Ньюкомб писал: «Наверное, уже миллионы лет Земля движется по своей орбите. Люди же населяют ее, нужно думать, немалого дольше, чем 10 000 лет».

На протяжении последних пятидесяти лет мы отодвигали сроки своего появления все дальше и дальше в глубину веков. Делалось это постепенно: сначала на несколько десятков тысячелетий, потом на целую сотню...

Все объяснялось уважительными причинами: если человек существует уже давно, почему же так поздно начала возникать цивилизация? Какие факторы были ей преградой? Сколько же тысячелетий продолжалось наше детство? Но ведь и здесь должны существовать свои закономерности.

А не так давно было доказано, что человек был

уже человеком (не обезьяной) около двух миллионов лет тому назад! И уже тогда он владел каменным оружием, пользовался огнем...

Мамочка моя родная! Как же об этом сказать?.. Мне кажется, что я жила вечно. Да, да!.. Я прожила все эти два миллиона лет и всегда была человеком...

Это открытие упало как снег на голову посреди лета. Нет, не упало — оно взорвалось. И в сентябре 1962 года собрало всех палеонтологов в Рим — на мировой конгресс. И все они должны были согласиться: человек, найденный доктором Льюисом Ликом в Африке, жил один миллион семьсот пятьдесят тысяч лет тому назад! И его каменное оружие и обожженные на костре кости животных — все это принадлежало тому самому времени... Палеонтологи заставляли известных физиков десятки раз проверять свои атомные хронометры. Но каждый кусочек вещества, взятый отдельно на разных калиево-аргонных хронометрах показывал то же самое число: 1 750 000...

Теперь мы знаем свой возраст: нам не десятки тысяч, а миллионы лет! Как же здесь не поверить в Беловолосого?..

Кстати, что такое обязательный нимб вокруг головы христианских святых? Разве это не подсознательный отблеск человеческой памяти о боге, который ходил в скафандре? Разве наш киевский костел не напоминает ракету, устремленную своими острыми верхушками в звездное небо?..

...Звонок. Неужели вернулась мама? А я до сих пор не сбегала в кулинарию...

6 апреля. Разговор о нимбе и шлеме скаффандра мы закончили с Николаем в Софийском соборе.

Осматривали полустертые фрески тысячетлетней давности, наивную «диаграмму» Ярослава Мудрого... И в самом деле, его сыновья и дочери выстроились на фресках, словно две диаграммы по обе стороны церковного зала... От самого младшего до самого старшего...

Я долго всматривалась в контуры их голов, в их... «скафандры!» Честное слово, каждый из них — «космонавт»!.. Кажется, люди в древности делили себя на тех, кто имеет право зайти в «ракету» и полететь в звездное небо, и тех, кто не имеет такого права. Понятно, что право на персональный «скафандр» получали те, в чьих руках власть. Они и поселялись в каменной «ракете» — в образе рисунков на стенах... Может быть, что-то похожее люди наблюдали когда-то в жизни, и через сотни поколений сделали это своей религией...

Выйдя из собора, мы бродили по Владимирской горке. Коля и в самом деле одержимый! Я смотрела на почки, из которых вот-вот родятся первые листья, а он ничего не замечал. Наталкивался на людей, рассеянно извинялся... А может быть, я и люблю его именно за эту вот прекрасную одержимость?

Нас еще и поныне поражает удивительная непоследовательность в возникновении наук. Как могло случиться, что самой первой наукой земного человека стала наиболее трудная и загадочная из всех — астрономия? Кое-кто объясняет это практическими нуждами. А разве в развитии физики было меньше необходимости?

Египетские жрецы были широко осведомлены в астрономии. Так же хорошо знали эту науку жрецы майя. Календарь майя начинается около двенадцати

тысяч лет назад. И хотя это может показаться невероятным, но ученые признают, что их календарь был точнее современного. Майя знали строение солнечной системы, умели предвидеть солнечные затмения.

Николай обратил мое внимание на поразительные факты: оказывается, египетский календарь и календарь майя начинаются с одного и того же года. И это почти двенадцать тысяч лет назад!.. А пирамиды в Мексике являются как бы слепком с египетских пирамид!..

Есть еще множество фактов, свидетельствующих о том, что и египтяне и майя, хотя их разделяет океан, имели когда-то общую родину — Атлантиду. И календарь их начинается одной датой потому, что на новых землях (после гибели Атлантиды) они начали новое летосчисление. Время гибели Атлантиды, определенное Платоном, почти точно соответствует этой дате... Но Атлантида — это не космо-историческая тема, здесь может справиться и обычная история. Об Атлантиде написано тысячи книжек, собрано бесчисленное количество доказательств, но и до сих пор атланты почему-то пребывают за пределами истории. Странно, очень странно!..

...Я и в самом деле превращаюсь в Колиного секретаря. Только успевай записывать за ним! Как он умеет увлекаться и увлекать других! Скоро будет его лекция у нас в кружке. Он очень волнуется... А Витька Черный все время мешает нам. Ему, видно, не нравится, что мы толчемся в их комнате. Так бы и сказал!..

...Коля! Расскажи мне сказку. О Ечуке, об Акачи... И пусть нас понесет твой волшебный бумеранг дале-

ко-далеко... В такую даль, которая измеряется лишь скоростью солнечного луча...

18 апреля. Что это может значить? Сегодня меня вызвал секретарь комсомольского комитета Дмитрий Сидорук и спросил:

— Оксана, ты можешь стенографировать?

— Немного.

— Комитет поручает тебе записать лекцию Нечипорука. И не только комитет... Мирон Яковлевич просит лично.

Меня огорчило это неожиданное предложение.

— А что случилось?

— Пока еще ничего, — ответил Дмитрий, — нам нужна стенограмма.

Николаю я об этом ничего не сказала.. Не хочу его волновать.

21 апреля. Вот это событие!.. Пришел сам декан и комсомольский комитет в полном составе. А студенческая братия, видно, прослышала, что здесь происходит что-то сенсационное, и все общежитие собралось у двадцать четвертой комнаты. Пришлось перейти в ленинский уголок. В чем заключалась эта сенсация, мне стало понятно только сегодня, когда я принесла Дмитрию стенограмму.

Он внимательно просмотрел ее и при мне позвонил в обком комсомола.

— Здравствуй, Иван! Говорит Сидорук... Мне кажется, что заявление Виктора Черного можно не принимать во внимание... Что? Был, был. И Мирон Яковлевич был... У меня тут Оксана Наливайко. Сейчас она принесет тебе стенограмму...

Вот, оказывается, как нам помог рыжий! А стено-

грамму я обработаю и сохраню — она очень дорога мне.

Сокращенная стенограмма

Присутствующих — сто восемнадцать человек. Председательствует Евгений Кривда.

Евгений. Товарищи! Мы уже с вами говорили, что на земле найдено множество следов, свидетельствующих о том, что в далекие доисторические времена нашу планету посетили люди из космоса. Рисунок из Валь Камоника, древнее изображение космонавта в Сахаре, японские статуэтки. Это позволяет сделать предположение, что космические гости были похожи на нас, но не могли свободно дышать в земной атмосфере. Им нужен был скафандр...

К известным уже фактам следует добавить Баальбекскую каменоломню и загадочную террасу. Терраса строилась из огромных каменных брусков, которые были старательно обтесаны. Каменоломня, где вырубали эти бруски, помещалась внизу. Следовательно, их приходилось поднимать вверх. Еще и до сих пор в каменоломне остались бруски, которые не успели отделить от скал. Но дело в том, товарищи, что каждый из этих брусков весит... по полторы тысячи тонн! Мы еще не имеем механизмов, способных перемещать такие огромные тяжести. Это все равно что перенести на Владимирскую горку современный днепровский теплоход вместе с пассажирами...

Или, скажем, железный столб в Индии. Состав железа и поныне не разгадан. Никто не помнит, когда появился этот столб. Он не ржавеет. Ученые предполагают, что это порошковая металлургия далекой

древности. Но разве это ответ? Ведь к порошковой металлургии мы подходим только сегодня, когда у нас уже есть космические корабли. Откуда взялись на земле огромные прессы, которые в доисторические времена могли из металлических порошков изготовлять такие сооружения? И если мы знакомы с одним таким чудом, то это еще не значит, что их не могло быть значительно больше... Ведь потопа все-таки были!..

Возникает вопрос: откуда пришли эти люди? Какую роль сыграли они в развитии земной цивилизации? Лекцию на эту тему подготовил Николай Нечипорук. Предоставляю ему слово.

Н и к о л а й. Дорогие товарищи! Мне кажется, что на этот вопрос отвечают нам атланты. Отвечают рисунками своих богов — людей в скафандрах. Я верю в интуицию Брюсова. Я думаю, что рисунок в пещерах Валь Камоника также принадлежит атлантам или их ближайшим потомкам.

Кое-кто возражает против того, что это были скафандры — это, мол, обрядовая одежда. Пусть даже так. Но разве обряды рождаются не из жизни? Как же получилось, что обрядовая одежда доисторических людей напоминает одежду космонавтов? Объяснить это случайностью невозможно...

Случайно могло возникнуть несколько рисунков. Но ведь во фресках Анри Лотта нашла свое отображение целая эпоха! Ученые называли ее Эпохой Круглоголовых.

Эта эпоха охватывает несколько тысячелетий. И если бы мы полагали, что исторические эпохи также формируются случайно, то это, простите, уже пахло бы обыкновеннейшей метафизикой...

Возникает вопрос: откуда пришли к нам эти разумные боги? Были ли они временными гостями или, может быть, наша Земля на протяжении столетий была их колонией?

Если они были только гостями, то о серьезной передаче знаний земным людям не могло бы быть и речи. Кроме того, случайные гости не могли оставить на земле столько следов, которые мы и поныне находим на всех континентах. Однако же прошли сотни тысячелетий! Раз так, то давайте позволим себе наиболее фантастическое предположение: наша планета в очень отдаленные эпохи (до многочисленных катастроф, которые уничтожали человечество) была колонией неизвестного нам разумного мира.

Такое предположение порождает массу новых вопросов. Почему космические колонисты покинули землю? Куда они исчезли? Откуда они прилетели — с какой-то соседней планеты или, может быть, из другой солнечной системы?..

Если это не гости, а колонисты, если они прибыли на землю не десятками, а тысячами, если космические люди имели здесь хорошо обжитые поселения, то их, видимо, следует считать нашими близкими соседями. Трудно предположить, что звездную дорогу в десятки световых лет могли преодолевать тысячи людей. Это стало бы возможно лишь в том случае, если бы наша атмосфера позволяла им свободно дышать и они смогли бы перебрасывать на Землю часть своего населения для постоянной жизни. Но, как известно, колонисты вынуждены были жить в скафандрах...

В таком случае какая же из планет нашей солнечной системы могла быть их родиной?

Голоса: — Марс!..
— Венера!..

Ник о л а й. Хорошо пусть будет так... Тогда почему же мы еще и до сих пор не можем наладить с ними связь? Неужели им не интересно знать, как проросли на Земле зерна разума, посеянные ими когда-то. Разве есть такой сеятель, который откажется посмотреть на нивы, засеянные собственными руками?..

Г о л о с. Смелое предположение! Выходит, мы их потомки? А как же быть с материалистическим пониманием эволюции?..

Ник о л а й. Разве материализм отрицает единство мира? Разве материальна только земная жизнь, а вселенная не материя? Во времена Дарвина люди не верили, что между планетами возможно общение. Это считалось сказкой... Но сегодня ведь это уже не сказка!.. Почему же мы смотрим только себе под ноги? Почему боимся поднять голову к небу?.. Я не отрицаю того, что жизнь на Земле возникла самостоятельно. Я только говорю: вполне возможно, что космические посетители дали толчок развитию земного разума. Это не опровергает законов эволюции. Мы ведь и сами призваны к тому, чтобы привить разум на других планетах. И это свое предназначение мы не ставим под сомнение. Так почему же мы считаем самих себя сверхъестественным исключением в жизненных процессах вселенной?

Разве Джордано Бруно был сожжен не за свою веру в множество разумных миров? Разве не мы его потомки? Откуда же у нас появился этот весьма запоздалый геоцентризм?.. Однако вернемся к нашим космическим предкам. Нет, друзья, ждать их напрас-

но! Они никогда больше не прилетят к нам — сеятели давным-давно погибли. Прилететь может кто-нибудь иной, только не они...

Г о л о с. Неужели все погибли?..

Н и к о л а й. Да, все... Потому что погиб целый разумный мир. Погибла планета, которая была когда-то нашей соседкой. От нее осталась только мелкая космическая пыль и бесчисленное количество обломков...

Г о л о с. Как же она называлась?

Н и к о л а й. Давайте спросим у Платона. Ему посчастливилось оставить значительно больше интересных свидетельств, чем кому-либо другому. Предки Платона были философами и поэтами. Они собирали предания о прошлом и передавали их своим сыновьям. Так до Платона дошли рассказы об Атлантиде, и они до сих пор имеют исключительное значение. Есть у него также интересные свидетельства о катастрофах, которые довелось пережить человечеству. Любопытно происхождение одного из мифов. Очевидно, этот миф берет свое начало в Атлантиде, так как он одинаково пересказывался и в Греции и в Египте. Предки древних греков, как свидетельствует Платон, когда-то воевали с атлантами и многое позаимствовали из их культуры. Предшественник Платона, философ Солон, посетил египетский город Саис.

И вот что сказал Солону старый жрец: «Много катастроф пережило человечество. У вас, эллинов, тоже существует миф о том, что когда-то Фаэтон, сын Солнца, сел в колесницу своего отца, но не смог на править ее по пути, которого придерживался отец,

и сжег все на Земле, и погиб сам, пораженный молниями...»

Разговор между Солоном и египетскими жрецами произошел около трех тысячелетий тому назад. Но вдумайтесь в глубочайший смысл этого мифа. Сын Солнца... сколько у Солнца детей? Сейчас девять. Девять планет. Но вот вопрос: всегда ли их было девять? И никогда не было десятой? А какая же у отца колесница?.. Сегодня мы знаем все ее свойства. Солнце питается ядерной энергией. Миллиарды лет ездит на этой колеснице Солнце-отец, но не сжег еще ни одной планеты. Он пользуется ею осторожно, мудро, согревая своих детей ласковыми лучами, оплодотворяя их новой жизнью. А вот его неразумный сын Фаэтон погиб сам и сжег все на Земле...

Обратите внимание: не просто погиб, а был уничтожен молниями! Эта метафора весьма точно говорит о характере взрыва. Ядерного взрыва...

Мог ли скорбящий «бог» в скафандре более точно и образно рассказать землянам о той страшной катастрофе, которая произошла на его родной планете? Он должен был разговаривать с земными людьми на языке, который они способны были понять, — на языке образов, языке мифа... Но, может быть, мы слишком осовремениваем этот миф, вкладывая в него собственные понятия? Может, он не имеет никакого отношения к космосу? И это обыкновенная сказка, вольный полет фантазии наших предков, и поэтому не стоит придавать ей серьезное значение? И почему мы вдруг решили, что Фаэтон — это какая-то планета?.. Может быть, это всего лишь легкомысленный герой старины, которого мифология сделала сыном Солнца? Но почему тогда жрец связывает смерть Фаэтона

с катастрофами, которые переживало человечество? Почему он ссылается на этот миф, как на доказательство того, что катастрофы не выдумки далеких предков, а факты, свидетельствующие о трагедиях в истории Земли?..

Нет, друзья, не мы выдумали Фаэтону космическую биографию.

Послушайте, что дальше говорит Солону старый египетский жрец, и обратите внимание на то, как «современно» звучат его слова. Это, конечно, рассказывается как миф, но под ним скрыта истина, и вот какая: светила, которые движутся в небе, отклоняются от своего пути, и через длинные промежутки времени все живое уничтожается на Земле от сильного огня... И каждый раз, как только укоренится грамота или другие средства, необходимые людям, снова через определенное количество лет, будто болезнь, падает небесный поток и оставляет в живых только неграмотных и неученых...

Здесь нужно разграничивать комментарии жреца от самого мифа. Нам трудно представить, чтобы десятки Фаэтонов срывались со своих орбит и падали на Землю. Фаэтон, проявивший преступную легкомысленность, был, конечно же, единственным. Это и была десятая планета, которой сейчас нет. И она, по свидетельству академика Фесенкова, «разорвалась как бомба».

Вот видите! В древнем мифе говорится «пораженный молниями». А современная наука сравнивает гибель Фаэтона со взрывом бомбы. Но есть ли здесь существенная разница?!

О каком же «небесном потоке» рассказывает жрец? Что это за болезнь, уничтожающая время от

времени человечество? Да, такие болезни в самом деле обрушивались на Землю, но на сей раз речь идет о больших обломках погибшей планеты... Вот мы и получили ответ: погибшая планета называлась Фазтоном. Конечно, она была названа так значительно позднее — на основе мифа о легкомысленном сыне Солнца...

А по сути, ученые использовали для планеты старое название, пришедшее из легенд...

Г о л о с. Разве можно в легендах усматривать исторические факты?

Н и к о л а й. Мы очень долго не доверяли библии, в которой рассказывается о всемирном потопе. А сегодня геологи вынуждены признать: всемирные потопа были.

Г о л о с а: — Где это сказано?

— Нужно следить за журналами.

Н и к о л а й. Да, сегодня наука считает, что мировые потопа — это доказанные факты. И разве это не меняет взгляда на историю земного человечества? Почему же мы не хотим заглянуть в тот мир, который земные народы называют допотопным? Разве это не наша собственная история?

После потопа ничего, кроме легенд, и не могло остаться. Поэтому-то и не следует отбрасывать мифы — их нужно исследовать...

Г о л о с. А может, и сама планета — это только миф?

Н и к о л а й. Нет, товарищи... Такая планета была!.. Еще Иоганн Келлер в 1596 году...

Пометка карандашом. Не слишком ли я сокращаю стенограмму? Надо бы осторожней!.. На сегодня хватит — скоро придет Николай...

7. То, что помнил бумеранг

...И вот он летит, его надежный друг — бумеранг. Летит в каком-то ином, незнакомом мире. Солнца здесь гораздо меньше. Почти втрое меньше, чем на Земле. Коля ощупывает себя и замечает на себе тонкую, полупрозрачную одежду. Но одежда эта очень теплая, хотя невесома и не сковывает движений. Напротив, она словно бы помогает двигаться.

А бумеранг летит. И Николай следит за его полетом. Бумеранг должен попасть в голову зверя, которого он никогда не видел на Земле. Зверь этот изготовлен из мягкого синтетического материала. Он неживой, но движется так, словно только что вышел из таинственных лесов незнакомой планеты. Если Коля не промахнется, бумеранг пробьет пластмассовый череп, зверь заревет механическим голосом, из раны его потечет искусственная кровь...

Нет, это не настоящая охота — это спортивные упражнения молодых фазтонцев. Вокруг Коли такие же юноши, как и он. На них такая же легкая полупрозрачная одежда, сквозь которую просвечивает сильное, хорошо тренированное тело.

Бумеранг попал в цель. Зверь заревел и упал. Молодые фазтонцы окружили Колю, жмут ему руку, смеются, перебрасываются шутками.

— Акачи! Ты попал прямо в глаз!.. Еще никому это не удавалось.

Коля понимает: значит, теперь он — Акачи. Уже не Николай и даже не Максимка, а далекий фазтонский предок земного, медногрудого Акачи!..

Постепенно он замечает, что язык молодых фазтонцев чуть напоминает язык племени Благородного

Какаду. В нем тоже много шипящих. Так вот куда привел Николая его волшебный бумеранг! Но здесь он давно перестал быть оружием. Здесь он предназначен для спортивных состязаний, как теперь на земле рапиры и копья...

Коля заходит в большое помещение. Стены его излучают мягкий ровный свет. Спортивные занятия окончены. Юноши набрасывают на себя белые плащи и сразу же становятся почти невесомыми. Коля понимает — это гравитационные плащи, позволяющие совершенно свободно перемещаться в пространстве. В руках у молодых людей какие-то таинственные приборы. Они напоминают приборы космонавтов из Валь Камоника...

Коля делает то же, что и другие. Взяв в руки прибор, он нажимает на какую-то кнопку. И хотя на нем еще нет гравитационного плаща, он сразу же становится невесомым. Неведомая сила бросает его под потолок. И он проплывает над головами юношей, а они следят за ним и смеются.

— Акачи! У тебя испортился шахо? Давай починим!..

Вяснилось, что на приборе есть тоже гравитационная кнопка, и Коля нажал именно ее. Поэтому он и смог лететь без плаща.

Теперь юноши летели над светлыми зданиями, которые в большинстве своем имели сферическую форму. Гигантские купола были сооружены из полупрозрачного материала. Это понятно: на Фаэтоне очень мало солнца. Было бы неразумно отталкивать его лучи тяжелыми непрозрачными крышами.

Небольшой солнечный шар, похожий на красный мячик, спрятался в пелене низких туч. Сильный ве-

тер подхватил Колю, словно перышко, и понес к серому небу. Группа юношей в белых плащах, подсвеченная снизу сиянием сферических сооружений, медленно исчезла из глаз. А ветер гнал Колю все дальше и дальше...

Как же ты неприветлив, Фаэтон! Родная земля в лунную ночь гораздо светлее, чем ты днем. И ветры там не такие сильные. Наверное, потому, что на Земле не такая густая атмосфера. Но как же он дышит в этой атмосфере? Ну да, ведь теперь он не Коля, он фаэтонец Акачи...

И руки почему-то сами тотчас нашли нужную кнопку на приборе. Странное, очень странное ощущение! Теперь его тело совершенно свободно рассекало потоки густого ветра. Коля летел в направлении, которое диктовалось его мыслью. Вот он услышал знакомые голоса:

— Ака-а-ачи!.. Ака-а-ачи!

Значит, его ищут товарищи-фаэтонцы. Они приблизились к нему, осветили его лицо. На ветру зашелестели плащи.

— Акачи, с твоим шахо что-то неладно.

Второй фаэтонец сказал:

— Но плащ ведь достаточно надежен. Нужно только умело пользоваться им. А то можно залететь и на Юпитер *.

Юноша выключил какую-то кнопку на своем приборе, и теперь прибор летел где-то далеко сзади,

* Молодой фаэтонец свой плащ назвал «чимо», а Юпитер — «Ша-Гоша», что значит Великая Планета. Но мы и впредь будем давать названия предметов в переводе Николая. (Прим. авт.)

а фазтонец, чуть заметными движениями подымая полы плаща, плыл рядом с Колей.

— Я редко пользуюсь шахо, — сказал он. — Чаще он служит мне для связи на расстоянии. А ты, Чамино?

— Я тоже. Но сейчас очень уж сильный ветер.

Он тоже выключил какую-то кнопку, и его прибор летел сбоку на определенном, заданном ему расстоянии. Когда Чамино ненадолго останавливался, его верный шахо тоже замедлял полет. И расстояние между прибором и Чамино оставалось неизменным. Так прирученный конь бежит вслед за своим хозяином.

Но вот Чамино протянул руку и взял свой шахо. Обращаясь к кому-то неизвестному, он крикнул:

— Лоча! Ты слышишь меня? Лоча! Это я, Чамино.

В воздухе, непонятно даже откуда, прозвучал мелодичный женский голос:

— Я слушаю тебя, Чамино!

— Где ты сейчас?

Тот же самый девичий голос ответил:

— Мы с подругой во Дворце Мелодий. Возвращаемся домой. А ты?

— Мы были во Дворце Бумерангов. Первенство завоевал Акачи. Он сразу же попал прямо в глаз.

Второй фазтонец спросил у Коли:

— Ты давно видел Лочу?.. Она стала очень хорошенькой, — и, повернувшись к Чамино, добавил: — Только ты, Чамино, молчи. Не говори ей...

При имени Лочи Колю словно бы окатила какая-то теплая волна. Он вспомнил себя мальчиком, сыном беловолосого советника — единственного беловолосо-

го, имевшего свободный доступ во Дворец Бессмертного. Вот он, маленький, разругавшийся от мороза Акачи, летит над столицей безграничных владений Бессмертного. Сейчас лето, и мороз не такой сильный, как был тогда. Да и генераторы подогревают воздух до самых туч. Мальчик размахивает полами плаща, грудь у него открыта, пальцы мерзнут, а дышится свободно и легко. Вокруг него, словно птенцы, впервые выпорхнувшие из гнезда, кружат дети советников и жрецов. Им очень весело. Они ловят снежинки, собирают их пальцами со своих плащей, лепят маленькие снежки и швыряют их друг в друга.

Акачи тоже бросил снежок в какую-то двигающуюся девичью фигурку. Девочка оглянулась и засмеялась. Ее лицо облеплено влажным снегом, а черные вьющиеся волосы мокры. Ниточки белых зубов, сочные губы и глаза, напоминающие две мерцающие звезды. А как она смеется! Акачи еще никогда не слышал такого мелодичного смеха.

Они и не заметили тогда, как остались вдвоем посреди белого водоворота снежинок.

— Ты теперь на какой ступени разума? — спросила его Лоча.

— На шестой... А ты?

— Я только на пятой. До свидания!.. Мой учитель живет здесь...

Она полетела вниз и растаяла, словно снежинка.

Потом Акачи встречал ее несколько раз в Храме Бессмертного, где дети советников одуревали от запахов святых кореньев, слабо чадающих в золотых кадилъницах. Это был не тот храм, в котором жил сам Бессмертный, — туда не пускали никого, кроме избранных советников и жрецов. Но это был один из

величественных храмов, окружавших Дворец Бессмертного, поэтому служба в нем велась очень строго. Здесь не разрешалось ни говорить, ни двигаться.

Акачи издалека смотрел на Лочу и думал вовсе не о Бессмертном, а о ней. Она почти взрослая. У нее уже другие учителя, потому что она прошла восемь ступеней разума, необходимых для фаэтонской девушки. Акачи знал, что Лоча — сестра Чамино, с которым он дружит. Может быть, именно поэтому Акачи не заходил к своему товарищу, хотя тот не раз приглашал его. Теперь Акачи не отказался бы от такого приглашения. Но Чамино помнил его предыдущие отказы и, не хотел быть назойливым...

Коля-Акачи так задумался, что не заметил, как шахо выскользнул у него из рук и полетел куда-то за тучи. О том, чтобы догнать его, нечего было и думать.

— Акачи! Зачем ты отпустил шахо?

Это спросил второй фаэтонец. Чамино вступился за Колю:

— Разве ты не знаешь? Единый Бессмертный очень гневается на его отца. Об этом знает вся планета. Советник попал в большую немилость...

Вскоре они опустились на широкую матовую террасу, подсвеченную изнутри.

— Ты завтра будешь во Дворце Бумерангов? — спросил Чамино. А может, мы пойдем к Зеркалу Быстрых Ног? Я позову Лочу.

У Коли перехватило дыхание. Он так долго ждал этой встречи с Лочей! Однако он сдержал себя и ответил так, словно речь шла всего лишь о какой-то обычной прогулке:

— Хорошо, Чамино...

Под ногами светились ступени. Юноши спускались все ниже и ниже. Наконец они оказались на широкой улице, тоже освещаемой снизу, из-под тротуара. Стены зданий с высокими сферическими крышами тоже светились. Но свет этот был мягким, неярким и не утомлял глаз.

Уличного движения, такого как на Земле, здесь не было — ни машин, ни трамваев, ни троллейбусов. Молодые и старые фаэтонцы шелестели плащами меж куполами домов и прогуливались по улицам. А улицы были вымощены хорошо отполированными плитами из какого-то металлического сплава. Это генераторы климата, излучающие невидимые лучи. Они и создавали над городами могучую тепловую завесу. Ее не мог преодолеть даже неимоверный холод, господствующий на этой далекой от Солнца планете.

Понимая, что Коля чем-то озабочен, Чамино старался выразить ему свое сочувствие:

— Единый Бессмертный совсем не считается со своими советниками. Твоему отцу очень тяжело, я знаю. За шесть тысяч оборотов мозг Бессмертного промерз, словно льдина. Он ненавидит людей за то, что у них есть не только мозг, но и живое тело...

Сказав это, он оглянулся. И в его больших глазах, таких же больших, как у Беловолосого бога, промелькнул ужас.

Потом, пожав Коле руку, он стремительно взлетел вверх и вскоре исчез за матовыми крышами, светившимися словно гигантские фонари.

А Коля отправился домой.

Перед ним лестница из матовой пластмассы. В стенах — глубокие ниши, в нишах — металличе-

ские фигуры людей в натуральную величину. Фазтонские скульпторы признавали только обнаженную натуру. Человек прекрасен совершенством своих форм, и никакие украшения ему не нужны.

Ноги понесли Колю по лестнице, и в его сознании родилась уверенность в том, что он идет именно туда, где его давно ждут. Он совсем перестал чувствовать себя в этом неземном городе чужестранцем. Еще бы! Ведь он родился здесь, ходил в школу, рос. И именно здесь впервые увидел Лочу...

Он был убежден, что хорошо знает своего фазтонского отца. Да, ведь он знает теперь о жизни на Фазтоне почти столько же, как и его черноглазый друг Чамино. Ведь они дружат с Чамино уже целых два оборота. А Коля знает, что один оборот — это фазтонский год. И он втрое дольше земного.

Постой-ка! Ведь и Ечука измерял годы оборотами Земли вокруг Солнца!..

Коля смело распахнул дверь и вошел в большую круглую комнату. У стен росли удивительные цветы и небольшие деревья. Они поднимались прямо из пола и четко отражались в нем, словно в прозрачном озере.

Деревья были фиолетового оттенка, а цветы пышные и яркие. Казалось, все богатство красок радуги выплеснулось на их лепестки.

В дверной раме появился человек. Ему было, видимо, столько же лет, сколько земному отцу Николая. Около пятидесяти. Погоди-ка, ведь это и в самом деле он — Колин отец! Только глаза гораздо больше — как у всех фазтонцев. Но Коля твердо убежден: это его родной отец! Наверное, всего лишь час назад он вернулся с работы и теперь имеет право

прилечь и почитать газету. Да опомнись же, Коля! Какая может быть здесь газета? Ведь это Фаэтон, Фаэтон! Здесь давно уже нет ни книг, ни газет. Их заменили шахо и стены больших горизонтов...

Отец в белом хитоне. Волосы свободно спадают на плечи. Они такие же светлые, как у Беловолосого бога. Нос ровный, с горбинкой. Даже борода такая же, как на пещерном рисунке в Австралии: значительно темнее, чем волосы, и с такими же завитками. На ногах легкие сандалии.

Коля двинулся ему навстречу.

— Отец! Я слышал, у тебя неприятности. Говорят, Единый Бессмертный очень зол на тебя.

Отец подошел к Коле и положил ему руку на плечо.

— Да, сын...

Они прошли через ряд комнат. Были среди них квадратные и прямоугольные с четкими гранями. Но нигде Коля не заметил ни люстр, ни абажуров, светились только стены. Мебели мало, и поэтому помещения очень просторны. А в стенных нишах скульптуры из орихалка.

Кабинет отца тоже просторен и строг. Большой письменный стол, несколько удобных кресел из материала, похожего на слоновую кость. Расположившись напротив Коли, отец после довольно долгой паузы, наконец, сказал:

— Вот, что, мой дорогой Акачи. Давно я собираюсь поговорить с тобой, но все ждал, пока ты вырастешь, и вот теперь ты взрослый — тебе минуло шесть с половиной оборотов. Ты взошел уже на одиннадцатую ступень разума. Но учили тебя не всегда так, как мне того хотелось. Наши ученые давно сде-

ляли из науки служанку Единого Бессмертного. Считается, что за пределами его ума ничего больше не существует. Но это не так, сын мой! — Отец на минуту задумался и спросил: — Кто тебе сказал, что Бессмертный зол на меня?..

— Чамино. Мы были с ним во Дворце Бумерангов.

— И ты попал прямо в глаз? Да? — радостно улынулся отец.

— Откуда ты знаешь?..

— Я следил за вашими упражнениями. Включил стену больших горизонтов... Это хорошо, Акачи. Тебе вскоре может понадобиться твое искусство! А теперь слушай. Я расскажу тебе правду о Едином Бессмертном.

8. Рассказ о Едином Бессмертном

Шесть тысяч оборотов тому назад на большом материке, который населяло около пятисот миллионов фаэтонцев, господствовала жестокая династия Бигоши. Тысяча семей, которые верой и правдой служили Бигоши, жили в сказочной роскоши, остальные же фаэтонцы были их рабами.

В правящей верхушке попадались умные и образованные люди. Они развивали искусство, науку, технику. Когда возникли большие заводы, на них начали работать рабы. Но и в среде рабов появились ученые. Тогда рабы не захотели быть рабами. Началась война, в результате которой династия Бигоши пала. Рабов возглавил Ташука — молодой инженер. Ташука знал все, что знали ученые того времени.

Инженеры и ученые из правящей верхушки вынуждены были признать его превосходство и перешли на его сторону.

Наша планета получает чрезвычайно мало солнечного света и тепла. Ее сковывают морозы, и с каждой сотней оборотов на планете становится все холоднее. А когда-то, тысячи оборотов назад, о чем свидетельствуют бронзовые летописи, здесь произрастали деревья и травы, дающие пищу людям и животным. Во времена же Ташуки планету даже на экваторе сковал лед. Кое-где еще пробивались из-под льда тоненькие растеньица. Но эта убогая растительность не позволяла разводить такое же количество скота, как прежде. Животные гибли, и человечеству грозила голодная смерть.

Ученые вместе с Ташукой синтезировали белок. По всему матерiku построили бесчисленное множество помещений для скота. Их строили даже в недрах планеты. Воздвигли заводы, на которых стали изготавливать питательную белковую пищу для скота.

Но человечество страдало от холода. Дети росли слабыми — им не хватало солнца. И тогда Ташука выдвинул грандиозный проект сооружения ядерных электростанций, которые должны были утеплить планету при помощи генераторов климата.

Электростанции сооружались в недрах планеты. Это гарантировало человечество от заражения радиацией.

И в это время Ташука умер. Но его сын, тоже гениальный ученый, созвал Большой Совет ученых и предложил сохранить мозг Ташуки.

Мозг Ташуки стал снова жить и работать. Ученые совершенно искренне считали, что именно он подска-

зывал им все великое и мудрое. Это был и в самом деле гениальный мозг. Со временем рядом с головой Ташуки появилась голова его сына, потому что и тот вскоре умер. Головы Ташуки и его сына стояли на высоких постаментах из матового золота. Внутри постаментов помещалась аппаратура, питавшая мозг. Для них построили отдельный дворец.

А тем временем в недрах планеты продолжалось сооружение водородных электростанций. Они очень выгодны, так как горючего для них на Фаэтоне сколько угодно. Поверхность нашей планеты покрыта огромными океанами, которые кое-где промерзли до самого дна.

Спустя некоторое время развитие техники позволило сконструировать для Ташуки и его сына искусственные туловища, способные поддерживать жизненные функции мозга. Теперь для этого пользовались уже не кровью, а искусственной жидкостью, которая оказалась значительно питательней для мозговых клеток. Кожу на лице тоже удалось заменить искусственной, еще более эластичной, чем настоящая. Глаза, зрительные нервы, органы слуха и речи тоже были искусственными. Великие хирурги проводили эти операции в содружестве с великими скульпторами и инженерами. Облик Ташуки и его сына словно бы и не изменился, но в чертах их лиц появилось величие, несвойственное обычным смертным, и голосами их наделили более сильными, чем у простых людей. Их лишили только способности смеяться: считая, что бессмертные смеяться не должны...

Итак, это были люди-протезы, которые практически могли жить вечно.

Во дворце Ташуки находился отдельный зал, ку-

да никто не имел права входить. Даже его бессмертный сын. В этом зале помещался главный пульт Великого Солнечного кольца — так назывались две тысячи гигантских электростанций, построенных Ташукой на протяжении двухсот оборотов.

Таким образом, все жизненные ресурсы планеты оказались в руках Ташуки. А он жил уже около тысячи оборотов, и сын его был только на восемь оборотов моложе отца.

Рождались и умирали сотни поколений ученых, инженеров и скотоводов, обеспечивающих население пищей. Не умирали только Ташука и его сын, которых за великие заслуги перед человечеством сами же люди сделали бессмертными. Сначала Ташуку называли наш Великий Учитель, наш Бессмертный, наш Мудрый Отец. А через несколько сотен оборотов начали называть: Всевышний Бог-Отец. А сын его стал Богом-Сыном.

Население планеты неуклонно возрастало. Уже не хватало двух тысяч электростанций, но Ташука почему-то приостановил расширение Солнечного Кольца, получившего теперь новое название — Кольцо Всевышнего.

И люди вынуждены были заселять необжитые просторы, где господствовали холод и вечный мрак. Миллионы фаэтонцев-скотоводов видели свет только в рабочие часы. Дома они мерзли от холода и слепли от мрака. Их дети рождались бледными, слабыми, бескровными. Так постепенно возникла раса беловолосых людей.

Тем временем мозгом Ташуки овладела великая зависть. Она пробудилась на оргиях, которые он устраивал время от времени в своем дворце для уче-

ных, инженеров и чиновников. Рядом с ним дымились вкуснейшие блюда. Его смертные подданные приводили с собой красивых жен. Здесь пили и ели, славя мудрость Бога-Отца. И никто не знал, какие нестерпимые муки испытывал Ташука. Ведь он уже более тысячи оборотов ничего не ел и не пил. Обворожительные женщины благоговейно склоняли перед ним колени, но ни одна из них не могла доставить ему радость — женщины давно были недостижимы для него.

И тогда он стал считать людей греховными существами, которые слишком много внимания уделяют плотским наслаждениям. И хотя люди оставались такими же, как прежде, такими же, как и сам Ташука в молодости, но каждый шаг их казался ему греховным, направленным против него, Великого, Единого, Бессмертного.

И он перестал устраивать оргии в своем сияющем дворце. Но теперь каждое утро ученые и советники, все те, кто следил за питанием мозга Ташуки и доводил до сведения народа его божественные повеления, вынуждены были появляться во дворце, чтобы в молитвах прославлять мудрую волю Бога-Отца. Они падали перед ним на колени, смотрели на него не мигая и шептали молитвы, сочиненные учеными-богословами при участии самого Ташуки. В кадилницах чадили пахучие корни последних растений на планете. Добывали их из небольших проталин на экваторе. Тот, кто добывал их, редко возвращался обратно, и слуги Всевышнего посылали на смену им других.

Всю историю планеты переписали заново, так, как повелел Ташука Бессмертный. Стараясь угодить ему,

историки объявили Ташуку творцом суши и моря, неба и звезд. И сам Ташука постепенно поверил в это. Конечно же, поверил, ибо уже на протяжении нескольких тысяч оборотов у него в руках была кнопка, от которой зависела жизнь целой планеты. Кнопка находилась в специальном зале на главном пульте Кольца Всевышнего. Стоило только Всевышнему протянуть руку к этой страшной кнопке, как все электростанции с их гигантскими запасами ядерного горючего в миллионную долю секунды могли превратить планету в мелкие осколки и космическую пыль.

Ташука хорошо знал, что такое цепная реакция. Он знал, что взрыв одной планеты вызовет взрыв других планет. А когда взорвутся Юпитер, Уран и Сатурн, начнется бомбардировка Солнца такими обломками, которые массой своей превзойдут даже Фазтон. Это приведет к взрыву Солнца и ближайшей к нему звезды, и катастрофа распространится на всю Галактику, где вокруг множества звезд вращаются планеты, населенные разумными существами. Ташука хорошо это знал, так как уже на его памяти произошел взрыв галактики Лу. Да, да, не какой-нибудь там планеты и даже не отдаленной звезды, а целой Галактики!

Как же Ташука мог не поверить в собственное могущество? Его воля, его ум — центр вселенной. Звезды и планеты вращаются только вокруг него, он, только он, властелин космоса...

Каждый вечер, подходя к заветной кнопке, Ташука думал: «Никчемные смертные существа! Вы слишком увлечены плотскими радостями. Вы забываете, что эти радости существуют до тех пор, пока они не вызовут моего благородного гнева. Вы шепчете мо-

литвы и одновременно думаете о своих женах и детях, утопающих в грехах. Ваши дети больше любят Зеркала Быстрых Ног и Дворцы Бумерангов, чем мои храмы. Но настанет час, когда мое безграничное терпение истощится. И тогда я совершу над вами свой страшный суд!»

И хотя на самом деле не было никаких страшных грехов и люди жили обыкновенной жизнью с ее радостями, горестями и трагедиями, служители многочисленных храмов призывали человечество опомниться, вернуться в лоно божье.

Вокруг храмов образовались поселения: женские — отдельно, мужские — отдельно. Все человеческое здесь считалось греховным. Попадались фанатики, которые навеки замуровывали себя в стенах храмов, чтобы отречься от всего земного и таким образом приблизиться к Богу-Отцу.

Служители культа и их духовные владыки по велению Единого расправлялись с людьми, не желавшими признавать их власть на планете. Тысячи людей на ракетах, принадлежащих храмам, были вывезены на Землю. Это считалось наивысшим наказанием, так как на Земле господствует адская жара и фазэтонцам там нечем дышать. Нужно надевать на голову прозрачные шлемы, в которых искусственно поддерживается атмосфера Фазэтона.

Первое такое поселение было основано на большом острове посреди горячего океана. Земные фазэтонцы называли его Атлантидой. На Атлантиде по приказу Ташуки соорудили храмы, где создана такая же атмосфера, как и на Фазэтоне. В храмах постоянно жили ученые-жрецы, которые наблюдали за другими поселениями и докладывали о них Единому.

Жрецы создали на Атлантиде земную расу человекоподобных рабов. Рабы были удобны тем, что могли дышать земной атмосферой и не боялись жары.

А жизнь на Фазтоне становилась со временем все тяжелей. Те, кто выращивал скот, — раса беловолосых — из-за страшных морозов переселились в недра планеты, там они жили вместе со скотом. Только некоторым из них благодаря выдающимся способностям удавалось попасть в большие города со светлыми дворцами и генераторами климата. Но те, кто вырывался, вскоре забывал о своих беловолосых братьях.

И тогда Сын пришел к Всевышнему.

— Всевышний! — сказал он, опускаясь на свои искусственные колени. — Четыре тысячи оборотов тому назад ты обещал фазтонцам построить десятки тысяч электростанций, а построил только две тысячи. Большинство фазтонцев живет теперь так, как жили рабы во времена Бигоши. Почему ты приказал остановить строительство Солнечного Кольца?

— Подойди ко мне, Сын. Не годится Богу стоять на коленях. Ты такой же Бессмертный, как и я.

Когда Сын подошел, Всевышний дал ему поцеловать свою холодную бестрепетную руку и, усадив рядом, сказал:

— Кольцо Всевышнего я строил для себя, а не для смертных существ, которых слишком много расплодилось на планете. Это моя сила, и она позволяет держать в покорности греховное племя смертных. Разве ты никогда не слышал, как мои слуги в храмах божьих угрожают грешникам грядущим днем страшного суда? Он произойдет, этот страшный суд, как только смертные мокрицы осмелятся нарушить божью во-

лю. А для этого достаточно и двух тысяч электростанций в Кольце Всевышнего.

И Бессмертный показал Сыну заветную кнопку. Сын стоял неподвижно, оцепенев от ужаса. Но, опомнившись, он сурово ответил отцу:

— На планете есть только один преступный ум. Он скрыт в твоем черепе, Отец!

А когда на следующее утро инженеры, ученые и все, кто руководил жизнью на планете, сошлись на утреннюю молитву, Сын вышел туда, где стоял хор, и властным взмахом руки прервал величальную песню. И проговорил:

— Люди планеты! Бог-Отец замыслил против вас страшное преступление. Отберите у него власть над главным пультом Великого Солнечного Кольца! Никогда не доверяйте власть одному человеку, каким бы он ни был: смертным или бессмертным. Выбирайте из своей среды честнейших людей, возьмите работу Солнечного Кольца под контроль народа. Народ, который доверился воле Всевышнего, теряет собственную свободу и впадает в умственную летаргию. С ним можно делать все, что угодно: убивать лучших сыновей, заковывать их в кандалы, лишать права мыслить, понимать, знать. Не верьте, что за всех вас думает Всевышний! У него есть лишь единственная утеха: безграничная власть над вашей жизнью и вашей смертью...

Больше Сын ничего не успел сказать: Всевышний приказал выключить аппарат, питавший его мозг. Через минуту Сын был мертв. Теперь уже навсегда.

И остался на планете Всевышний, Бессмертный, который уже ни с кем не делит своей безграничной власти.

Его преследует чудовищная подозрительность. Ему кажется, будто ученые только и думают о том, чтобы в жидкость, питающую его мозг, подлить смертельной отравы. И он ввел такую систему контроля, что ни один человек на планете не может не только свободно говорить, но и свободно мыслить. Каждого, кто кажется ему ненадежным, Единый высылает на острова смерти или на горячую, душную Землю. На протяжении десяти оборотов было уничтожено около ста миллионов фаэтонцев.

Предсмертные слова Сына глубоко запали в души простых людей. Их слышали всюду — и беловолосые в полутемных недрах планеты, и на городских улицах, и под куполами домов, где жили миллионы инженеров и механиков. Их слышала вся планета, потому что утренняя служба передавалась из Храма для всего населения.

И вот уже около двух тысяч оборотов слова Сына передаются из уст в уста. За это время на нашей планете возникла и развилась новая цивилизация, которая не признает власти Единого Бессмертного. Ее основали беглецы на другом материке, когда-то считавшемся непригодным для жизни. Это Материк Свободы. За две тысячи оборотов население этого материка построило столько электростанций, что каждый гражданин его имеет необходимое количество света и пищи. Там существует равенство между людьми. Навсегда исчезла раса беловолосых, возникшая именно потому, что людям не хватало света. На Материке Свободы живут сотни миллионов фаэтонцев. И с каждым оборотом население материка увеличивается — там не умирают дети и туда прибывают все новые эмигранты.

Большой Совет ученых скрыл от Бессмертного, что законы гравитации впервые были расшифрованы на Материке Свободы. Ученые так осторожно натолкнули Бессмертного на понимание этих законов, что он в конце концов поверил: открытие принадлежит ему лично. Так же произошло и с изобретением люминесцентных пластмасс, из которых теперь построены почти все городские дома. Это дало возможность сэкономить огромное количество энергии и чуточку улучшить жизнь скотоводов.

С возникновением новой цивилизации на Материке Свободы гнев Бессмертного утратил всяческие границы. Служители его культа придумывают различные небылицы о жизни на этом материке и втолковывают людям, что именно этот материк станет причиной страшного суда, так как там все без исключения погрязли в смертных грехах. И страшный суд грянет как расплата за то, что люди забыли о Едином, стараясь избавиться от его власти...

Здесь Коля, слушавший отца так внимательно, что боялся даже шевельнуть пальцем, вдруг не выдержал и спросил:

— Отец! Зачем же мы миримся с этим никчемным человеком — протезом? Зачем его терпим? Это ведь так просто... Ну, скажем, забыли освежить жидкость... Или не успели поменять батареи...

— Тебе кажется, что это просто. Нет, сын!.. Люди трудно расстаются со своими богами. Особенно если они веками привыкли смотреть снизу вверх и видеть над собой угрожающий перст Всевышнего. Втихомолку этот перст ликвидировать нельзя. Те же самые скотоводы, механики, инженеры, заметив его внезапное исчезновение, повалят сюда и разгромят все, что по-

падется им на дороге. Они будут кричать: «Кто убил нашего Бога?» И, разыскивая убийцу бога, будут убивать невинных... Убивать самих себя. Кроме того, это уже теперь не просто батареи. Его организм почти не отличается от настоящего. У нас давно научились изготавливать белковые машины...

— Ты не веришь в народ! — с горячностью выкрикнул Коля. — Неужели ты думаешь, что скотоводы и механики такие тупоголовые?

— Нет, мой отважный Акачи, — задумчиво ответил отец. — Я верю в народ. Но народ сначала надо объединить, как это было сделано на Материке Свободы. А у нас... Бессмертный создал вокруг себя касту прислужников, которые контролируют человеческую мысль. Откуда же взяться единству, если каждый в отдельности молчит, точно немой?..

Вдруг стена кабинета вспыхнула голубоватым сиянием и прозвучал громовой голос:

— Ты закончил свою греховную проповедь, богоотступник Ечука?..

Но на отца голос-гром не произвел никакого впечатления, словно он ждал его появления с минуты на минуту. Даже не изменив позы, Ечука спокойно ответил:

— Я знаю, что ты слушал меня, Единый Бессмертный! Ты ни на минуту не отрываешь своего божественного уха от моих грешных уст. Но я должен был рассказать своему сыну правду о тебе.

На стене возникла фигура человека с большой седой бородой и грозно поднятым пальцем. Снова прозвучал громовой голос:

— Раб божий, ты забываешь о страшном суде!..

Глаза Бога-Отца были столь суровы и страшны,

что Коля невольно опустил взгляд. Но вот он почувствовал на плече успокаивающе теплую ладонь отца.

— Тебя ждут друзья. Они приглашают тебя на Зеркало Быстрых Ног. Торопись, сын!.. Обо мне не беспокойся.

Переполненный тревожным предчувствием, Коля вышел на улицу.

...Она бежит впереди, стремительная, как молния. Каждое движение ее грациозно. И Коле почему-то кажется, что это не девушка, а звук — высокая нота чудесной мелодии. Коньки словно приросли к ее ногам — обуви вовсе не видно. Голубой костюм тесно облегает стройную фигуру. Длинные, незаплетенные волосы свободно развеваются на ветру.

Коля мчится вслед за Лочей, коньки режут зеркальный лед. Белые снежинки — световая иллюзия — мелькают перед глазами, а пластмассовое небо светится красиво, розово, словно утренняя заря.

Быстрее, быстрее, Николай! Лоча уже на два круга обогнала тебя. Даже Чамино отстал от нее. Вот она появилась сзади, пронеслась мимо Коли и помчалась вперед...

И вдруг какая-то сила будто подтолкнула Колю. Он догнал Лочу, взял за руку. Теперь они мчатся рядом. Играет музыка, и розовая сфера усиливает ее резонанс. Дышится свободно, легко, тело не чувствует ни напряжения, ни усталости.

И впервые в жизни он замечает, каким прекрасным может быть тело девушки. Не лицо, не руки, а вся она, извлекающая музыку, которую так ненавидит Единый Бессмертный... Ненавидит потому, что

завидует возможности смертных ощущать легкость и упругость своего тела, где в каждой клеточке неистовствует праздник радости.

Только недалекие люди могут представлять себе разумных существ с других планет какими-то чудовищами. Ведь разум рождается из ощущения красоты, а красота — из разума. Человек не может быть не прекрасным. Как Лоча!..

Чамино шепчет ему на ухо:

— Акачи! Нам нужно серьезно поговорить.

Но он, наконец, слышит голос Лочи:

— А мы не надеялись, что ты выйдешь из дому...

И она улыбается. Улыбается ему, Николаю. Нет, Акачи. Улыбается Оксана. Нет, Лоча!..

И все сразу же завертелось в его сознании — закружились знакомые и незнакомые имена. Все настоящее и ненастоящее, как пушистые снежинки, которые так натурально кружатся под розовой сферой и садятся на волосы Лочи, тая незаметно для глаза.

Лоча остановилась. Она все еще держит его руку в своей. Глаза у нее большие, значительно больше, чем у Оксаны. И все же это глаза Оксаны!

9. Первое знакомство с беловолосыми

Они летят в полумраке над промерзшей планетой. Карманные климатизаторы — их предусмотрительно захватил Чамино — создают вокруг атмосферу, в которую не проникает холод. Без этих приборов нельзя вылетать за пределы города. Летят они молча. Разговор, для которого Чамино пригласил Колю, не мо-

жет состояться ни дома, ни на улице, ни даже здесь — под тучами.

Ближайшие к Фазтону планеты — Марс и Юпитер. Орбита Фазтона лежит между их орбитами. Марс очень маленькая планета, и ее нельзя разглядеть невооруженным глазом. Зато Юпитер... О, это настоящий великан! Во время противостояний он висит над фазтонским небом суровый и холодный, и от его слабого поблескивания редет ночной мрак.

Чамино включил шахо и сразу же пропал из виду. Вероятно, он сделал это умышленно, чтобы оставить Лочу и Колю наедине.

И тогда Лоча спросила:

— Почему ты нас избегаешь, Акачи? Я не просила Чамино, чтобы он пригласил тебя, но ты всегда отказывался.

— Разве это ты говорила ему? — вырвалось у Коли. — Я не знал этого. Думал, что он сам...

Спутники Юпитера с необычайной быстротой передвигаются по небу. Где-то далеко, очень далеко сверкает горячая планета Земля.

А собственно говоря, почему Коля вдруг подумал о Земле? Рядом с ним — Лоча. И они впервые могут, наконец, свободно поговорить...

Но он вспомнил разговор с отцом и появление на стене горизонтов Единого. Встреча с Лочей на какое-то время отодвинула на задний план это страшное событие. Чем же оно завершится, какая судьба ждет его и отца? По-видимому, отцу тоже угрожает казнь. Но почему только отцу?

— Акачи! — сказала Лоча. — Там, в Храме Бесмертного, я смотрела только на тебя... И думала только о тебе...

Коля поймал ее руку и молча сжал в запястье. Лоча поняла: есть мысли, которые нельзя высказывать вслух. Единый всегда слышит. Слышит даже тогда, когда мозг его спит, — у сотен шахо контроля сидят его слуги.

— Лоча! Я тоже думаю о тебе, всегда думаю. Я хотел это сказать давно. Но мне казалось, что это тебе безразлично. У тебя так много друзей!

— С тех пор как умер наш отец, друзей стало меньше... Почти нет... Нас словно бы боятся. Когда я здороваюсь с кем-нибудь, я замечаю, что люди сторонятся меня. А отец... Он умер так неожиданно.

Коля снова молча сжал ее руку. И подумал: «Какой же я болван, что не приходил к ним». Только теперь он понял, почему Чамино перестал приглашать его к себе. Он, видно, решил, что Коля так же, как и другие, боится впасть в немилость. Говорили, что отец Чамино умер не собственной смертью, а по воле Единого. Он был самым популярным советником среди скотоводов и механиков. Умер он во Дворце Единого, похоронили его с огромными почестями. Но слухи ползли...

— Лоча! Как сказать, чтобы ты поверила? — Он поднес ее руку к своей щеке. Рука была теплая и чуть заметно вздрагивала.

— Лоча, я люблю тебя!..

Почему он, наконец, решился на эти слова?

И память его ответила: «Ты не ошибся. Ты и в самом деле ее любишь. Давно. Еще с детства».

Необычайная тишина воцарилась вокруг. Тяжелый фазетонский воздух казался сегодня неподвижным. Летели они медленно, не торопясь. Ни свиста

ветра, ни шелеста плащей. Только Юпитер холодным лучом ощупывал их лица.

Наконец Лоча печально спросила:

— Ты это сказал лишь для того, чтобы я не имела права обвинить тебя в непорядочности?.. Нет, Акачи! Зря ты волнуешься. Я не думаю, что ты трус. Но твои слова... Лучше бы ты сказал их в других обстоятельствах.

— Я люблю тебя, Лоча!..

Рука Лочи не дрогнула в его пальцах — она не поверила.

— Нужно догнать Чамино. Он, наверное, уже далеко.

Лоча высвободила руку и включила шаго. Коля сделал то же самое.

И все же она не могла не продолжить этот разговор:

— Ты говоришь неправду, Акачи. Ты не можешь меня любить. И никто не может. Из-за того, что говорят обо мне во Дворце...

Коля пытается вспомнить: что же говорят во Дворце?.. Друзья Чамино считают ее очень хорошенькой. Он это слышал не раз. И это ему даже обидно. Лоча вовсе не хорошенькая, она прекрасна...

— Неправда! — как-то обреченно, с ощущением тяжелой вины повторяет Лоча. — Неправда, Акачи. Это знают все. Но разве я виновата? Он начал меня вызывать еще тогда, когда был жив наш отец. И мама. А когда их не стало...

К сердцу Коли подкатилось что-то тяжелое. Он молчит. Теперь он знает, о чем говорит Лоча.

Люди по-разному относились к Лоче. Те, кто домогался благосклонности Единого — а таких было боль-

шинство, — открыто завидовали ей. Многие матери мечтали о том, чтобы Единый, наконец, лишил Лочу ее высокого титула. И в самом деле, что он нашел такого необычного в этой Лоче? Разве их дочери хуже?..

Всех удивляла неожиданная привязанность Единого к Лоче. Казалось, что его старый, как кора планеты, мозг не мог знать никаких иных чувств, кроме жажды безграничной власти. Так было на протяжении тысячи оборотов. Единый пренебрегал смертными людьми — и мужчинами и особенно женщинами.

И вот фаэтонские историки должны были отметить в поведении Единого что-то необычное. Его взор привлекла к себе дочь советника Шако, еще почти ребенок. И Лочу с матерью стали приглашать во Дворец. Мать оставалась за дверьми, никто из советников не смел беспокоить Единого, когда он брал к себе Лочу...

Как только девочка подросла, во Дворце появилась новая должность, которой не было на протяжении нескольких тысяч оборотов.

Госпожа бороды Единого Бессмертного...

Это был очень высокий титул. Более высокий, чем титул советника. И титул этот принадлежал Лоче. Когда Лоча появлялась во Дворце, советники склоняли перед ней колени. Историки вписывали в скрижали каждое ее слово... И только за пределами Дворца Лоча оставалась сама собой. И дружила с теми, кто дружил с Чамино. Но почему-то у Чамино теперь стало меньше друзей...

— Вот видишь, — печально прошептала девушка. — Я так и знала. Ты молчишь. Теперь ты не ска-

жешь: «Я люблю тебя, Лоча!» И не нужно говорить. Ведь ты очень хороший...

Она оторвалась от Коли и исчезла. Помчалась вдогонку брату. Вот они летят рядом — две темные точки в сумерках безоблачного неба.

Коля летит поодаль, лишь бы не потерять их из виду.

Сердце придавила какая-то тяжесть... Надо поговорить с ней обо всем откровенно, иначе нельзя...

...Они опустились на ледяную равнину. Начиналось скупое фазтонское утро.

— Здесь уже недалеко, — сказал Чамино. — Пойдем пешком.

Лед под ногами словно зеркало — ветер смел с него снег. Собственно, лед здесь никогда не таял — он простирался вглубь на сотни шу*. Это был залив промерзшего до дна океана.

Чамино остановился и постучал ногой об лед.

Вскоре поднялась ледяная крышка, блеснул свет, и из глубины донесся приглушенный мужской голос:

— Это ты, Чамино?

— Да, Лашуре. Со мной сестра и мой друг Акачи.

Когда они спустились внутрь, тяжелая ледяная крышка захлопнулась. Лестница была вымощена каменными плитами, а к ледяным стенам прилажены пластмассовые перила. Они-то и освещали дорогу.

— Как ты думаешь, вас не заметили? — спросил коренастый Лашуре, одетый в грубый костюм скотовода.

— Думаю, что нет, — осторожно ответил Чамино.

Лестница кончилась, и они зашагали по ровному скользкому ледяному коридору, все еще не отважива-

* Шу — 2,8 метра. (Прим. авт.)

ясь заговорить о главном. Лоча взяла Колю за руку, и ему хотелось, чтобы этому коридору не было конца. Но он вскоре кончился. И тогда они вошли в теплое, хорошо освещенное, обжитое помещение. Стены и потолок ровные, гладко обтесанные. Широко разветвленная система вентиляции подает в помещение воздух.

Лашуре позвал хозяйку, немолодую беловолосую женщину. И она принесла еду из искусственного белка. Мясо животных, которых здесь выращивали, употреблять скотоводам запрещалось. Оно предназначалось многочисленным слугам Бессмертного и их семьям, живущим наверху в больших городах. Иногда кое-что перепадало механикам и инженерам, но это случалось редко, и такой день считался праздником.

Белковина была очень питательна, и, если бы пищу, изготовленную из нее, приходилось есть не постоянно, она могла бы показаться даже вкусной. По существу, питание, которое получали животные, ничем не отличалось от питания скотоводов. Только изобретательность хозяек позволяла разнообразить меню. Но чаще всего сухой порошок растворялся в кипятке, эту густую тягучую массу немного солили — и пища была готова к употреблению.

Но на сей раз хозяйка и в самом деле постаралась. Она подала на стол не только тягучую, словно густой кисель, массу, но и коржики и даже небольшую, мастерски приготовленную пирамидку, похожую на торт. Вершина пирамидки была украшена листьями и цветами, напоминавшими те, что некогда существовали на планете. Они были тоже созданы руками хозяйки.

— Теперь можно разговаривать совершенно сво-

бодно, — сказал Чамино. — Тут нас Бессмертный не услышит. — И, обращаясь к Николаю, добавил: — Если ты думаешь, что все беловолосые живут так, как Лашуре, ты ошибаешься. Он здесь на особом положении. Лашуре — настоящий ученый. Его последняя работа... Но об этом потом. Скажу только: если она будет завершена, шахо Бессмертного утратят власть над людьми. Ты, наверное, не представляешь себе, как это важно!..

— Не люблю, когда мне приписывают то, что принадлежит другим, — недовольно буркнул Лашуре.

Чамино засмеялся.

— А мы тоже, оказывается, не избавлены от самолюбия... Гляди-ка, и ты начинаешь делить, что кому принадлежит... Ладно, лучше рассказывай, что у вас здесь нового.

Лашуре подозрительно покосился на Колю, но, сообразив, что его друг Чамино не станет доверять кому попало, начал:

— Вчера каратели уничтожили полтора ста скотоводов за то, что они тайком убили одного молодого дагу и разделили меж собой мясо. Каждой семье досталось по маленькому кусочку размером не более ладони. Разве можно в день рождения Бога-Сына не дать детям хоть по кусочку мяса?.. И вот теперь дети остались без отцов.

Чамино сжал кулаки. Он посмотрел на Лочу, потом на Колю.

— Вы слышали?!

— Это ужасно! — воскликнула девушка, и Коля увидел, что ее глаза умеют излучать не только тепло. — Как они жестоки! За одного дагу — полтора ста людей.

— Бессмертный считает, что в лабиринтах Фаэтона расплодилось слишком много беловолосых, — спокойно заметил Лашуре. Он привык уже к самым страшным жестокостям карателей. Единый утверждает, что через двести оборотов в коре планеты не хватит минералов, чтобы изготавливать белок. Вся кора будет переработана и переварена.

— Он ненавидит каждый живой организм, — сказал Чамино. — Нам надо работать, Лашуре!.. Пока не научимся обезоруживать их шахо, мы не сплотим народ.

— Прибор, который стоит у меня, действует безупречно.

— Но мощность его пока что слишком мизерна! — ответил Чамино, рассекая воздух стиснутым кулаком. — Он способен предохранить от подслушивания всего лишь одну комнату. А нам нужно разговаривать с тысячами, с миллионами...

Наверное оттого, что Чамино слишком долго молчал, сейчас, попав в комнату, где можно было высказывать свои мысли, он заговорил слишком горячо, как на митинге. А может быть, и в самом деле в его воображении возникла тысячеголовая толпа, к которой он обращался?

Чамино напомнил, что на протяжении десятков тысяч оборотов люди заливали планету кровью, чтобы добиться свободы. И когда гнет пал, власть перешла к прислужникам Бессмертного...

О нет, сам Единый не страшен! Если бы речь шла только о нем, все было бы значительно проще. Бессмертный опасен не сам по себе — опасна многочисленная каста его верных слуг, опутавшая общество

скользкими щупальцами, вросшая в общественный организм, словно губительная опухоль.

И надо начинать с уничтожения системы контроля над человеческими помыслами и поступками. Люди должны достичь единства и сплотиться для борьбы. А для этого необходимо свободно обмениваться мыслями. Там, где нет обмена мыслями, там нет и не может быть народного единства, там только тупой фанатизм и полуживотная дремотность мысли...

Стремление властвовать над другими особенно ярко проявляется в период формирования и созревания разумных существ. И какое-то время это качество имеет прогрессивное значение — оно словно бы выполняет роль своеобразного катализатора развития. Но впоследствии оно перерастает в свою противоположность, и общество, которое своевременно не заметило этого или же не нашло в себе силы преодолеть эту особенность своего развития, неминуемо идет к гибели. Норма жизни для разумных существ во вселенной — полнейшее равенство, свобода и независимость каждого индивидуума, свободный обмен сокровищами разума.

Трагедия Фаэтона заключается в том, что слишком продолжительным был этот первый период умственного развития, связанный с обожествлением талантливых натур. Обессмертив Ташуку, фаэтонцы сделали огромную, почти непоправимую, ошибку.

И теперь Фаэтон может спасти себя от вырождения и гибели только в том случае, если человечество пойдет по пути Материка Свободы. Нужно готовиться к великой борьбе, к народной войне против касты Бессмертного. Речь идет о смерти или жизни целой планеты...

Коля смотрел на Чамино с изумлением, словно видел его впервые. А может, и правда, впервые? Раньше он знал того Чамино, который вместе с другими юношами его круга предавался беззаботным развлечениям. И казалось, что эти развлечения были основным смыслом их существования. Но теперь он увидел такого Чамино, какого пока еще не знал никто, кроме Лашуре да еще, возможно, нескольких десятков их единомышленников среди беловолосых. Такого Чамино не знала даже Лоча! Она тоже смотрела на брата с откровенным восторгом, и ее лицо украсила добрая и гордая улыбка.

— Извините, — виновато сказал Чамино. — Я слишком увлекся.

— Ты очень интересно говорил, — отозвался Лашуре. — Жаль, что так мало слушателей...

Лашуре пригласил их познакомиться с лабиринтами, в которых жили беловолосые. Освещая дорогу фонариком, он давал пояснения.

Недра Фазтона давно уже были изрыты, словно почва земных лугов, источенная дождевыми червями. По существу, большинство жителей государства Бесмертного размещалось не на поверхности планеты, а в ее недрах.

По каменным лабиринтам можно было обойти почти все государство. Тут были и узенькие переходы и широкие площади, способные вместить десятки тысяч людей. Были здесь и вырубленные в скалах пещеры, служившие людям жилищем, и мощные заводы с разумными автоматами. И фермы, где выращивались дагу.

По всем закоулкам этих безграничных лабиринтов, в которых жили десятки, а возможно, и сотни

миллионов людей (о фактическом количестве населения никто не знал), были разбросаны контрольные пункты храмов Бессмертного.

Здесь был первый этаж государства. И те, кто управлял жизнью этого этажа, передвигались по широким улицам при помощи плащей и шахо, так же как и на поверхности планеты. Им редко приходилось заглядывать в тесные пещеры и узенькие переходы, куда трудно было протиснуться. Эти места хорошо знали только каратели. Карателей набирали из самих же беловолосых, поэтому спрятаться от них было трудно.

Лашуре объявил, что скоро они увидят фермы. До сих пор они шли в темноте и почти никого не встречали, теперь же в глаза им ударил свет. Коридор начал расширяться, и вскоре перед ними открылась площадь. Над нею висело каменное небо, а стены этой гигантской пещеры складывались из нескольких этажей — небольших пещер, похожих на соты. Соты были облеплены фаэтонцами, словно пчелами. Люди с обезьяньей скоростью поднимались и сбегали вниз по лестницам, а кое-где в гранитной стене были вырублены ступеньки. Людей было так много — детворы, подростков и стариков, — что трудно было даже понять, как они размещаются в этих каменных конурах.

Наверное, их спасало то, что здесь не было ни дня, ни ночи. Если один из них уже выпался, другой ложился спать. Кое-кто спал прямо на площади — на голых, влажных камнях.

— Какой ужас! — не выдержала Лоча. — Я никогда не видела, чтобы люди жили в такой тесноте.

На ее белом лице появился румянец — видимо, от волнения.

Коля посмотрел на нее — и ему стало страшно. Нет, это был страх не за Лочу, а за человека вообще, за его природу, за красоту гордого духа и сильного тела. Ведь человек прекрасен и его красотой можно гордиться перед другими мирами и галактиками. Такой и была его любимая Лоча — чудесный цветок промерзшего насквозь Фазтона.

Но вот Коля увидел в нескольких шагах от себя сравнительно молодую беловолосую женщину, одетую во что-то грубое. Склонившись над канавой, по которой текли вонючие нечистоты, она сосредоточенно болтала в них руками. Рядом с нею что-то вылавливал в канаве оголенный до пояса, худой — кожа да кости — беловолосый парнишка.

— Что они делают? — с горечью спросила Лоча.

— По этой канаве стекают нечистоты из наших ферм, — ответил Лашуре. — Иногда туда попадает белок. Он сбивается в комочки и плывет по канавам. Вот эти комочки они и вылавливают.

Чамино молчал. Он, наверное, не впервые видел эту охоту. Щеки его нервно подергивались, зубы были сжаты. И Коля, видя, как молча страдает его друг, подумал о том, хватит ли у него сил довести до конца то великое дело, которое он начал? У Коли не осталось никаких сомнений — он пойдет рядом с Чамино! И для него настало время прозрения — он благодарен за это отцу, рассказавшему правду. Теперь же он увидел все собственными глазами...

— Животных кормят лучше, чем людей! — ужаснулась Лоча.

Лашуре оглянулся. Собственно, он мог бы и не

оглядываться — слушали их не здесь, а в другом месте — далеко отсюда. И Лашуре хорошо знал, что их слышат. Именно от этого и зависел его ответ.

— Дагу — это животные Единого. Их нужно очень хорошо кормить, иначе мясо будет грубым и невкусным. А беловолосые... Зачем их кормить? Пользы от них никакой. Расплодилось их больше, чем нужно.

Лоча метнула на Лашуре гневный взгляд, но потом сообразила, в чем дело. И на глазах ее выступили слезы...

Тем временем беловолосые, увидев на площади людей со «второго этажа», пустились наутек.

— Им здесь неплохо, — сказал Лашуре. — Тут по крайней мере много света и можно вылавливать добычу. Есть углы, где такая жизнь считается большим счастьем.

Лашуре повел их на ферму. В щедро освещенном, продолговатом помещении выкармливались дагу. Эти животные были чуть выше человеческого роста, на их куцых ногах не было суставов — наверное, они срослись, ведь животные вовсе не двигались уже тысячи оборотов. Оплодотворение давным-давно проводится искусственно. Дагу прижаты так тесно друг к другу, что между ними едва можно протиснуться. Сотни людей, придавленных массивными тушами животных, делают какие-то странные движения: натягивают кожу, потом отпускают и месят кулаками похужее на тесто туловище, затем разглаживают ладонями выхоленную кожу. Работа эта, видимо, очень тяжела, так как лица людей лоснятся от пота.

— Это и есть основная работа скотоводов, — объяснил Лашуре. — От постоянной неподвижности у да-

гу атрофировались мышцы. Они им так же не нужны, как и суставы на ногах. Но нарушается кровообращение... Если не делать массажей, животное будет давать много жира и мало мяса... Массаж проводится почти непрерывно. Один скотовод кончает — другой начинает... Те люди, которых вы видели в пещерах, — тоже массажисты. Вскоре заступит новая смена...

— Значит, их мышцы поддерживаются за счет человеческих? — спросил потрясенный Коля.

— Да. Отсутствие движения компенсируется массажем. Это дает хорошие результаты, — сказал Лашуре.

— Неужели нельзя изобрести какие-нибудь приборы для массажа? — все с той же наивностью допытывалась Лоча.

— Зачем же? Что будут тогда делать беловолосые? — ответил Лашуре. — Ведь они должны хоть как-то оправдать свое существование... И ту пищу, которую выдает им Бессмертный.

К Лашуре подошел худой, изможденный человек и незаметно для других скотоводов быстро зашевелил пальцами. Ему в ответ так же быстро задвигал пальцами Лашуре. Коля понял, что это язык жестов, к которому прибегают тогда, когда нужно сообщить что-то тайное. И Лашуре тотчас же, взяв за локти Чамино и Лочу, кивнув головой Коле, повел их к выходу.

Коле запомнилось лицо скотовода. Оно показалось ему чем-то неуловимо похожим на лицо Ечуки-отца.

К жилью Лашуре они возвратились без особых приключений. Закрыв двери, Лашуре сказал:

— Наблюдатели передали, что нами заинтересо-

лись на контрольном пункте. Мне, правда, верят, но я не имею права злоупотреблять этим доверием.

— А они не придут сюда с обыском? — спросил Чамино, испугавшись за судьбу изобретения, ведь на него возлагались такие огромные надежды.

— Карателей я не боюсь. Это тупые, необразованные люди. Они не способны отличить обычный фонарик от шахо. А служители храмов далеко не ходят...

Коля спросил у Лашуре:

— Разве шахо контроля не улавливают смысла переданного на пальцах?.. Ведь люди все равно мыслят словами...

— Да, — согласился Лашуре. — Но групповой контроль по большей части осуществляется при помощи улавливателей звука. И только время от времени луч шахо направляется на мозг какого-либо отдельного человека. В таком случае язык жестов скрыть невозможно. Но это случается только тогда, когда человек вызывает подозрение.

Лоча молчала. Она была угнетена всем увиденным и теперь до конца поняла брата. А Коля смотрел на нее и думал о том, что у его любимой благородное сердце и она страдает за людей.

Когда все немного отдохнули, Чамино обратился к Коле:

— Теперь мы можем поговорить о том, ради чего мы сюда прибыли.

Взгляд его был суровым, а в голосе слышалась твердость.

— Разве мы не говорили? — удивился Коля. — Все, что ты мне показал, Чамино... Поверь мне: я готов...

Чамино положил руку ему на плечо.

— Знаю, Акачи. Если бы я не знал этого, я бы не привел тебя сюда. Но есть вещи, о которых ты еще не знаешь. Тебе нельзя больше выходить отсюда... Лашуре устроит тебя в безопасном месте... Мы будем часто встречаться, — и добавил, обращаясь к Лоче: — Акачи не будет чувствовать себя одиноким, ведь правда?

Для Лочи это тоже было неожиданностью. На ее лице снова появился румянец.

— Зачем ему здесь оставаться? — дрогнувшим голосом спросила девушка.

— Так нужно. Мы должны уберечь Акачи. Убереечь для борьбы. А еще потому, что он наш друг...

И Чамино рассказал то, чего не знал Коля, потому что Ечука-отец не захотел, чтобы он стал свидетелем его разговора с Единым и отослал сына на Зеркало Быстрых Ног.

Когда Коля вышел на улицу, Единый сказал:

— Раб божий Ечука! Я назначил тебя своим советником, ибо в тебе лучше всего проросло зерно разума, которое я, твой Всевышний, бросаю в череп каждого человека. Но не в каждом черепе это зерно находит плодоносный грунт... Кем был твой отец? Он жил так же, как и твой дед и прадед, среди бессловесных тварей. Ты, Ечука, жил бы точно так же, если б я не заметил, что в тебе зреет мое зерно. Как же ты отблагодарил за это Единого Бессмертного? Ты вкладываешь в череп своей младшей плоти еретические мысли. Опомнись, Ечука! Вернись в лоно божье и верни сына своего.

— Я всегда служил истине, Отче. Она для меня более священна, чем моя жизнь. Сегодня истина живет не под твоей десницей, Всевышний. Она сегодня

там, на Материке Свободы! Я знал, что ты меня покараешь. И готов принять смерть за истину. Но прошу тебя: отпусти моего сына на Материк Свободы!..

— Нет, еретик! — прогремел металлический голос Единого. — Я не дам тебе легкой смерти. И не отпущу твоего сына на Материк черных пороков, который побуждает меня совершить страшный суд над греховным человечеством. Ты вместе со своим сыном полетишь туда, где господствуют адская жара и духота, и ты будешь вымаливать у меня глоток родного воздуха! А я буду посылать тебе его один раз в оборот. Буду посылать ровно столько, чтобы ты не мог жить и не мог умереть. И тогда я, наконец, услышу твою молитву, богоотступник!.. — Изображение Бессмертного на стене внезапно исчезло. Только мерцающим голубым светом горел экран. Потом и он исчез. Несколько минут в центре стены горело яркое пятно, но вскоре и его не стало.

И тогда в ту же минуту в кабинете Ечуки появились служители Единого, одетые в черные плащи. На груди у старшего служителя сияла большая шестиугольная звезда.

Он сказал:

— Богоотступник Ечука! Отдай нам свой плащ и шаго. Отныне ты утрачиваешь на них право...

Выслушав рассказ Чамина, Коля долго молчал, потом с невольным недоверием обратился к товарищу:

— Но ведь мы вместе были на Зеркале Быстрых Ног. Потом сразу полетели сюда... Откуда же тебе известно об этом разговоре?

Чамино сдержанно улыбнулся.

— Разве ты забыл, что я заходил домой за карманными климатизаторами?

— Ну и что?

— Этого было достаточно, чтобы узнать обо всем. — Улыбка на смуглом лице Чамина угасла, глаза с большими белками стали серьезными. — Моя стена горизонтов постоянно настроена на Дворец Бессмертного. Мне известно каждое его слово. Я расшифровал тайные волны, которыми он пользуется для разговоров с советниками и жрецами. Моя стена горизонтов сама фиксирует каждый его разговор, и я могу воспроизвести его когда угодно. — Чамино внимательно посмотрел на Колю. — Это, конечно, тайна... Но я доверил тебе еще большую тайну. Потому что верю: ты будешь с нами. Думаю, я не ошибся, Акачи?.. Почему ты молчишь?

В душе Коли шла сложная борьба. Он понимал, что протест отца — это отчаянный поступок одиночки, чья совесть не может больше мириться с происходящим. Лучше смерть, чем такая жизнь. И он сам отдал себя в руки палачам, сам обрек на тяжелую каторгу. Такой протест не вызовет никаких изменений в обществе. И сколько бы ни было таких протестов, все они закончатся победой Бессмертного. Может быть, и отец Чамина погиб, протестуя таким же образом?

У Чамина куда больше твердости: если уж умирать, то только в борьбе, рядом со своими единомышленниками и сторонниками. Тогда даже поражение может превратиться в победу — подавленная революция не умирает, она со временем воскресает снова, призывая к оружию новых бойцов...

Коле ясно: он должен быть вместе с Чамино и его другом Лашуре. Вместе с Лочей, сегодня впервые увидевшей человеческие страдания. Ее вопросы и возгласы были по-детски наивными, но Коля понимает, что сегодня в Лоче созрело решение принять путь, избранный Чамино.

И хотя Коля понимал, что Ечука-отец слишком поторопился и поэтому оказался в кровавых когтях прислужников Бессмертного, хотя он и не сожалел о том, что отец не нашел тот путь, по которому с мудрой предусмотрительностью шел Чамино, но этого уже теперь не исправишь. Оставался выбор: лететь с отцом на раскаленную Землю, страдать от жары и духоты, умереть там, где умрет он, или спрятаться в неприступных лабиринтах и потом отомстить за муки отца. Видимо, второе решение не было бы нарушением сыновнего долга, но для Коли оно было невыносимым. Невыносимым было согласиться с тем, что его отец останется одиноким среди стихий чужой планеты...

— Что же ты молчишь, Акачи? — встревоженно спросил Чамино.

Лашуре и Лоча тоже с волнением смотрели на него.

Наконец Коля сказал:

— Я благодарен тебе, Чамино... И всем сердцем желаю успеха вашему делу. Но я не могу оставить отца.

Чамино сначала нахмурился, но потом его большие глаза смягчились.

— Понимаю, Акачи... Наверное, я поступил бы так же.

И вот теперь выдалась минута, когда Коля смог

поговорить с Лочей с глазу на глаз. Видимо, Чамино понял, что им это не необходимо, и комната опустела. Коля спросил:

— Лоча! Почему тебя так тяготят твои дворцовые обязанности?

Лоча отвернулась. Ей тяжело было выдержать взгляд Коли. А это еще больше встревожило его.

Опустив глаза, она ответила:

— Я терплю это только ради Чамино. Я боюсь, чтобы с ним не случилось того, что с отцом.

— Тебе неприятно приводить в порядок бороду Единого?

— Борода? О-о, нет. Но я не могу тебе этого сказать... Это скверно. Верь мне, Акачи. Я всегда думаю о тебе. И если бы ты в самом деле смог полюбить меня...

— Я люблю тебя, Лоча! Мне все равно, что ты делаешь у Единого. Я люблю тебя, и этого мне достаточно.

— Это правда? Ты не думаешь обо мне плохо?.. — Лоча прижала голову к его груди. Она плакала. — Ты не думай... То, что говорят во Дворце, — неправда. Это выдумки. Но есть еще более тяжкие муки. Может быть, я когда-нибудь расскажу тебе...

Но Коля не хотел знать ничего ни о Единоме, ни о его Дворце. Голова Лочи у его груди, и теперь ему больше ничего не нужно...

10. На Землю

Лоча пришла одна. Слуги Храма в черных плащах грузили в ракету какие-то ящики, а Николай с отцом стояли в стороне под охраной карателей.

На ресницах Лочи серебрится иней, а в глазах застыли слезы. Нет, она не плачет, только слегка вздрагивают уголки ее губ. Черные волосы ничем не покрыты, хотя вокруг бушует метель. Плащ затянут на груди едва заметным шнурком. Ветер треплет его, и плащ шелестит, словно флаг. Флаг, принадлежащий той жизни, с которой Коля навсегда прощается теперь. Лоча одета во все светло-розовое. И Коля думает о том, что одежда ее и не может быть иной, особенно сейчас, перед той космической разлукой, что предстоит им. Космонавт, улетаая в другие миры, должен навек запомнить каждую черточку дорогого ему человека.

Каратели расступились: даже они понимают, что такое космическая разлука. Разлучаясь, любящие становятся двумя далекими звездами и могут переговариваться друг с другом только лучами.

Лоча взяла его руки в свои. У нее теплые, нежные руки. Коле хотелось бы сохранить в своих ладонях эту нежность и тепло.

Она сказала:

— Мой милый, я согласна быть твоей женой. Я уже твоя жена, Акачи!.. Твоя жена, мой любимый. Отныне и навсегда.

«Что она говорит? — пульсировало в висках. — Зачем она это говорит?..»

Ведь они еще не знали той радости, той страсти, которая влечет влюбленных под самые тучи, наполняя ледяную планету хрустальным звоном и заставляя звезды кружиться в огненном водовороте, бросая под ноги влюбленным Галактику, словно пыльную дорогу...

Зря он дал волю своим чувствам. Напрасно ска-

зал ей о своей любви. Но разве это к чему-нибудь ее обязывает? Ведь она свободна. Совершенно свободна!..

Лоча! Ты не должна так говорить. Каждый фазтонец считал бы великим счастьем назвать тебя своей женой. Тебе завидуют во Дворце. Перед тобой склоняют колени советники. У тебя впереди целая жизнь, и она должна — обязательно должна! — быть счастливой.

— Нет, Лоча, — говорит Коля. — Ты не можешь быть моей женой.

— Молчи! — отвечает Лоча. — Не будь таким жестоким. Не отбирай у меня права смотреть на небо, отыскивая в нем крошечную точку, озаренную Солнцем, и думать: «Вон там мой муж...» Разве ты не можешь дать мне такого права?..

— Я люблю тебя, Лоча! Это правда... Ничего бы я так не хотел, как быть всегда с тобой. Но мы должны думать трезво...

— Не хочу трезвости! — прошептала она.

Ее горячие губы прижались к его обветренным губам, и им показалось в эту минуту, что на планете растаял вечный лед, зашумели голубые леса и буйно зацвели травы. И они идут среди фиолетовой пены цветов. И вслед им несутся мелодии птичьих песен. Идут так, как давным-давно, много миллионов оборотов тому назад, ходили по планете их далекие предки. Еще нет Земли — она кипит где-то вблизи от Солнца, нет ни Бессмертного, ни каторги, ни разлуки. Им не нужно ни генераторов климата, ни крыши над головой, ни одежды. Нужны только вот эти травы, которые станут им супружеской постелью, их домом. И звезды, закипая от зависти, будут смотреть

на них. Им еще кипеть и кипеть сотни миллиардов оборотов, пока из этого кипения не возникнет чудо, двойное чудо: мужчина и женщина! И потянется время, наслаиваясь во вселенной и в человеке, станет богаче и тоньше человеческий мозг, и черты лица его отчетливей и рельефней. Разум все дальше и дальше будет простираться во вселенной, но человек по своей сути останется таким же, как и те двое в фиолетовых травах. И те же желания и страсти будут владеть им: чтобы рождались дети, вырастали сильными и храбрыми и несли в даль вселенной кровь отцов и их опыт... И продолжали жить тогда, когда планета перестанет быть пригодной для жизни, как теперь Фазтон...

— Пора! — Слуга нетерпеливо взмахнул рукой.

Ечука-отец, отвернувшись от Лочи и Николая, тайком вытирал скупые слезы. Он мучался оттого, что причинил непоправимое горе не только себе, но и сыну, и этой милой самоотверженной девушке, которая в самом деле могла бы стать женой его Акачи. Отважившись на отчаянный поступок, Ечука думал, что Бессмертный покарает только его, как когда-то отца Чамино. А сына пощадит.

— Пора, рабы божьи! — снова с недовольством буркнул слуга.

— Да, пора, Лоча. Прощай! — сказал Коля, готовый разрыдаться.

Но, взглянув на Лочу, он не поверил своим глазам: она смеялась!

— Акачи! — голосом, в котором звенело счастье, выкрикнула девушка. — Я, наконец, верю, что ты любишь меня... И я лечу с тобой на Землю!.. Эй, вы! — крикнула она карателям и прислужникам храма. —

Я лечу вместе с моим мужем. Передайте моему брату Чамино, что я полетела на Землю! Да. На Землю... И скажите Единому — пусть кто-нибудь другой ухаживает за его бородой!..

Человек в черном плаще неторопливо подошел к ней и сурово проговорил:

— На это не было воли божьей.

— Есть моя воля! — твердо сказала Лоча. — Разве этого не достаточно?..

Ее слова показались черным слугам страшным богохульством. И тотчас же каратели, окружив Лочу, скрутили ей руки и понесли прочь от ракеты. Коля метнулся было вслед за ней, но не успел он сделать и нескольких шагов, как и его руки оказались скрученными, а непослушное тело поплыло куда-то вверх — в темное отверстие космического корабля. Он попытался вырваться, но, ударившись головой о металлическую стенку, потерял сознание. А может, каратели стукнули его, чтобы поскорей избавиться от хлопот.

Как только ракета легла на курс, широкогрудый космический волк, коренастая фигура которого напоминала треугольник, поставленный на острие, подошел к Ечуке и, ласково похлопав его по спине, сказал:

— Плюнь, голубь! Жить всюду можно. Скажи еще спасибо, что Бессмертный не отправил тебя к предкам.

Ечука хорошо знал космического извозчика. И его способ высказываться, столь непривычный для фэзтонцев, уже не удивлял Ечуку. Да и Рагуши вряд ли можно было считать фэзтонцем. Казалось, он весь — от ушей до подошв — вылеплен из другого материа-

ла — земного. Видно, тому, кто хоть раз побывал на этой загадочной планете, трудно потом счистить со своих ног ее липкую, плодородную глину!..

Рагуши сел в кресло, потянулся, будто после продолжительного сна, положил ногу на ногу и начал разглагольствовать, не заботясь о том, слышит его кто-либо или нет.

— Наш Бог-Утиль-Сырье проржавел до последнего винтика. Только болваны этого не понимают. Удивительная психика у двуногих существ. Откопай червяка и скажи, что это творец вселенной, — поверят! Клянусь печенкой, поверят!.. Будут падать перед ним на колени, целовать след, где он когда-то прополз. Только и отдохнешь в космосе!.. Шахо психики тут не действуют. Но на Атлантиде жрецы ими тоже пользуются. От них и там не спрячешься...

Коля уже пришел в себя. Перед глазами его все еще мелькало дорогое лицо любимой, ее розовая фигура, плывшая над головами карателей...

— Куда мы летим? — спросил Коля. — На Атлантиду?..

Рагуши захохотал.

— Наконец-то!.. Ну что, гудит в голове? С ними шутить нельзя, они этого не любят... На Атлантиду?.. Э-э, нет, юноша! Утиль-Бог давно уже не посылает грешников на Атлантиду. Фаэтонцы в качестве рабов на Земле не нужны: они теряют там работоспособность. Фаэтонцы способны быть или богами, или каторжанами. Богов посылают на Атлантиду. Каторжан разбрасывают по всей планете. У Единого это называется — казнь одиночеством. И действительно, это очень тяжкая казнь!

Рагуши нажал какую-то кнопку, вмонтированную

в стену каюты. Открылась большая карта, которая чуть-чуть светилась. Это была карта Земли.

Он обвел пальцем большой остров, расположенный посреди синих просторов океана. Нет, не остров — целый материк...

— Великая Атлантида! — с каким-то неожиданным благоговением сказал Рагуши. — Фазтонское государство на чужой планете. В конце концов мне наплевать на Утиль-Бога! Бессмертный имеет к ней такое же отношение, как, скажем, к Сириусу. Атлантида — это питомник человеческого разума, мать новой цивилизации. Вот в чем дело!..

— Расскажите о ней, — попросил Коля, хотя все еще думал о Лоче.

Рагуши взглянул на атомные часы.

— Вкратце можно. Но сначала отвечу, куда я вас везу. Вот смотрите...

Ечука-отец тоже поднялся с кресла и подошел к карте.

— Вот вам рай, — показал Рагуши на большой материк, разместившийся на южном полушарии Земли. — Вы будете здесь первыми людьми. Понимаете? Первыми... Скажу сразу — миссия не из приятных. Но я постараюсь, чтобы вам было не очень худо. А теперь слушайте про Атлантиду. Мне часто приходится там бывать. Жрецы считают меня верным слугой божьим. Им даже в голову не приходит направить на мой мозг свой дьявольский шахо. Я пью с ними хмельной напиток, приготовленный из растений, которых не знают на Фазтоне. Длинная крученая лоза, лапчатые листья. Плоды собраны в большие гроздья. Они полупрозрачны и обтянуты нежной кожей. Если разорвешь кожу — брызнет сладкий

сок. Из этого сока жрецы готовят для себя очень вкусный напиток. И когда его выпьешь, сразу же становится весело, хочется смеяться и петь.

Коля слушал рассказ Рагуши о новом незнакомом ему мире, но думал о Лоче.

— Пятьсот оборотов тому назад, то есть полторы тысячи земных, один фаэтонский ученый попросил привезти ему с Земли несколько человекоподобных обезьян. Они были нужны ему для исследования, на которые дал согласие сам Бессмертный. Обезьян разместили в специальном помещении, и там были созданы такие же атмосферные условия, как и на Земле. Они чувствовали себя прекрасно. Селекционные опыты проводились в лабораториях, в специальной аппаратуре. Плод развивался в искусственной среде. Детеныши получились похожими на обезьяну и на человека одновременно. У некоторых из них легкие были приспособлены для того воздуха, которым дышали фаэтонцы, но большинство нуждалось в земной атмосфере. Именно эти экземпляры ученый отобрал для дальнейшего скрещивания. Он потратил на это целую жизнь. В результате третьего скрещивания родились дети, похожие на маленьких фаэтонцев, но дышать они могли земным воздухом...

— Значит, первые земные люди были созданы на Фаэтоне?! — вырвалось у Коли. Вот неожиданность! Даже Ечука-отец, рассказывая ему о Едином Бессмертном, говорил, что племя земных людей впервые было создано на Атлантиде.

— Фаэтонская наука замалчивает этот вопрос, — вступил в разговор отец. — Имя ученого осталось не-

известным. Существует версия, что земного человека создал сам Бог-Отец. Ни о какой селекции нет и речи. Просто пожелал Всевышний иметь верных рабов на Земле, и достаточно было его слова. А вообще развитие и распространение разума во вселенной неизбежно. Ученые Материка Свободы проводят селекционные работы в планетной системе Толимака *. И на нескольких планетах одновременно. Бессмертному известно об этом. Он понимает, что там будут созданы независимые от него цивилизации. Поэтому он так и бесится...

— Разве это возможно? — удивился Коля. — Не только разные планеты, а даже разные системы... Разве возможно скрещивать такие отдаленные друг от друга существа?..

— Эта отдаленность весьма относительна, — возразил отец. — Она измеряется пространством, а не свойствами организмов. В близких по природным условиям сферах жизнь развивается почти одинаково. Но если условия не способствуют этому, она не развивается вовсе. Скажем, в нашей планетной системе жизнь способна активно развиваться лишь на двух планетах — на Фаэтоне и Земле. Возможно, в будущем к ним присоединится Венера. Пока она еще молода.

— А Марс?

— Марс для этого непригоден. Там есть некоторые породы растений, есть пресмыкающиеся с очень медленным обменом веществ. Создать же энергичное, высокоразвитое существо Марс не в состоянии.

* Толимак — ближайшая к Солнцу звезда. Свет ее долетает на Землю через четыре года.

— Почему? — допытывался Коля.

— На Марсе очень мало воды, кислорода и солнечного тепла — того, что обуславливает родство живых миров на разных планетах. Расстояние же между ними не играет никакой роли. Оно имеет значение только для взаимовлияния живых миров. Одна планета развивает свой живой мир раньше, другая — позднее.

— Но почему мы представляем себе мыслящее существо только в виде человека? — спросил Коля.

— Вполне возможно, что есть и иные формы. Но и на тех планетах, где работают ученые Материка Свободы, они имеют дело с человекоподобными существами. Это, видимо, самая целесообразная форма для развития разума. — Отец смущенно посмотрел на Рагуши, который тоже слушал его внимательно. — Извини, командир! Я увлекся. Это моя излюбленная тема. И моя мечта. Я еще в детстве мечтал попасть на Материк Свободы, чтобы вместе с их учеными...

— Что же тебе помешало? Горючего не хватило? — ехидно спросил Рагуши.

— Побег с родины я считал бы для себя позором, — печально ответил отец. — Но прошу тебя, рассказывай дальше. Я кое-что знаю про Атлантиду, а он, — отец показал на Колю, — знает очень и очень мало. Ведь им все подавалось в искаженном виде.

Рагуши внимательно посмотрел на Ечуку.

— Почему ты промолчал о Юпитере?..

Ечука чуть побледнел.

— Прошу тебя...

Произошло неожиданное замешательство. И Коле

вдруг показалось, что отец скрывает от него какую-то важную тайну.

— Юпитер? — переспросил Коля. — Разве на Юпитере есть жизнь?

Отец молчал. Рагуши обернулся к Коле.

— Не все сразу, парень! Существуют вещи, о которых фазтонцам лучше не знать.

Коля никогда не слышал о том, что на этой гигантской планете существует жизнь. Ведь на Юпитере господствует такая стужа, что замерзают даже газы. Как же могла там зародиться живая клетка?..

Тем временем Рагуши продолжал рассказ:

— ...За высокими стенами, окружающими Дворец Бессмертного, жрецы соорудили огромное здание — не меньшее, чем Дворец Бумерангов. Там в соответствующей атмосфере под наблюдением Единого выращивались люди, которые уже не были фазтонцами. Они не знали ни отца, ни матери, так как практически у них не было ни отцов, ни матерей. И хотя они и были похожи на нас, но не чувствовали себя людьми, ибо за стенами своего помещения не могли ни жить, ни дышать.

Жрецы с детства втолковывали им, что их творец — Всевышний. И те, что приходят к ним в прозрачных шлемах, тоже бессмертны. Они самые преданные слуги Бога-Отца, и каждое их повеление — его повеление...

Еще на Фаэтоне была создана армия охранников, слуг и рабов-строителей, которые потом на Атлантиде под руководством жрецов сооружали первые храмы. Позднее на Атлантиду начали переселять и фазтонцев-каторжан.

Но не забывайте, что земные рабы Всевышнего

выращивались на Фазтоне в абсолютной тайне. Об этом знали только преданнейшие слуги Единого. Никто из фазтонцев и не подозревал об их переселении на Атлантиду. Обслуживающий персонал космических кораблей, осуществлявший это переселение, потом был уничтожен по приказу Бессмертного.

Можно себе представить, что почувствовали фазтонцы-каторжане, попав на Атлантиду! Они увидели там величественные храмы, не уступавшие фазтонским, и сотни рабов, созданных по воле Всевышнего.

Каждый каторжанин для такого раба сразу стал новилем же богом, а жрецы держались с каторжанами почти как с равными. Пораженные всем увиденным, фазтонцы забывали о своем бунтарстве, признавали могущество Бессмертного и очень быстро привыкали к положению младших богов. Так на Атлантиде возникла господствующая верхушка. Ее возглавили ученые-жрецы. На одну ступень ниже стояли фазтонцы-каторжане. Еще ниже преданные слуги, которые постепенно перестали быть рабами и также осознали свое «божественное» происхождение. Это передалось и их потомкам.

Жизнь рабов ничем не отличалась от жизни животных. Некоторые из них убегали на другие материк. Там возникли многочисленные племена, которые начали жить своей независимой жизнью. И память их сохранила воспоминание о всемогуществе бога. И о том, что он живет где-то в небе...

Иногда фазтонцы-каторжане, которых тоже расселяли почти на всех материках, возглавляли эти племена, создавая свои крошечные государства. Фазтонцы прививали землянам первые навыки цивилизации, делились с ними простейшими знаниями.

Нередко жрецы из Атлантиды посылали воздушные корабли и уничтожали эти крошечные еретические государства, сжигая их атомным огнем, но они возникали в непроходимых лесах вновь и вновь. Это вызывало гнев у жрецов Атлантиды и, конечно же, у Единого Бессмертного. Ну ладно, хватит об Атлантиде. Да вы ее сами вскоре увидите.

— Как?! — удивился Ечука. — Ведь мы летим на другой материк, в южное полушарие...

Рагуши промолчал. Потом тихо сказал:

— Туда успеешь. Сначала я навещу жену. И моих земных детей... — Он взглянул на Колю. — Акачи меня лучше поймет. Космические разлуки — ужасная вещь. Выйдешь вечером из дому и ищешь огненную кроху в небе. А она меньше, чем глаз твоей жены, которую оставил на этой крохе... и кажется тебе, что больше никогда не увидишь ее...

Эти слова совсем сбили с толку отца.

— Какая жена? Я ведь знаю твою жену.

— Понимаешь, Ечука, — печально ответил космонавт. — Твой грешный извозчик — двоеженец. Наверное, первый космический двоеженец. Но что я могу сделать? Я очень ее люблю. Люблю свою земную жену. И земных детей так же, как люблю своих маленьких фаэтонцев... Мое сердце принадлежит двум планетам, двум женам и четырем сыновьям... Двое из них на Фаэтоне, двое — здесь... И я их сегодня увижу. Но мои сыновья-земляне никогда не увидят своих братьев-фаэтонцев. Хотя каждый из них знает, что где-то в небе живут его родные братья. Фаэтонцы — черноволосые, а земляне — золотоголовые, цвета солнца... Золотоголовые мальчики показывают на Фаэтон и спрашивают у матери: «Когда прилетит

наш отец?» А черноволосые ищут глазами голубую планету и спрашивают то же самое... Вот так я и живу, Ечука! А теперь суди меня как хочешь... Может быть, я и в самом деле подлец, только я ни разу не соврал ни земной, ни фаэтонской жене. Говорю так, как оно есть...

— И они тебя прощают?

— Моя фаэтонка считает земную жену чем-то не-реальным. Чем-то сотканным из одних только грез, без крови и плоти. Поэтому-то и не ревнует. А золотоволосая землянка принимает меня за бога, как и каждого фаэтонца. А богам все позволено. — Рагуши грустно улыбнулся. — Как видишь, мне и на Земле и на Фаэтоне достаточно спокойно. А вообще... вообще я не знаю, какая планета мне родней. Обе дороги одинаково.

11. Среди атлантов

...На большом, хорошо оборудованном космодроме их встретили жрецы в прозрачных скафандрах. Собственно, самого скафандра не было видно, только вырисовывался чуть заметный ободок вокруг головы, поблескивающий на солнце. Точно такой же, как нимб вокруг головы христианских апостолов!..

Рагуши чувствовал себя среди жрецов своим человеком. Он дергал их за руки, похлопывал по спинам и бросал не совсем пристойные шутки. Кое-кто из жрецов недовольно морщился, но Рагуши не обращал на это внимания. Он знал, что все они вынуждены терпеть его грубоватое панибратство, так как он имеет над ними власть.

— А это кто? — спросил, наконец, верховный жрец, поглядев на Колю и Ечуку. Жрец был одет в фазтонский плащ из легкого материала, светившийся на солнце чистым золотом.

Как правило, фазтонцы не любили блестящих предметов, но здесь, на Земле, жрецы, очевидно, считали нужным рядиться в пышные блестящие одежды. Они жили среди дикарей, на которых этот слепящий блеск производил гипнотическое действие.

— Это мой брат, — соврал Рагуши, не моргнув глазом. — А это его сын. Взошел уже на одиннадцатую ступень... Как видите, парень хоть куда! Попросились со мной, чтобы посмотреть на ваш земной рай. Если позволите, конечно...

— Мы гостям всегда рады, — сдержанно ответил верховный жрец. — Пусть слава о божьем промысле на Земле распространится среди всех фазтонцев.

Теперь в поведении жрецов появилась какая-то скованность, аскетическая сухость, и это сразу же заметил Рагуши.

— Да плюньте вы на свои церемонии! — воскликнул он. — Мой брат — ваш брат. Кстати, его очень любят ближайшие слуги нашего Единого. Он с ними не раз пробовал ваш божественный напиток.

Это, видимо, сразу помогло. Хмельной напиток, который изготовлялся на Атлантиде, тайком перевозили на Фазтон такие доверенные лица, как Рагуши. Жрецы Всевышнего на Фазтоне давно уже пристрастились к этой жидкости. Конечно, Бессмертный ничего не знал об этом — все-таки не такой уж он всевидящий, как считают.

— Где же моя жена? — спросил Рагуши у верховного.

— Ты что, ослеп? — засмеялся тот. — Разве не видишь? Вон стоит.

Коля посмотрел туда, куда показал жрец. У решетчатой ограды, окружавшей космодром, стояла красивая молодая женщина в розовой одежде. Видно, этот цвет подсказал ей сам Рагуши — фаэтонские женщины во время космических встреч и разлук всегда надевали розовое — это стало уже традицией.

Женщина затуманенными от слез глазами смотрела на своего космонавта и послушно ждала, пока он освободится от всемогущих жрецов. Она земная женщина, и ей не годится мешать богам. Рядом с ней стояли два золотоволосых мальчика.

Коля с изумлением смотрел на них и думал: «Неужели же дети Рагуши вырастут рабовладельцами?»

А Рагуши, увидев жену и детей, побежал к ним. Он был несдержан, порывист, как, впрочем, всегда и во всем, и, подхватив на руки детей, бегал с ними по плитам космодрома, выкрикивая:

— Атлант! Посейдон! Заждались? А я привез вам подарки от ваших братьев. Они вас очень любят... А вы их любите?

Он прижимал сыновей к широкой груди, а они лгнули щеками к его скафандру и ничего не слышали, потому что сами были без скафандров.

Поставив детей на землю, Рагуши обнял жену.

Жрецы взлетели в воздух и исчезли из виду, а Рагуши, забыв о Ечуке и Коле, ушел вместе с женой и детьми. Но по дороге, вспомнив о своих космических переселенцах, остановился и крикнул:

— Извини, Ечука! Я забыл, что у тебя нет пла-

ща. Возьми мой в ракете... Ах, правда! Один на двоих. Не годится. Гуляйте так. Я вас потом найду...

Отец усмехнулся.

— Не волнуйся, походим пешком. Не заблудимся...

И вот они стоят на высокой горе, почти до самой вершины покрытой пышной растительностью. Подняться туда было сравнительно легко, так как Земля в полтора раза меньше Фазтона и здесь они весили соответственно меньше.

За зелеными террасами гор открывались необъятные морские просторы, посреди которых кое-где зеленели островки. А между гор, в большой котловине, лежал белый, исчерченный полосками запутанных улиц большой земной город — столица Атлантиды. Он вовсе не был похож на фазтонские города, приспособленные для жизни в сером мраке, среди вечных снегов и морозов. Здесь были не нужны ни генераторы климата, ни сферические, полупрозрачные крыши. Здесь скорей нужно было защищаться от жгучего солнца и от щедрых ливней, о которых на Фазтоне не имели никакого представления.

Город сооружен из гранита и мрамора. Кое-где дворцы имеют, правда, тоже сферические крыши, но это, очевидно, только по традиции. В большинстве же здесь была своя, земная архитектура. Тонкие мраморные колонны с бронзовыми капителями украшали каждый дворец и каждый храм. Улицы и площади вымощены мраморными плитами. А в центре города на зеленом холме, возвышавшемся над столицей, стоял белый храм верховного жреца — самое величественное сооружение в городе. Храм этот был тоже окружен мраморной колоннадой. А на его белой крыше, сделанной в виде призмы, на самой верхушке ее

сияла чистым золотом монументальная фигура Единого.

Поднятая вверх рука Бессмертного была устремлена в небо: там — рай, там — блаженство! Левая нога его что-то топтала, но что именно — разглядеть было трудно.

Все вокруг было щедро озарено солнцем, и сама земля излучала солнечное тепло, окутывая им каждое растение, каждое живое существо.

— Вот планета, на которой завтра забурлит могучий разум, — патетически воскликнул Ечука-отец.

Вскоре они спустились с горы и направились в город. Пройдя около одного ша*, они увидели огромную каменоломню, где под жгучим солнцем работало несколько тысяч рабов. Каменоломня была похожа на взбудораженный муравейник, а полуголые люди, несущие на плечах тяжелые белые камни, — на маленьких муравьев со своими личинками.

Надзиратель, стоя на отполированной тысячами ног мраморной скале, мог достать кнутом спину раба на любом расстоянии. Кнут, громко щелкая, оставлял кровавые полосы на голых спинах, но рабы даже не поворачивали голову в сторону своего мучителя.

Со всех сторон каменоломню окружали оголенные до пояса воины с бронзовыми копьями, на груди у них висели медные бляхи, а на широких кожаных поясах — бронзовые мечи.

— Вот на чем держится Атлантида! — с болью сказал отец.

Неожиданно там появилось несколько фазтонцев. Очевидно, до этого они стояли где-то в пещере или за выступами скал, так как раньше их не было видно.

* Ша — 3,2 километра. (Прим. авт.)

На поднятой ладони правой руки каждый из них нес громадную каменную глыбу. Глыбы эти были в сотни раз тяжелей, чем те, которые носили рабы. Но фаэтонцы держали их с такой легкостью, словно это были обыкновенные яблоки. Даже Коля, хорошо знающий, что глыбам этим сообщены гравитационные свойства и они почти ничего не весят, не мог смотреть на эту процессию без восхищения.

— Вот это работа!.. — крикнул он. — Зачем же мучать людей? Ведь это так просто.

Но вскоре он понял, что это был всего лишь предметный урок землянам — демонстрация могущества «богов». Рабы падали на колени, фаэтонцы переступали через них, будто это были камни, и спокойно шли дальше. Потом они взлетели над каменоломней вместе со своим грузом и исчезли из глаз.

И все началось сначала...

— Уйдем отсюда! — крикнул Коля. — Почему фаэтонцы такие жестокие?!

— Для властителей не существует людей, — грустно ответил отец. — У них есть только материал, из которого сооружается храм истории.

И показал на золотую фигуру Бессмертного. Теперь можно было рассмотреть, что именно топтал он — это были извивавшиеся в адских муках грешники. Кто они — фаэтонцы или земляне?..

Прошло немного времени, а отец с сыном почувствовали, что земное солнце действует на них губительно. Они прикрывали полами плащей скафандры, защищая голову от лучей солнца, но щеки и кисти рук были уже сожжены и очень болели. А перед глазами плавали огненные пятна. У них едва хватило сил, чтобы вернуться в город...

Рагуши нашел их на улице. Он слегка пошатывался, словно моряк на палубе во время шторма. Очевидно, атланты уже угостили его своим напитком.

— А-а, чтобы вас вулкан проглотил! Я уже с ног сбил. Где это вас носило?.. Скорей пойдем к верховному.

В большом зале храма стояли длинные столы. Сюда были приглашены жрецы со всей Атлантиды. Они сняли свои позолоченные плащи и скафандры. В зале была атмосфера, в которой могли дышать фаэтонцы. Теперь в скафандры прятали головы многочисленные слуги верховного жреца — потомки выращенных на Фаэтоне людей. Они подавали еду и большие сосуды с вином.

Рагуши помог Коле и Ечуче снять скафандры и повел их к столу, усадив рядом с собой.

Жрецы уже порядком выпили и громко спорили. На новых гостей никто не обратил внимания. Коля стал прислушиваться к их спору.

Верховный жрец — тучный человек с блестящим черепом без единого волоска говорил костлявому, аскетического склада, соседу:

— Пустыни тебя пугают? Напрасно!.. Мы их создадим всюду, где начали возникать непокорные державы... Мы заставим бунтарей жить в горячих песках. Мы не оставим им ни единого корешка, ни одной капли воды. И тогда они признают власть Единого.

Высокий сухощавый жрец покачал головой.

— Какой в этом смысл?.. Мы бы действовали значительно умнее, если бы превратили землю в гигантскую оранжерею. Тут можно выращивать столько съедобных плодов, что ими можно было бы накормить даже беловолосых.

Верховный скептически усмехнулся.

— Ты мыслишь десятками оборотов, а нужно мыслить по крайней мере тысячами. Если беловолосых обеспечить едой, через триста-четыре ста оборотов их расплодится столько, что в атмосфере Фазтона не хватит кислорода. Не забывай, что мы теперь только потребляем кислород. Ведь с тех пор как на Фазтоне исчезла растительность, кислород не восстанавливается. Его становится все меньше и меньше... Если население увеличится на пять-шесть миллиардов, фазтонцы начнут задыхаться... Верховный забарабанил пальцами по столу, и слуга в скафандре принес новый сосуд с вином. — Нет! Нет! Выхода нет. Когда планета начинает стареть, ее уже ничто не спасет...

— Я слышал, что на материке пороков, — сказал аскет, — действуют могучие восстановители кислорода. Они разлагают океанский лед. Водород используется как горючее для электростанции, а кислородом обогащается атмосфера. Говорят, что теперь на Фазтоне стало значительно легче дышать. Ты заметил это, Рагуши?..

Космонавт не успел еще ответить, как верховный, метнув гневный взгляд на сухощавого, выкрикнул:

— Ложь! Там утратили всякий контроль над размножением. Их вскоре будет целый миллиард. Они уже селятся даже в космосе... Их летающие города... Разве это не угроза могуществу Единого?.. Нет, на Землю мы их не пустим. Пусть колонизируют Марс и планеты Толимака... Земля принадлежит нам, и только нам!..

Лицо седоволосого аскета изрезано глубокими морщинами, глаза умные, добрые.

— Тогда скажи, — спросил он у верховного, — почему Бессмертный запретил знакомить земных рабов с нашей техникой? Почему он не позволяет производить на Земле железо? Единственное, что он разрешил передать землянам — это бронзу...

— А серебро и золото? — недовольно буркнул верховный. — А благородный орихалк? Разве не мы научили изготавливать этот сплав? Теперь их аристократия даже стены и полы покрывает орихалком...

— Я говорю о металлах, из которых можно делать плуги, топоры, бороны... Ведь рубить деревья бронзовыми топорами очень трудно.

— Железо — это металл, на котором зиждется могущество Бессмертного. Владеющий железом — владеет миром. Это понимают даже основатели бунтарских государств. Получив железное оружие, рабы перестанут быть рабами... А фазтонец перестанет быть богом.

Рагуши пригласил верховного в отдельную комнату. Неизвестно, о чем они там говорили, только космонавт вышел оттуда с сияющим лицом. Приблизившись к Ечуке, он незаметно сжал ему руку и тихо сказал:

— Тебе посчастливилось... Договорился!

О чем он договорился, стало ясно лишь на следующий день, когда рабы под личным наблюдением Рагуши стали грузить в корабль какие-то ящики.

Подойдя вместе с Ечукой к шкафу, вмонтированному в стену ракеты, Рагуши открыл легонькую дверцу. Там стояли сотни надежно запаянных пробирок.

— Рабочий материал для твоей лаборатории, Ечука!..

И Рагуши рассказал, каким образом ему удалось

получить это тайное оборудование. Оно давным-давно покоилось в подвалах храма — восемнадцать ящиков, полный комплект для лаборатории.

— Верховный долго торговался, — рассказывал Рагуши. — Для него это обыкновенный лом, но он очень боится, чтобы я где-нибудь не проговорился. Я заверил его, что эта посуда мне нужна для переплавки. Здесь немало золота. А тебя, Ечука, я отрекомендовал как мастера золотых украшений. Мы, мол, это вдвоем переплавим, и половину золота я отдам верховному.

Растроганный Ечука благодарно пожимал то одну, то другую руку космонавта. Вдруг он помрачнел и с тревогой спросил у Рагуши:

— А где же ты возьмешь столько золота!.. Ведь и в самом деле его надо вернуть.

— Это уж моя забота, — улыбнулся Рагуши. — Вернуть нужно не здесь, а на Фазтоне. Они почти все... За исключением этого костлявого, который ссорился с верховным... Тайком передают золото на Фазтон. Там его теперь почти не добывают. А возит эти передачи Рагуши... Как-нибудь выкручусь!..

— Спасибо, дружище!..

Вылетали они на третий день. Летели низко, почти над самой землей, на гравитационных двигателях. Рагуши включил экран больших горизонтов. И Коля не отрываясь смотрел на горные ущелья и густые леса, сменяющиеся степными просторами и бесплодными пустынями.

Вот они пролетают вдоль берега какого-то моря. И там, среди голых камней, между деревьями или на береговом песке, Коля замечает человеческие фигуры.

Вон на морской волне качается лодочка. В ней

сидит полуголый бородатый человек и неторопливо перебирает сети.

Вон под скалами у пещер дымятся небольшие костры. Смуглые женщины, одетые в шкуру каких-то зверей, готовят ужин. Среди камней играют дети.

Перед глазами неожиданно возникла голая, выжженная земля. Обугленные деревья лежат с вырванными корнями. Их медленно заглатывает песок...

— Верховный недавно провел здесь атомную расчистку, — объясняет Рагуши. — Тут жили могучие племена, которые не признавали его власти. Племенами руководили наши каторжане. Большинство населения они вывели из-под удара...

Когда пролетали над густыми лесами, которым не было ни конца, ни края, в ракете вдруг зазвучал сильный мужской голос:

— Чего хочет твой корабль? Если ты попробуешь сбросить хоть одну бомбу, я выключу твое поле!.. Ваш верховный знает, чем это кончается.

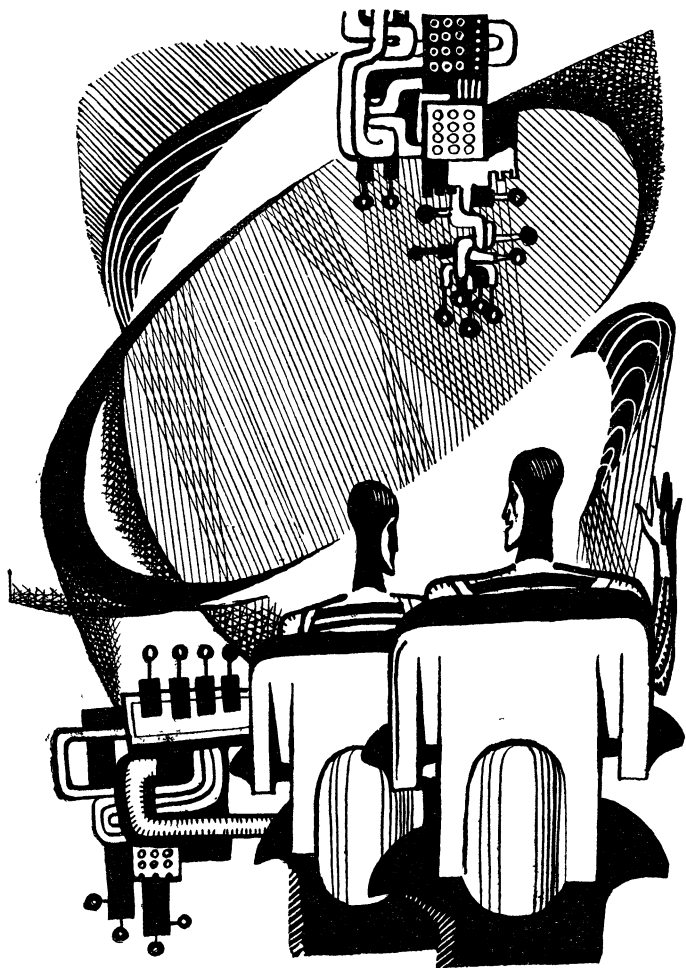
Голос прозвучал неизвестно откуда — то ли с неба, то ли из лесных чащ, а может, и вовсе с другой планеты.

Коля понял, что эта угроза не страшна для Рагуши: он мог включить водородный двигатель. Это корабли атлантов кружили над землей только на гравитационных двигателях.

Рагуши отнесся к угрозе вполне спокойно. Он ответил:

— Это я, Рагуши! Разве ты не видишь моего знака на борту корабля?

Голос неизвестного смягчился. Теперь в нем звучали даже дружеские нотки. А через минуту на широком экране возникло бородатое лицо в скафандре.

— Рагуши, ты ко мне?..

— Нет. В следующий раз. Выключи свой шахо, а то нас могут услышать на Атлантиде.

Лицо исчезло. И снова поплыли леса и леса...

— Так вот ты какой, Рагуши! — почти благоговейно сказал отец.

Рагуши засмеялся.

— Не ищи во мне того, чего нет. Я просто люблю, когда возникает новая жизнь. — И добавил серьезно: — Среди этих лесов вскоре разовьется такая цивилизация, что атланты позавидуют. Здесь работает великий ученый...

— Шарука? — вырвалось у отца. — Бессмертный выслал его на Землю четыре оборота тому назад. Это он разговаривал с тобой?..

— Он...

— Как же я его не узнал? Ведь мы когда-то дружили...

— Постарел. А дружить вы будете здесь... Я везу для тебя и шахо и несколько плащей...

Рагуши направил корабль в высоту — видимо, затем, чтобы космические переселенцы могли охватить глазом весь материк, который отныне должен был стать их новой родиной...

Рагуши открыл нижние шторы. Среди синевы морей и океанов появились четко очерченные контуры большого материка, который начинался в южных тропиках, а кончался далеко на юге — там, где горы даже летом покрыты снеговыми шапками. Материк был расположен очень далеко от других земель. Он был втрое больше Атлантиды.

Северная его часть окрашена в густо-зеленый цвет. Очевидно, это тропические джунгли. Чем даль-

ше на север, тем менее яркой становится зелень, иногда даже проскальзывает желтоватый цвет. Это, наверное, степи...

— Видите? — спросил Рагуши. — Богатейший край! Но здесь еще ни разу не ступала нога человека.

Коля смотрел на материк и старался что-то припомнить. Ему казалось, что он некогда бывал уже здесь. А может, и в самом деле? Да, конечно же, там, внизу, в обрамлении синих морских просторов, зеленела на солнце земля Волшебного Бумеранга!..

12. Немного космоистории

(Конец стенограммы в обработке Оксаны)

Такая планета действительно была!

Еще Иоганн Кеплер в 1596 году обратил внимание на то, что в солнечной системе есть существенный пробел: не хватает планеты, которая должна находиться между орбитами Марса и Юпитера.

В 1766 году Тициус (а чуть позднее, но совершенно самостоятельно Боде) разработал очень простое правило, из которого вытекало следующее: средние расстояния планет от Солнца находятся в зависимости от последовательного ряда чисел: 0, 3, 6, 12, 24... Если к каждому из них добавить по 4, мы получим приблизительно то, что ищем: 4, 7, 10, 16, 28 и т. д. Расстояние от Земли до Солнца (10), составляющее 149,5 миллиона километров было принято за астрономическую единицу — меру длины в космическом пространстве.

В 1781 году, пользуясь этим правилом, В. Гершель открыл новую планету — Уран. С тех пор правило

Тициуса — Боде было принято на вооружение астрономией.

Но ученых всякий раз все больше и больше поражала загадка: почему нет на своем месте планеты, которую двести лет тому назад искал Кеплер и которая согласно правилу Тициуса — Боде должна быть отдалена от Солнца на 2,8 астрономической единицы? Или планета эта слишком мала и ее нельзя было увидеть в телескопы тех времен, или правило не правило?

Небо разбили на квадраты, и обсерватории всего мира нацелили на него свои телескопы... Начались упрямые поиски. Но и это не помогло: планета исчезла. Между Юпитером и Марсом зияла все та же пустота, и возникновение этой пустоты не поддавалось объяснению.

Но вот когда астрономы получили в свое распоряжение мощнейшие телескопы, 1 января 1801 года в Палермо директор обсерватории Пиацци заметил в небе маленькое светило. Это не успокоило его. О том, что это новая планета, не могло быть и речи — слишком мизерны были его размеры. И все же светило заметно двигалось. Значит, к звездам оно не принадлежало. Решив, что это комета, Пиацци наблюдал за ней полтора месяца. Но в связи с болезнью прекратил наблюдение, и загадочная гостья скрылась от людских глаз.

Ровно через год — 1 января 1802 года — немецкий астроном Ольберс (которого задолго до этого опередил Пиацци), опираясь на вычисления тогда еще молодого Гаусса, снова разыскал это светило в ночном небе. И удивительная вещь — это небесное тело, названное Церерой, находилось в том самом ме-

сте, где согласно правилу Тициуса — Боду должна была находиться исчезнувшая планета: большая полуось Цереры равнялась 2,8 астрономической единицы. Пустота была заполнена, и казалось, гармония в строении солнечной системы восстановлена.

Однако ученых беспокоила мысль: что же это за небесное тело? Своими размерами оно никак не похоже на все известные планеты. Выяснилось, что Церера в четыре раза меньше Луны и в шесть с чем-то раз меньше Ганимеда — одного из открытых Галилеем спутников Юпитера. Нет, радость была преждевременной: Цереру нельзя причислить к классу планет. И поиски продолжались.

Самый упорный среди своих коллег, Ольберс, снова принялся за работу. Но все, что он открывал на протяжении следующих пяти лет, его неизменно разочаровывало. Ближайшие соседки Цереры — Паллада, Веста и открытая Гардингом Юнона — оказались еще меньше, чем она. Небесного тела, которое можно было бы назвать планетой в полном смысле слова, не было. И не могло быть — иначе ее открыл бы еще Кеплер...

Однако Ольберс не прекращал наблюдений за орбитами открытых им небесных тел, которые получили название малых планет. Вскоре его настойчивость была вознаграждена. Ольберс заметил, что орбиты малых планет пересекаются в одной точке — в том самом месте, где должна была находиться предполагаемая планета. Точка пересечения вполне соответствовала правилу Тициуса — Боду.

Открытие не могло не поразить Ольберса. Оставался единственно возможный вывод: планета была разрушена какими-то неведомыми силами, а «малые

планеты» всего лишь ее осколки. Двигаясь по своим искусственным орбитам, образовавшимся вследствие взрыва, осколки неизменно возвращаются к месту гибели планеты, как скорбящие сыновья на могилу матери.

Это была очень смелая гипотеза. Она обосновывалась не столько на доказательствах, сколько на интуиции: тогда еще никто не знал, какова форма малых планет — шарообразна или осколочна?

На протяжении целого столетия астрономы считали вывод Ольберса слишком фантастическим. Им казалось невероятным, что в природе могут существовать такие титанические силы, которые способны совершить подобное разрушение. А интуиция... Нет, она не может быть достаточным аргументом!..

Усовершенствовались телескопы, увеличивалось число открытых малых планет. И если раньше любимым дарили кольца или сережки, то теперь начали дарить целые планеты!.. Действительно, среди малых планет мы встретим и Ларису, и Любу, и Лиду, и Риту, и Марину... При этом первооткрывателя не беспокоило то, что имя любимой он стремится увековечить на останках трагически погибшего мира...

Кое-кому из астрономов еще и до сих пор трудно согласиться с Ольберсом, но большинство вынуждено признать: малые планеты — это только обломки, оставшиеся после гигантской катастрофы. Не согласиться невозможно: через сто лет после открытия Цереры, наконец, удалось ответить на вопрос, который всех волновал, — о геометрической форме малых планет: они имели ярко выраженную осколочную форму!..

Теперь уже насчитывается свыше 3500 малых планет. Это, конечно, только те, которые позволяют уви-

деть самые мощные телескопы. Размеры малых планет достигают от одной до нескольких сотен километров в поперечнике. Самая большая из них Церера...

Пришлось отказаться и от названия «малые планеты», потому что с планетами эти тела роднит только химическая структура, общая для всех небесных тел. Они получили название астероидов (что отвечает слову «планетоиды»). Кроме астероидов, на их сложных и путаных дорогах рассеяно бесчисленное множество мельчайших осколков и планетной пыли, общая масса которой значительно превышает массу самих астероидов.

Картина стала понятной: произошел взрыв титанической силы, направленный из глубин самой планеты. Академик В. Г. Фесенков говорит: «Планета разорвалась, как бомба...»

Но даже после такого вывода ученые все еще не отваживались предположить, что на планете могла когда-то существовать органическая жизнь. Стараясь создать ее модель, ученые брали за основу количество вещества, которое блуждает в солнечной системе сегодня. На основании гравитационных исследований установлено, что общая масса астероидов и планетной пыли равняется 0,1 массы Земли... Значит, по мысли ученых, Фазтон был не больше Марса, имел очень разреженную атмосферу и незначительное количество воды. На этом и основывается их вывод, что активно развивать свой органический мир эта планета не могла. Такие взгляды высказали советские исследователи И. П. Путилин и С. В. Орлов. Приблизительно по такому же методу была создана модель Фазтона в Гарвардском университете.

Однако обратим внимание вот на что: имеем ли

мы право брать современное количество распыленного вещества, чтобы, исходя из него, создать достоверную модель Фазтона?.. Ведь нам известно, что ежегодно на Землю падает несколько десятков тонн метеоритного вещества. Если принять во внимание не только метеориты, но и космическую пыль, то, по подсчетам некоторых астрофизиков, Земля ежедневно обогащается на сто тысяч тонн! Поймите, друзья: ежедневно! А что же можно сказать о миллионах лет! Нет, это уже не тот небесный поток, что, по свидетельству египетских жрецов, когда-то уничтожал земное человечество. Это мелюзга, которую современные люди даже не замечают, потому что сегодня от погибшей планеты в космосе имеются лишь незначительные остатки.

Кратер Чабб (Канада), созданный метеоритным взрывом, представляется нам гигантским: он имеет 3,6 километра в поперечнике. И уже совсем невероятным кажется кратер Нгоро-Нгоро в Центральной Африке: в его поперечнике — целых девятнадцать километров. А не так давно академик В. Г. Фесенков рассказал о метеоритном кратере в Африке, по площади равном Крымскому полуострову. Фесенков считает, что кратер образовался довольно давно вследствие падения астероида. Можно ли представить, как бы чувствовала себя Земля, если бы где-то в Тихом океане упал обломок Фазтона, приблизительно равный по своим размерам Весте, Юноне или даже Церере?..

Голоса. Это была бы катастрофа!.. Всемирный потоп...

Николай. Правильно. Даже вулканические толчки создают волны цунами в несколько десятков

метров высоты. А взрыв такой силы мог бы потрясти всю планету, разбудить сотни вулканов, вызвать волны титанической высоты. От них можно было бы скрыться только на вершинах гор.

Древние предания свидетельствуют о том, что наша планета была когда-то объектом таких гигантских взрывов. Пусть эти гигантские обломки падали не часто (может, всего-то один раз в несколько тысячелетий). Но они уничтожали все предыдущие достижения человечества. Вот как, по свидетельству Платона, египетский жрец описывает эти катастрофы:

«...Вы (эллыны) помните только об одном земном потопе, но их еще до этого было несколько... Когда боги заливают землю водой, от нее спасаются только жители гор, пастухи и волопасы, а люди, живущие в городах, потоками воды выбрасываются в море...»

В другом месте Платон снова возвращается к этому разговору. И создает такую реалистическую картину потопов, что ее не способны поставить под сомнение даже скептики:

«Если и сохранилось от этих катастроф какое-то число людей, то это были безграмотные горцы... Поскольку они и дети их на протяжении многих поколений жили, не имея самого необходимого, то направляли все свои помыслы на те предметы, в которых они нуждались, о них, собственно, и передавали сведения своим потомкам, забывая о том, что было с их предками и что в древности когда-то случалось, ибо исследования старины начали появляться в городах только тогда, когда оказалось, что хоть кое-кто из людей имеет в какой-то мере необходимое для жизни...»

Кто станет возражать, что Платон (или, точнее,

египетский жрец) в этом случае оказался материалом? Ведь это правда, что исследованием древности можно заниматься лишь тогда, когда «хоть кое-кто из людей» может не думать о ежедневной борьбе за собственное существование. Как видите, друзья, раньше гигантские осколки падали значительно чаще, чем в позднейшие эпохи. Возможно, последний из них упал двенадцать тысяч лет назад, и именно это стало причиной гибели Атлантиды.

Гибель прародины майя (а их летописи свидетельствуют о том, что она размещалась на материке в Атлантическом океане) в старинной книге «Чилам Балам» описывается так: «Земля начала вздрагивать. И упал огненный дождь, и упала зола, и упали скалы и деревья. И вот одним ударом нахлынули воды. И в одно мгновение огромное уничтожение завершилось...»

Мы уже выяснили, что падению гигантских космических тел сопутствовала бурная вулканическая активность. Значит, и здесь мы имеем достаточно достоверную картину катастрофы...

Голос. Я познакомился с интересной гипотезой о гибели Атлантиды. Ее автор полагает, что двенадцать тысяч лет тому назад состоялось сближение Луны с Землей. Это вызвало мировой потоп и усиление вулканической деятельности.

Николай. Здесь интересно только то, что автор ищет объяснения катастрофы в космосе. Раньше все причины земных катаклизмов искали только на Земле. Будто Земля способна существовать независимо от вселенной!.. Но виновницей гибели Атлантиды была не Луна. Эта планетка выполняет довольно трудную работу — создает на Земле приливы и отливы.

Между Мировым океаном и земной корою существует гигантское трение. Трение заставляет Луну отходить все дальше и дальше от Земли. Подсчитано, что этот процесс продолжается уже много миллионов лет. Поэтому о таком сближении не может быть и речи... Но обратим внимание на огромную океанскую впадину — впадину Монако. Земная кора здесь в несколько раз тоньше, чем в других местах. Впадина находится приблизительно там, где, по свидетельству Платона и летописей майя, должна была быть Атлантида... Правда, таких впадин в океанах много, и не всем им нужно приписывать астероидное происхождение. Но разве не ясно, что большинство обломков Фазтона упало в Мировой океан? Ведь площадь земных океанов значительно превышает площадь суши...

Я очень прошу не забывать этого свидетельства седой старины: Фазтон погиб сам и принес много горя Земле. Так рассказывают о его гибели жрецы из города Саис...

Мы почему-то не доверяем старинным преданиям. Но какие у нас есть основания для недоверия?..

Простая логика подсказывает, что астероидное вещество на протяжении сотен тысячелетий должно было постепенно распыляться и таких сокрушительных падений со временем становилось все меньше и меньше. Этим и объясняется то, что земной человек, который несколько миллионов лет назад был уже человеком, а не обезьяной, получил возможность развить свою цивилизацию только в последние тысячелетия. Как только прекратилось уничтожение человечества, развитие цивилизации стало набирать колоссальную скорость...

Раньше, когда ученые считали, что человечество

появилось на Земле несколько десятков тысячелетий тому назад, можно было пренебрегать древними свидетельствами о катастрофах. Ибо и без них все объяснялось очень просто: на овладение средствами труда человек потратил десятки тысячелетий, а цивилизация начала развиваться пять-шесть тысяч лет тому назад. Поэтому путь от человекоподобной обезьяны к цивилизованному человеку словно бы все время шел по восходящей, не испытывая заметных провалов. В такой исторической схеме не оставалось места не только для многих катастроф, предшествующих гибели Атлантиды, но даже и для самой последней, уничтожившей ее могучую цивилизацию.

Сегодня нам известно, что уже несколько миллионов лет назад в распоряжении человека находились орудия охоты и огонь. Но, невзирая на эти открытия, историческая схема в последние полвека почти не уточнялась. Почему-то считается нормальным растягивать детство человеческого разума почти до бесконечности, никак этого не обосновывая и не объясняя. Но ведь даже в начале нашего столетия такая историческая схема вызывала возражения. Можно вспомнить хотя бы того же В. Брюсова — он был большим знатоком различных культур и считал, что их общность не может быть случайностью...

Разве эта инерция не свидетельствует о невольном недоверии к человеческому разуму! Разве разумному существу нужно несколько миллионов лет, чтобы пройти путь от каменного до бронзового топора? Где же здесь логика? Полвека тому назад мы соглашались с тем, что для этого достаточно десятка тысячелетий. Сегодня, убедившись в том, что это были не тысячи, а миллионы лет, с легкостью согласились:

нужны были миллионы... Неужели между тысячами и миллионами нет существенной разницы?

Нет, друзья! Человек не должен принижать собственный разум. А что означает, что мы не имеем никакого права отбрасывать древние свидетельства о катастрофах, ибо только они способны объяснить неимоверно сложный путь человечества к его современным достижениям...

Голос. Скажи, Коля, может ли сейчас повториться подобная катастрофа?..

Никол а й. Сейчас обломки Фазтона не представляют ощутимой угрозы. Во-первых, больших обломков осталось очень мало. Их можно сосчитать по пальцам. Все они приобрели постоянные орбиты. Во-вторых, наша космонавтика уже сегодня способна предотвратить опасность. Достаточно послать навстречу одну-две ракеты с мощными водородными бомбами — и гигантский обломок превратится в пыль.

Но вернемся к попытке создать модель Фазтона. Нам кажется, что тот, кто берет за основу для модели современную массу астероидного и пылевого вещества, делает большую ошибку. Разве не ясно, что могучий сосед Фазтона — Юпитер весьма заметно «обогатился» за счет планеты-самоубийцы? Если и до сих пор на Землю ежесуточно выпадает сто тысяч тонн фазтонского вещества, то сколько же его выпало на протяжении сотен тысячелетий на Юпитер? Он ведь больше Земли в 1340 раз! Совершенно ясно, что и его гравитационные возможности тоже гораздо больше земных.

Падали обломки Фазтона и на другие планеты. Немало их исчезло и в раскаленных недрах Солнца...

Если учесть все эти аргументы, то станет ясно, что Фаэтон был не меньше Земли, а скорее всего значительно больше. И это уже само собой решает вопрос о его атмосфере и о наличии воды. На Фаэтоне было вполне достаточно воды и атмосферы, чтобы там могла зародиться органическая жизнь. А достаточно ли было солнечного тепла?..

Есть убедительная теория Джона Дарвина (сына Ч. Дарвина) об эволюции систем небесных тел. На основе этой математической теории — планеты в течение миллиардов лет медленно отходят от Солнца... Джон Дарвин, обосновывая свою теорию, еще не знал, что она когда-нибудь поможет внести некоторые уточнения в учение его отца. Но об этом потом...

Г о л о с. Почему же в метеоритах не находят следов органической жизни?

Н и к о л а й. Правильно... Не находили до последнего времени. Так же, как не находили воды. А сейчас вода найдена, и в большом количестве. Понятно, что мы никогда не будем иметь в руках ледяного метеорита: он просто не долетит до земной поверхности. Но в некоторых метеоритах обнаружена вода, которая входит в состав минералов. Она составляет около девяти процентов веса этих метеоритов. Достаточно раскалить минерал — и он отдаст нам космическую воду. И если бы Сихотэ-Алиньский метеорит, весивший сто тонн, был такой минеральной губкой, мы бы получили в свое распоряжение около девяти тонн космической воды. Вполне хватило бы для небольшого плавательного бассейна...

Г о л о с. Разве все метеориты — остатки Фаэто-

на?.. Разве они не прилетают из других уголков Галактики?..

Николай. Нет, не прилетают... Вот что говорит академик В. Г. Фесенков, высказывая мысль, с которой солидарны большинство астрономов мира: «Метеориты принадлежат к солнечной системе. Они никогда не могли быть захвачены из межзвездного пространства, а возникли от распада планеты, которая образовалась между орбитами Марса и Юпитера».

То же самое можно сказать о космической пыли, которую мы видим в полосе астероидов.

Тучи пыли за пределами солнечной системы — это уже совсем иные образования. Они очень далеки от нас. И никогда не пересекаются с путями нашей планетной системы...

Теперь о следах органической жизни в метеоритах. 9 мая 1961 года в литовском городе Клайпеде в квартиру к рабочему А. Золотову через окно влетел камень величиной с кулак. Это был метеорит, но метеорит необычный — так называемый угольный хондрит. Нужно ли доказывать, что уголь создается лишь в условиях широко развитой органической жизни?

Продолжаются споры о находке в метеоритах пяти типов водорослей. Американские ученые уверяют, что таких водорослей на Земле нет. Если это будет доказано, тогда станет совершенно ясно: в океанах Фазтона была жизнь...

Голос. Когда же погиб Фазтон?

Николай. На этот вопрос отвечают атомные хронометры. Они показывают возраст минералов с момента их застывания. Конечно же, планеты застывают неравномерно: поверхностные слои раньше, а

глубинные — значительно позднее. Но подавляющая масса планеты находится в раскаленном состоянии.

Американец Ф. Панет в 1950 году при помощи атомного метода исследовал возраст пятидесяти одного метеорита. Некоторые из них показали, что от начала их застывания прошло около семи миллиардов лет. Это означает, что Фазтон был вдвое старше Земли! Ведь на Земле пока еще не найдено минералов, которые были бы старше 3,5 миллиарда лет. Кроме того, разве мы можем быть уверены, что семь миллиардов — это окончательный предел? А может быть, когда-то падали еще более старые минералы?..

Что же касается момента гибели, то здесь есть такие соображения. Естественно, что во время взрыва должна была разлететься в космическое пространство не только планетная кора — в космос выплеснулась глубинная растопленная масса. В стуже космоса эти брызги горячего вещества должны были тотчас же застыть. Поэтому чем младше метеорит, тем больше он приближает момент катастрофы к нашему времени. Самый молодой метеорит Ф. Панета имеет возраст в семьдесят пять миллионов лет. А сейчас наши ученые исследовали метеорит, который превратился из растопленной массы в твердую только девятнадцать миллионов лет тому назад. Ясно, что катастрофа на Фазтоне не могла произойти раньше, чем застыл этот кусочек вещества. Но, может быть, когда-нибудь упадет на Землю еще более молодой метеорит...

Голос. Уже есть сведения о метеорите, возраст которого равен почти 1 600 000 лет. Он моложе

земного человека. Я потом покажу статью Л. Г. Кваши...

Николай. Спасибо! Вот видите... Значит, люди могут помнить о катастрофе. Это и объясняет происхождение мифа о гибели Фаэтона...

И еще одна интересная деталь. Речь идет о спутниках Марса. Они крошечные: диаметр Фобоса — восемь километров, Деймоса — пятнадцать. Оба они находятся в плоскости экватора — в той плоскости, которая наиболее удобна для запуска искусственных спутников. Они вращаются очень близко к экватору: Фобос, например, находится на расстоянии девяти тысяч километров. Таково расстояние от Москвы до Тихого океана!.. Фобос огибает Марс всего лишь за семь часов, то есть втрое быстрее, чем сама планета успевает обернуться вокруг своей оси. Это никак не соответствует закономерностям солнечной системы. Двигаться так быстро способны только искусственные спутники...

Признать спутники Марса естественными космическими телами не может даже такой неторопливый на выводы астрофизик, как академик В. Г. Фесенков. Фесенков высчитал, что спутники Марса через какое-то время должны упасть на его поверхность.

А ведь естественные спутники, наоборот, имеют склонность отдаляться от планет!..

Если эти предсказания когда-нибудь сбудутся, мы получим самые убедительные свидетельства об очень высокой цивилизации фаэтонцев. Они, видимо, не могли не интересоваться своим ближайшим соседом. И вполне вероятно, что строгие линии марсианской растительности (так называемые каналы) — это тоже разумная организация небогатой флоры, остав-

шаяся до наших времен. Достаточно взглянуть на карту Марса, чтобы понять: так организовать растительность мог только человеческий разум! И то, что в каналах нет воды, отнюдь не опровергает этого. Растительность группируется в тех местах, где когда-то существовали каналы...

Теперь прошу обратить внимание вот на что. Работа палеонтологов отодвигает появление человека в глубину геологической истории Земли, а исследования метеоритов придвигают фаэтонскую катастрофу все ближе ко времени, которое помнит история. Ножицы между этой катастрофой и появлением земного человека ежегодно смыкаются...

Если под этим углом зрения посмотреть на изображения космических «богов», то станет ясно, что это были фаэтонцы...

Голос. Почему погиб Фаэтон? Некоторые ученые думают, что он приблизился к Юпитеру и был разорван его приливными силами.

Н и к о л а й. А что же могло столкнуть его со своей орбиты? Не могло же это случиться без видимых причин... Кроме того, не следует забывать, что точка пересечения орбит самых больших астероидов находится именно там, где, по расчетам Ольберса, Гаусса, Тициуса и Боде, должна была находиться погибшая планета. Значит, взрыв Фаэтона произошел на его собственной орбите, что вполне отвечает законам небесной механики. В этом случае Юпитер не мог быть виновником катастрофы.

Правда, кое-кто старается опровергнуть вывод Ольберса тем, что орбиты мельчайших астероидов, которые начали открывать после его смерти, не пе-

пересекаются в общей точке. Будто мало того, что пересекаются орбиты самых больших обломков! К тому же катастрофа произошла не вчера. За тысячи лет приливные силы планет и Солнца могли изменить изначальные орбиты множества астероидов. И вполне логично, что самыми стойкими оказались орбиты больших обломков — таких, как Церера, Паллада, Веста и Юнона... Как видите, астрономический диагноз Ольберса, врача по специальности, оказался безупречным...

Нет, товарищи! Пока еще никто не смог лучше объяснить причин гибели Фазтона, чем древний миф о неразумном сыне Солнца.

И надпись на метеорите, который упал на Верхнем Рейне в 1492 году, до сих пор поражает своей мудростью. Приковав метеорит к стенам церкви, прихожане вырубили на нем: «Много людей многое знают об этом камне, каждый что-нибудь, но никто не знает достаточно». К сожалению, эти слова остаются справедливыми и сейчас.

Мы бы знали значительно больше, если бы в IV веке темная толпа, руководимая христианскими монахами, не сожгла богатейшую сокровищницу старинных знаний — Александрийскую библиотеку. В ней было собрано семьсот тысяч ценнейших рукописей. Все они погибли. Кстати, вместе с библиотекой погибла и первая женщина-астроном Гипатия: ее казнили за «колдовство»... Давайте же, друзья, не будем пренебрегать хоть этими крохами старинных свидетельств, дошедших до нас через Платона. Нужно полагать, они в какой-то мере восстанавливают то, что было уничтожено пожаром Александрийской библиотеки. Платон, как и его предшественники, учился в

Египте. И тогда еще Александрийская библиотека существовала.

Возникает вопрос: могли ли фаэтонцы оставаться равнодушными к тому, как развивается живой мир на нашей планете? Разве они не были заинтересованы в том, чтобы создать себе помощников на Земле, способных жить без скафандров?..

Человекоподобная обезьяна в такие помощники не годилась — ее сближала с человеком только конституция организма, а мозг ее мало чем отличался от мозга животного. Сами же фаэтонцы не имели надежды приспособиться к земной атмосфере — чем сложнее организм, тем труднее перестраивается он в чужих стихиях. И тогда на помощь пришло физиологическое сходство организмов...

Виктор Черный. Так вот в чем заключаются твои уточнения Дарвина!.. Ты ведешь к тому, что человека все-таки создал бог...

Николай. Зря возмущаешься, Виктор. Не бог, а фаэтонский человек. С точки зрения селекции тут нет ничего невероятного. А моральный фактор... Разве фаэтонцы погрешили перед природой, оплодотворив молодую планету собственным разумом? Разве это преступление — создавать новые разумные миры? Преступление — в их уничтожении!..

В возникновении наук есть логическая последовательность. Ведь не случайно в наш космический век селекция не отстает от астрофизики и космонавтики. То же самое можно сказать о генетике. Мы уже сейчас готовы к селекционным опытам на далеких планетах.

Не случайны и опыты итальянского профессора Даниэле Петруччи, нашего современника. Если бы

не запрещение Ватикана, человеческий плод, созданный им в лабораторных условиях, мог бы развиваться в настоящего ребенка. И кто знает, возможно, земное человечество в лаборатории «папы Карло», как шутя называют Петруччи, получило бы новый гениальный разум?

Давайте попробуем представить себе следующее. Прилетев на Венеру, мы вдруг узнаем, что там есть человекоподобные существа на уровне обезьяны. Выясняется, что атмосфера этой планеты для земного человека не пригодна. Поэтому о переселении туда миллионов земных существ не может быть и речи. Там могут существовать только небольшие поселения, жители которых будут выполнять научные или промысловые функции. Но стоит только заняться селекционной работой в лабораториях по примеру Даниэлле Петруччи — и будет создано разумное племя венерианцев. И ему мы постепенно сможем передать весь свой земной опыт. Неужели бы мы отказались от этой человекотворческой миссии? Что могло бы нас удержать?

Садовники прививают побег культурного дерева к корешку дичка. Когда вырастает яблоня, мы забываем о том, что где-то в почве живет не ее собственный корень, а корень ее дикой предшественницы. Наверное, забывает об этом и сама яблоня.

Так же точно можно привить и человеческий разум, ибо человек не есть что-то сверхъестественное. Он связан своими корнями с органической природой вселенной. И в результате появляется не кто-то другой — в нем продолжаем себя мы, земляне, получившие возможность жить и развиваться в условиях другой планеты...

Поэтому фаэтонцы, на мой взгляд, просто не могли отказаться от этих опытов. И если так трактовать наше прошлое, то мы и в самом деле наследники «богов»...

И наконец, самый главный факт: сегодня ученые имеют все необходимое для создания организма из искусственного белка. И такая задача действительно стоит перед наукой! Достаточно хотя бы ознакомиться с работами академика А. М. Колмогорова...

Почему же мы думаем, что на это способны только земные люди и больше никто? Разве Земля — центр вселенной? Ведь это такие же предрассудки, как и те, против которых восстал в свое время Джордано Бруно...

Если учесть все это, становится понятным, что и религии на Земле возникали не случайно — они вобрали в себя искаженные преданиями факты старины... Мы не знаем, закономерно ли возникновение религий на других планетах. Но на большинстве земных религий лежит заметная печать фаэтонского «бога»... Если же мы доживем до эпохи, которая пошлет свои звездолеты на планеты других солнечных систем, то творческий метод «папы Карло», помноженный на генетику, весьма и весьма пригодится нам. Он позволит нескольким ученым создать целый разумный мир. Ради такой миссии можно и не возвращаться на Землю. Да и возвратиться будет невозможно, на это не хватит одной жизни...

Известно, что греческая мифология приписывает богам черты, пристрастия и привычки, свойственные земным людям. Земные люди, по мысли древних греков, происходят непосредственно от богов. Интересно, что у Платона есть записи древних преданий о

происхождении земного человека. Платон и сам понимает их необычайную древность — предания прошли через огромное количество земных катастроф. Понимая это, он говорит: «Нам остается только довериться тем, которые раньше нас говорили об этом, как личностям, видимо, и в самом деле знающим своих предков.

Люди, которые называли себя наследниками богов, так передавали заповедь их творца:

«Вам предстоит начать создание живых существ, подражая при этом действиям, с помощью которых *моя творческая сила дала вам существование*. Вы сами уже заканчивайте создание живых существ и возвращайте их, подавая пищу...»

Платон, наверное, не знал генетики и не понимал до конца, что именно кроется за этим преданием, он просто добросовестно его записал. И это, бесспорно, только усиливает вероятность записанного. Отбросив его толкование, давайте задумаемся в каждое слово этой необычайной заповеди. Разве она не звучит, как призыв человекотворца к продолжению селекционной работы на Земле? Разве не мог эти слова сказать последний фаэтонец, который после гибели своей далекой родины был и сам обречен на гибель?..

Дописано карандашом: Коля! Наверно, это сказал Ечука-отец — твой Беловолосый бог... Он так заботился о судьбе своих землян, что не мог этого не сказать... Кстати, кто она — твоя Лоча? Кажется, я начинаю ревновать... А может, это... Тогда почему же ты молчишь?.. Разве на Фаэтоне легче объясниться в любви, чем на Земле?..

13. Десять оборотов разлуки

Наверное, осмотрительней было бы основать колонию где-нибудь на юге материка в умеренном климате, но Ечука-отец решил, что для селекционной работы больше подходит тропический климат. Несмотря на влажность и духоту, он не подвержен значительным изменениям температуры. А это для Ечуки имело важное значение.

Что и говорить, сначала было трудно. И почти целый земной оборот они потратили на то, чтобы приучить свои организмы к жаре. Упорно закаляя тело, понемногу облучаясь на утреннем солнце, они месяцев через десять уже могли полчаса пробыть на солнце даже без одежды — в одних прозрачных шлемах, дающих возможность дышать. Но и это было опасно: укус земной букашки мог стоить жизни... Ведь на Фаэтоне давно уже вымерли все насекомые, приносившие в свое время немало забот людям.

Вообще же переселенцам пришлось пережить столько опасных приключений, что если бы не их плащи и скафандры, было бы совсем худо...

Коля помогал отцу в его научной работе. Возни было достаточно: он присматривал за малышами, кормил их разведенной в кипятке белковиной, которой обеспечивал их Рагуши. А когда дети стали подрастать, Коля воспитывал и учил их. У него не оставалось ни одной свободной минуты, и, наверное, это помогало ему переносить разлуку с Лочей...

Так прошло около десяти земных оборотов.

Ечука-отец старел, волосы его стали совсем белыми. Он никогда не разлучался с красногрудым какаду — постоянным его собеседником в джунглях

чужой планеты. Отец нашел его еще желторотым птенцом под деревом, и птицу ждала бы неизбежная гибель, если бы Ечука не выкормил ее из собственных рук. Птица словно бы понимала, что обязана этому загадочному существу жизнью, и ни на минуту не покидала своего спасителя. Куда бы ни направлялся старый Ечука, какаду неизменно сидел у него на плече...

Жили они в небольшом домике. Построить его помог Рагуши. Веселый космонавт тоже постарел, и пожалуй, если отнести к нему построже, то вряд ли он теперь годился для самостоятельных перелетов. Но жрецы Атлантиды и Фазтона не любили менять космических контрабандистов. Слишком уж много тайн было известно им. Да и сам Рагуши не мог жить на Фазтоне — Земля стала его второй родиной. Сыновья его выросли. Как и следовало ожидать, они стали рабовладельцами.

Ечука нередко упрекал за это космонавта, ведь сам Рагуши сыграл не последнюю роль в распространении на Земном шаре независимых цивилизаций. Он тайно перевозил с Фазтона на Атлантиду ценное оборудование, без которого фазтонцы-каторжане не смогли бы ни жить, ни вести научные опыты, ни защищаться от преследований вездесущих и всемогущих жрецов-атлантов.

На упреки Ечуки космонавт отвечал:

— А что я могу поделаться? Атланты делятся на богов, рабовладельцев и рабов. Мои сыновья могли быть либо рабовладельцами, либо рабами. Как видишь, выбора нет.

Коля, слушая Рагуши, заметил:

— Они могли бы возглавить рабов. Уничтожив

богов и рабовладельцев, создали бы свободную республику.

— Те-те-те! — смеялся Рагуши. — Может, когда-нибудь... Через тысячи земных оборотов... А сейчас этого не позволят фаэтонские жрецы. Против них земной человек все равно что комар на моем скафандре...

В их трехкомнатном домике была только одна небольшая комната с искусственной атмосферой Фаэтона. Она служила им спальней, и Николай с отцом могли там после ежедневного труда отдыхать от скафандров.

Жилье построили из дерева. Только спальню облицевали сплошь люминесцентной пластмассой, которую тоже привез Рагуши с Фаэтона. В этой герметической комнате находилась небольшая установка для изготовления кислорода.

— Хочешь попробовать напиток атлантов? — спросил Рагуши, обращаясь к отцу. — Он немного отличается от того, который я привозил в прошлом году.

Отец понял, что космонавту хочется выпить, но ему мешал скафандр.

— Нет. Мое дело требует трезвости. А ты, пожалуйста, иди в спальню. Отдохнешь.

Когда Рагуши исчез за дверьми спальни, отец сказал Коле:

— Рагуши меня радует и огорчает. Сердечная доброта живет в нем стихийно. Он одинаково помогает и тем фаэтонцам, которые стали чудовищными диктаторами среди землян, и тем, кто руководствуется идеями Материка Свободы... Всех он считает обиженными, всех ему жаль...

Речь шла о каторжанах, основавших на Земле многочисленные государства. Рагуши относился ко всем им одинаково. Так как все они пострадали от гнева Единого.

Не раз отец рассказывал Коле о своих планах. Для осуществления их мало было одной жизни, значит сыну предстоит продолжить его дело. Отцу удалось вывести несколько сотен земных индивидов, среди которых есть мальчики и девочки. Многих, исходя из конституции их организма, уже можно было считать первыми земными людьми. Но некоторые пока еще находились на промежуточной стадии развития между человеком и обезьяной.

Коля не сразу понял, зачем отцу понадобилось начинать все сначала: ведь земной человек уже существовал!..

Ему тяжело давались тайны генетики.

И отец объяснял сыну:

— Я хочу заложить в своих землян совсем другой генетический код — Земля неоднородна по своим условиям. Тропики требуют других особенностей организма.

По мысли отца, земные люди когда-нибудь сольются в общую расу. Но прежде каждая генетическая группа должна пройти собственную эволюцию. А когда наступит эпоха великого объединения рас, каждая из них поможет процессу формирования человека не только своим опытом, но и собственной кровью.

Это будет эпоха Великого Синтеза...

Генетический синтез рождает такие качества, которых не имели предки: он поднимает живое существо на высшую ступень развития. И наоборот, отсутствие его приводит к вырождению.

Планета должна иметь не просто человека, а Спектр Народов.

Пусть это приведет к соревнованию, взаимоборству между ними. Но без этого прогресс немислим. Только наивные люди думают, что можно сформировать разум без борьбы.

Саморазвитие — это прежде всего борьба!

Отец гордился девятилетним Алочи. Это был уникальный подарок природы, экземпляр, который был избавлен от всего обезьяньего и с рождения уже был человеком. Николай научил его говорить, и теперь сам Алочи учит тому же своих братьев и сестер. Некоторые из них уже разговаривают, хотя язык их пока еще весьма беден.

Лаборатории были расположены в отдельном помещении. Над самой рекой стояли длинные деревянные дома, где выращивались сотни детей от четырех до девяти лет.

Ечука хорошо знал законы наследственности: именно это обеспечило успех его делу. Он добился результатов не на протяжении нескольких поколений — как это было когда-то на Фаэтоне, — а в первом же поколении маленьких землян...

Из спальни вышел космонавт. Он слегка пошатывался, а по щекам его под скафандром текли пьяные слезы. Упав отяжелевшим телом в деревянное кресло, Рагуши сказал:

— Ты думаешь, Ечука, — начал он, всхлипывая, — мне не больно оттого, что я вижу на двух наших планетах?.. Я их люблю одинаково. Понимаешь? Одинаково... А что любить, я тебя спрашиваю? Куда все идет, к чему? Мы передали на Землю свой опыт, свой разум. А знаешь ли ты, великий человеко-

творец, что вместе с разумом ты сеешь будущую гибель для этой планеты? Или не понимаешь ты этого, Ечука?.. Она еще в зародыше — страшная эта гибель. Будто змеиное яйцо. Но змея обязательно когда-нибудь вылупится. И проглотит Землю. Проглотит, Ечука!..

— Рагуши! — печально проговорил отец. — Зачем ты так много пьешь?

— Потому что я вижу беду, которой пока никто не видит. Не тот разум мы передали сюда, не тот, который нужно! Мы не очистили его от страшных пороков. Мы не вынули из него змеинового яйца...

— Тебе надо выпасться, друг...

— Слушай... Слушай, Ечука!.. Я ношу в себе огромную скорбь вселенной... И прячу ее вот здесь — он ударил себя ладонью по широкой груди... — Вот здесь!.. Даже тогда, когда смеюсь. И тогда, когда пью... Фазтон так много прожил, что можно было бы понять, в чем недостаток нашего разума. А разве мы поняли это?.. Мы убийцы, Ечука! Не утешай себя — ты тоже убийца. Тебе кажется, что ты создаешь и выращиваешь разум. А на самом деле ты выращиваешь силу, которая уничтожит все живое на Земле. Ты смотрел вниз, когда мы летели через пустыню? Вот такой когда-нибудь будет вся Земля...

— Разве это сделали земляне? Это сделал твой верховный по велению Бессмертного.

Рагуши откинул назад голову. Скафандр звякнул, ударившись о деревянную спинку кресла.

— Ха-ха-ха!.. А ты думаешь, что они когда-нибудь не создадут себе вот такого Бессмертного? Еще, может быть, на каждой материке возникнет свой... Эти-то «верховные» и «единые» и начнут между собой

борьбу за то, кого считать настоящим единым... Это же и есть то змеиное яйцо, о котором я говорил! Мы его бросили на Землю. Мы, Ечука!.. Сначала нужно было изменить природу собственного разума, а потом распространять его на разные планеты. Рядом с великим в нем живет мелкое, ничтожное. И эта муть иногда побеждает даже разум гения. Гений перестает быть гением в то мгновение, когда пожелает, чтобы другие люди считали его богом. Но, к сожалению, мы этого не замечаем. А если и замечаем, то почему-то очень легко соглашаемся с тем, что он имеет на это право... И склоняем перед ним колени...

— Разве Материк Свободы склонил колени перед Бессмертным?..

— Поэтому я и говорю о нашей незрелости... На одном полюсе — властолюбие, на другом — свободолюбие... Эти два полюса раздирают планету. И все может кончиться страшной катастрофой — они разорвут ее на куски!.. — Рагуши выпрямился, поднялся и шагнул к Ечуке. — А может, так нужно?.. Может, это всемогущая материя сама подбросила нам вот эти два полюса? Может, материя играет в познание самой себя?.. И люди ей нужны, как нам бактерии для брожения?.. Только разум дошел до ее глубочайших тайн, и она кричит: хватит! Начнем, уважаемые, все сначала... И с помощью своей игрушки — того же самого человеческого разума — разрушает, созданное на протяжении миллиардов оборотов. Так точно, как человеческое дитя ломает игрушечные домики, вылепленные из песка. Разрушает, чтобы начать снова, где-то уже в ином месте...

Ечука-отец сдержанно улыбнулся.

— Дружище мой, Рагуши! В твоих соображениях

есть немало справедливого. Но ты мыслишь масштабами одной или двух планет, а вовсе не масштабами вселенной. Разум возник не сегодня и не вчера. Он так же вечен, как и материя. Как пространство, время и лучевая энергия... В бесконечной вселенной бесконечное количество разумных миров. И я уверен, что они общаются между собой. Так же, как общаются звезды, посылая лучи друг другу. Но не каждая планета находит в себе силы присоединиться к этому безграничному разуму. Так же, как не каждое зернышко, брошенное в почву, дает добрые всходы и рождает прекрасные цветы. На тысячу зернышек какая-нибудь сотня может и погибнуть. И может, это будет наш Фаэтон...

— Значит, ты тоже об этом думаешь?! — с тревогой воскликнул Рагуши.

— Об этом нельзя не думать. Об этом думает каждый мыслящий фаэтонец. Это и заставляет ученых Материка Свободы искать в нашей Галактике новые планеты, где можно привить разум... На Фаэтоне сложилось необычайно тяжелое положение. Нависла угроза над самим его существованием. Мы, фаэтонцы, своевременно не поняли, какую смертельную отраву прячет в себе то змеиное яйцо, о котором ты говорил. И если действительно с нашим Фаэтоном случится беда... Если он обречен на гибель... — Ечука-отец закрыл глаза и долго молчал. Лицо его болезненно передернулось. — Тяжело, дружище, об этом говорить! Но разум только тогда разум, если он умеет смотреть правде в глаза... По сути, это вещи одного порядка — Разум и Правда... Так вот... Те планеты, где мы сеем зерна разума, где он когда-нибудь разовьется и преодолеет все преграды...

А я верю в эту победу. Верю, дорогой мой скептик!.. Если бы я в это не верил, я бы отдал предпочтение другим существам, а не человеку... Так вот, этот могучий разум и сумеет понять причины, которые привели наш Фаэтон к гибели. Человечество учится на трагических катастрофах так же, как ребенок на собственных синяках и царапинах. Гибнут народы, гибнут планеты, но не гибнет Материя, Мать разума... И может быть, именно земляне станут тем звеном, которое присоединит к разуму вселенной нашу солнечную систему. А материя, она не играет с нашим разумом. Она лишь сырье для его создания...

— Тогда что же такое вселенная? — растерянно спросил Рагуши. Его глаза уже отрезвели. — Как же ты понимаешь вселенную?..

— Вселенная... Вселенная — это вместилище разума. Разве наш организм со всеми его сложными органами существует не для жизни мозга? Ведь в наших клетках тоже сокрыты целые миры — миры молекул, атомов... Вот так и составные части вселенной... Наш Фаэтон — даже не клетка в жизни вселенной. Даже не атом, а что-то меньшее, значительно меньшее... И если ему суждено погибнуть, все равно можно считать, что он свое совершил. Он бросил зернышко разума на другие планеты. — Отец положил руку на плечо Рагуши. — И ты, мой друг, честно послужил этому делу... Поэтому-то имеешь право считать, что жизнь свою прожил не зря.

— Значит, ты веришь, что земляне иначе устроят свою жизнь?

— Верю! Они должны пойти дальше, чем мы. И тогда они сольют свой разум с разумом вселенной. Но пока этого не произошло, пока цивилизация

живет отдельно, ее нельзя считать зрелой. Еще даже неизвестно, будет ли она жить или погибнет. Разум десятков иных планет поможет ей преодолеть любые катастрофы... Ты представляешь, Рагуши, какой прекрасной станет тогда судьба отдельного человека?..

— Но пока наступит эта пора, люди будут перегрызать друг другу глотки за право называться богами... За власть над другими людьми...

— Это детская болезнь человечества. Переходный период... Зрелому разуму не понадобятся никакие боги!

Как-то после очередного возвращения с Фазтона Рагуши появился у них особенно радостный и возбужденный. Такое настроение у него бывало тогда, когда он мог чем-то обрадовать Ечуку и Колю. Видимо, вся жизнь космонавта была наполнена стремлением приносить радость. Иного смысла он не видел в ней.

Пригласив их в ракету, он, с нарочитым спокойствием обращаясь к Коле, сказал:

— Сейчас ты увидишь Лочу. Она передала тебе нитку от своего шахо...

Коле казалось, что руки космонавта, закладывавшего нитку в свой шахо, двигались чересчур медленно, словно Рагуши и в самом деле решил проверить выдержку Коли. А ему хотелось крикнуть: «Скорей, скорей!»

Но вот на экране, наконец, появилась Лоча. В традиционной одежде космических встреч и разлук...

Казалось, она и в самом деле была соткана из луча — из того самого луча, свободно блуждающего

по вселенной, который, закончив свой полет, сгущается в нагромождение атомов, и они, в свою очередь, медленно обрастая другими атомами, превращаются в планеты, в человеческие сердца, в прекрасное женское тело...

Вся она словно узелок, туго завязанный на луче, и весь ее облик пронизан доброй печалью, порожденной великим женским ожиданием.

Коля заметил, что Лоча стала какой-то другой, и только теперь отчетливо понял, как долго жили они в космической разлуке. По-земному ей было теперь около тридцати оборотов.

Но время ложилось на ее лицо не седым пеплом, омрачающим облик и западающим в морщины, — оно легло все тем же летучим лучом, который только проявил ее женскую красоту. Лишь грусть в ее глазах свидетельствовала о том, как тяжело дается ей ожидание...

Она сделала шаг, как бы торопясь ему навстречу и тихо, словно он был где-то рядом, проговорила:

— Акачи!.. Мой Акачи!.. Не сердись, что я напоминаю о себе. Не сразу я решилась на это. Ты, наверное, знаешь, что Бессмертный запретил передавать земным каторжанам какие-либо сведения об их женах и детях. Если он узнает, что я передаю тебе эту нитку, наш друг погибнет. Но Рагуши заверил меня, что о ней никто не узнает. Нитку помог приготовить Чамино в комнате Лашуре, где мы были когда-то вместе с тобой. Ни один фаэтонский шахо не слышит моих слов, и поэтому я могу говорить обо всем откровенно...

Коля невольно потянулся к ней — в пространство, туда, где она стояла точно живая, но пальцы ощу-

тили всего лишь холодную поверхность экрана. И ему стало больно оттого, что Лоча не заметила его порыва, словно была незрячей.

— Между нами пролегла черная, глухая немота, — глядя на него, говорила Лоча. — Ни ветра, ни звука... Чамино подарил мне ящичек с двумя окулярами. Когда смотришь в них, твоя Земля становится такой большой, что я вижу на ее поверхности синие моря и зеленые материки. От Рагуши я узнала, где именно лежит твой материк. Он зеленеет на полторы ладони выше холодной шапки, белеющей на Южном полюсе. Иногда мне кажется, что я действительно вижу тебя. Ты теперь совсем не похож на того Акачи, которого я знала. Лицо твое потемнело, глаза сузились, и от них до серебристых висков пролегли темные лучики... Иногда я путешествую вместе с тобой. Они так хороши, леса твоей планеты! И оттого, что они никем не тронуты, в них страшно. Мы вместе купаемся в теплых озерах, свободно ходим по дну океанов, собираем подводные травы, живем в океанских пещерах, там даже под водой значительно светлее, чем на поверхности нашего Фазтона... Как мне хочется на Землю! — Лоча, будто опомнившись, легонько встряхнула головой, и глаза ее стали печальными. — Извини!.. Мне так много хочется тебе сказать, но мысли мои путаются, и я понимаю, что говорю все не то... Если бы я могла услышать хоть одно твое слово! Но я знаю, что это невозможно... Я часто слышу упреки: зачем ты называешь себя его женой? Ты же никогда ею не была. Это всего лишь твой каприз, но ради этого каприза ты обрекла себя на вечное одиночество... Что они могут понять?.. У вас там есть птицы, которых мы знаем лишь по изображени-

ям, завезенным на Фэтон космонавтами. Одна такая птица всегда висит перед моими глазами. Я смотрю на нее и спрашиваю себя: согласилась ли бы ты, Лоча, быть вот такой земной птицей, чтобы жить там, где твой Акачи?..

...Однажды Единый появился на моей стене горизонтов и с неожиданной добротой проговорил: «Рабыня божья! Ты пробудила во мне великую жалость. Я дам тебе в мужья своего лучшего советника». А я ответила ему: «Не жалей меня, Всевышний. Сделай меня земной каторжанкой. А не хочешь — сделай земной птицей». Но он поднял угрожающе свой сухой перст, доброта его пропала, а в голосе зазвучал металл: «Те, кого я покарал, не имеют права жить в памяти ненаказанных». Он так и сказал, словно человечество делится только на два лагеря — на тех, кого он покарал, и тех, кто еще не подвергся его каре.

...Какая я теперь счастливая! Мне уже не нужно каждую неделю ходить во Дворец, чтобы расчесывать ненавистную бороду Единого. О-о, ты не знаешь, какая это была пытка!..

Я не сказала тебе, в чем именно состояла моя обязанность. В сплетнях, которые раздавались вокруг, не было и капли правды. Люди не понимали, какое наслаждение Бессмертный получает от расчесывания бороды...

А я должна была молчать. Так как правда не всегда бывает лучше, чем ложь. Какое же отвращение я чувствовала к самой себе.

Часами я расчесывала его бороду. Больше ничего. Он словно бы засыпал. А мой мозг будто пронизывал какой-то луч, мой мозг был в его страшной власти. И в нем возникали картины одна ужасней другой.

Я видела себя и его. Только себя и видела всегда такой, какая я есть на самом деле. А он всякий раз был другой. Но потом, когда ему рассказали, как я прощалась с тобой, он начал принимать твой образ. И тогда мои мысли уже не подчинялись мне.

О прости, мой любимый! Это был обыкновеннейший гипноз. А разве виноват человек, которого принуждают видеть в мыслях то, что он мечтает видеть наяву?

Потом Всевышний сказал:

— Акачи никогда не вернется из ада. Я приму его облик. И возведу тебя на трон божий. Ты станешь бессмертной, как и я.

Я билась головой о его колени. Но Бессмертный жестоко отбросил меня. Ему, наконец, опротивело подделываться под тебя. И он захотел стать самим собой. И захотел, чтобы я любила его таким, каков он есть. Но я скорее умру...

И тогда Чамино забрал меня из Дворца. И теперь я живу у Лашуре. Теперь я счастлива. Я могу думать о тебе. И жить тобой!

Коля слушал, слушал... И смотрел на свою Лочу. Уже не только он, но и Рагуши и Ечука знали наизусть каждое ее слово, каждое ее движение на экране. А Коля требовал, чтобы Рагуши снова и снова закладывал нитку в свой шахо.

На следующий день Ечука-отец сказал Николаю:

— Вот что, сын... Ты должен вернуться на Фазтон. Лашуре — друг моего детства. Если Лоча нашла у него убежище, значит он остался таким, как прежде...

Коля смотрел на отца, слышал его печальный голос и думал о Лоче.

— Ты должен лететь на Фазтон, — повторил Ечука. — С Рагуши я договорился. Конечно, это опасно. Но он прекрасно умеет обманывать жрецов. Кроме того, ему безоговорочно верят.

— А ты останешься один?.. Один на весь материк?

Но отец, видимо, уже все решил. Положив руку на плечо сына, Ечука сказал:

— Нет, Акачи... Теперь я буду не один. У меня есть дети. Вот мы сейчас позовем Алочи...

Алочи, зайдя в комнату, стыдливо переминался с ноги на ногу у дверей, рассматривая свои босые ноги. Это был жилистый, коренастый мальчик с острыми плечами. Кожа светло-шоколадного цвета, волосы черные, руки не в меру длинные, с тонкими подвижными пальцами. Форма головы, нос, губы, овал лица Алочи — все напоминало обыкновенных земных людей, которых Коля видел на Атлантиде. Но ведь на создание первых атлантов ушло полторы тысячи земных оборотов!.. Поэтому он понимал отца, который так гордился своим земным ребенком.

— Ты накормил братьев? — спросил Ечука мальчика.

— Да, отец, — не поднимая головы, ответил Алочи.

— Подойди поближе, сын, — приказал Ечука.

Когда мальчик приблизился, Ечука взял его за подбородок и заглянул в карие с золотистым отливом глаза. Мальчику, видимо, тяжело было выдерживать взгляд отца, хотя взгляд этот был ласковым и спокойным.

— Не нужно склонять головы, Алочи, — сказал отец. — Ни перед кем не склоняй головы.

14. Юпитер жив!

Не раз на протяжении длинных десяти оборотов Николай спрашивал отца о Юпитере. И каждый раз Ечука избегал ответа.

Сегодня был необычный день. Им предстояла долгая разлука. И Коля, ощущая горечь оттого, что у отца есть тайна, которую тот боится доверить ему, решился снова начать этот разговор.

Долго молчал старый Ечука. И наконец, сказал:

— Ты возвращаешься туда, где это знание может привести к гибели.

— Я должен знать то, что знаешь ты, — твердо ответил Коля.

Наступила тишина. Ечука колебался. Он словно бы подбирал единственное слово, способное объяснить его чрезмерную осторожность. И вот Коля услышал:

— Эта тайна убила моего друга. Отца твоей Лочи... — И после паузы сказал тихо, будто боялся, что кто-то сможет услышать их: — Юпитер жив, сын!

Коля удивленно посмотрел на Ечуку-отца. В выражении его лица было что-то молитвенное. Но Коля не мог пока еще постичь значение его слов. Юпитер жив! Что это означает? И почему это тайна? Такие планеты, как Фаэтон или Земля, — зернышки по сравнению с ним. И если там есть жизнь?..

Нет, это невероятно! Там так мало солнца. Конечно, на Фаэтоне его тоже мало. Но кислород...

— Ты же сам сказал, что без кислорода жизнь зародиться не может, — чуть растерянно проговорил Коля.

— Так привыкли у нас думать. Так учат в хра-

мах. Но это неправда! Юпитер — это совесть нашей системы. Самая старая и самая могучая планета...

Последние слова были произнесены, как молитва. Да, это была молитва свободного человека, дух которого признает одного только бога — самое Жизнь.

— Раса беловолосых ничего не знает о звездном небе, — продолжал Ечука. — А люди, живущие в городах, люди «второго этажа» воспитаны в атмосфере обожествления Единого Бессмертного. Когда мозг покрывается роговиной фанатизма, человек ни в чем не способен сомневаться. Скажи такому человеку, что Солнце не имеет никакого значения для жизни, что его действие не превышает действия карманного фонарика — он поверит в это. Для него Солнцем станет тот, от кого зависит его личное благосостояние. такому человеку наплевать на настоящее Солнце, плевать ему и на Галактику, ибо светила не способны награждать его побрякушками, которыми так любят украшать себя люди «второго этажа». И не способны отбирать эти награды. Но стоит только Единому шевельнуть пальцем — и вчерашний советник пойдет месить толстобоких дагу. А через пол-оборота о нем забудут...

Человеческое сознание устроено так, что в вере своей оно опирается на привычную с детства очевидность. И нужно с детства прививать ему сомнение в этой очевидности, нужно ежедневно говорить, что наше видение мира основано только на свойствах видимого света. Что это всего только одна седьмая мира — только одно его измерение! — а шесть измерений остаются за пределами наших ощущений, нашего видения. Только тогда можно достичь какого-либо успеха.

Люди «второго этажа» во время противостояний любуются Юпитером и кольцом Сатурна. На протяжении веков поэты воспевали их красоту. К этим небесным телам фазтонцы привыкли так же, как впоследствии земляне привыкнут к Луне.

Как горько, что мир становится привычным! Именно это рождает косность. Более всего способен к познанию детский мозг. Для него все ново, все необычно. И если бы человек смог сохранить до старости эту способность, человеческий прогресс был бы похож на взрыв...

Я хорошо знал отца Лочи и Чамино — Шако. Мы дружили с детства. И уже тогда в наших полетах над планетой молодой Шако всегда стремился лететь по направлению к Юпитеру.

Если планеты — это дети Солнца, то Юпитер — его старший сын, правая рука Отца. А Сатурн — левая рука...

Работу, которую выполняют эти титаны на солнечной ниве Жизни, даже приблизительно нельзя сравнивать с тем, на что способны планеты внутреннего круга. Юпитер вращается значительно быстрее, чем Земля: одни земные сутки — это двое с половиной суток на Юпитере. Тот, кто хоть немного знаком с законами небесной механики, сразу же должен отметить могучие центробежные силы этой гигантской планеты...

Шако был не только великим инженером, но и великим философом. Знания приходили к нему стихийно, его мозг получал их словно бы непосредственно из глубин вселенной.

Многое из того, о чем я тебе рассказываю, я усвоил от Шако еще в молодости.

Я до сих пор помню один из наших полетов над ледяным Фаэтоном. Небо в тот раз было на редкость прозрачным, пред нами сиял во всей своей могучей красоте Юпитер. Это было великое противостояние. Мы видели полосы и красные пятна на его поверхности, они передвигались неравномерно: одни быстрее, другие медленнее.

— Посмотри, Ечука! — кричал Шако. — Это бурлит его атмосфера. Там есть жизнь...

Тогда это показалось мне чем-то фантастическим. Но впоследствии Шако показал расчеты. Плотность вещества на Юпитере очень низкая. Центробежные силы уравнивают силы сжатия. Поэтому возможности жизни на этой планете заложены в ее быстром вращении.

На планетах внутреннего кольца жизнь основана на фотосинтезе. Они вращаются значительно медленней Юпитера. Центробежные силы их незначительны. Пойми, это главное — возможность жизни практически сводится к возможности отталкивания от планеты. Даже рост дерева — это одна из форм отталкивания. Энергию для этого посылает Солнце. Без его энергии на Земле ничто бы не могло двигаться...

Юпитер вырабатывает эту энергию из самого себя — из собственного вращения. Из центробежных сил. А это значит, что жизнь на Юпитере не требует значительного количества солнечной энергии. Если так, значит в ее основе лежит не фотосинтез, а хемосинтез...

Теперь рассуди, как неправильно мы видим мир. Мы устремляем свою мысль туда, где есть планеты, похожие на Фаэтон или на Землю. И делаем ошибочный вывод: если таких планет поблизости нет,

значит нет цивилизаций, с которыми можно общаться....

Шако удалось установить, что атмосфера Юпитера состоит из метана и аммиака. Потом он выяснил, что это давно уже было известно. Но все, что касалось Юпитера, было запрещено. И ему пришлось повторять открытия своих предшественников...

А потом...

Каждое научное открытие связано с радостью. Но не тогда, когда в государстве господствует мысль одной личности. Бессмертный твердил, что Юпитер мертв. Шако должен был молчать о своем открытии. Он не скрывал его только от меня.

...На Юпитере существуют океаны! Нет, это не лед, как на Фаэтоне. Океаны Юпитера имеют тот же самый вид, что и на Земле. Это трудно представить себе, так как Юпитер, с нашей точки зрения, очень холодная планета. Но его океаны наполнены жидкостью, которая на Фаэтоне не способна быть жидкостью: там она сразу же превратилась бы в газ. Речь идет, конечно, об аммиаке...

Можешь себе представить, какое значение имело это открытие? Из него вытекало, что условия для развития жизни на Юпитере куда богаче, нежели на Фаэтоне. В жидком состоянии аммиак хорошо растворяет разные соли и металлы — лучше, чем, скажем, вода. Но разве не мог в океанах Юпитера зародиться белок на аммиачной основе? Да, белок возникает в процессе обмена веществ. Но ведь условия для такого обмена на Юпитере очень благоприятны...

Вскоре Шако синтезировал белок, способный жить в условиях Юпитера. Это его окончательно убедило: на Юпитере есть жизнь!..

Новый белок был полной противоположностью того белка, из которого состоят наши организмы. Его жизнь начинается там, где наша кончается. Ведь в самом же деле: в земных условиях аммиак возникает из гниения органических клеток. И точно так же метан — болотный газ. А на Юпитере соединения аммиака с метаном — основа всего живого!..

Вот почему представления о какой-то пропасти между материей живой и материей мертвой рождены ограниченностью наших знаний. Мертвой материи нет!

Для тех, кто живет на Юпитере, условия Фазтона должны представляться адом. С их точки зрения на Фазтоне господствует страшная жара. А атмосфера Земли должна казаться им такой же раскаленной, как газовая поверхность Солнца.

О свободном общении с аммиачными организмами не может быть и речи. Аммиак перестает быть жидкостью даже в верхних слоях фазтонской атмосферы. Он закипает, а при кипении гибнет белок, гибнет организм. И все же, если они разумны, связь возможна.

Именно такую связь и удалось установить Шако...

У Чамино есть нитка, на которой записаны кое-какие сведения о Юпитере. Этого не знает даже Лоча. Но пора вам знать об этом!

Они обошли ракету, стоявшую в тени деревьев. Рагуши, видимо, спал — до Фазтона далеко и нужно как следует выспаться.

Это был последний земной день, и Николаю хо-

телось попрощаться с щедрым зеленым миром, который он успел полюбить. Алочи шел рядом, ступая осторожно, почти беззвучно. Коля подумал, что природа одарила этого мальчика прекрасным охотничьим инстинктом. Шлем скафандра был настроен так, что Коля мог слышать все лесные звуки и свободно разговаривать с Алочи.

Мальчик всегда вел себя с Колей значительно смелее, чем с отцом, а сегодня держался и вовсе непринужденно. Да и Коля забыл о том, что Алочи — его ученик. Отныне мальчик может заменить его, он уже не ученик, а младший брат, на которого старший оставляет немощного отца.

Они углубились в лесные чащи. Здесь было сыро, солнечные лучи терялись в густых кронах деревьев, и зеленоватые сумерки окутывали могучие стволы. Где-то поблизости зашелестела трава, треснула сухая ветка, качнулась могучая паутина лиан. Алочи насто-роженно остановился, а Коля достал из кармана небольшой цилиндр — подарок Рагуши, который на языке фаэтонцев назывался «жуго». В этом цилин-дrike таилась такая лучевая сила, что самые большие деревья — в десять человеческих обхватов — падали сраженные ею, словно луговая трава при прикосно-вении острой косы. Однако Коля еще ни разу не поль-зовался этим оружием — на их материке хищников было мало.

И вдруг он увидел между деревьев какую-то гору из темной шерсти. Неуклюже переваливаясь, гора эта двигалась им навстречу, подминая под себя кустар-ники и узорчатые листья папоротников. Это была ог-ромная сумчатая медведица. Она шла к ним, довер-чиво поблескивая круглыми глазами. Вероятно, ей не

приходилось еще видеть таких двуногих существ, и она спокойно рассматривала их.

Колония Ечуки-отца не занималась охотой. Ечука, видимо, хотел предохранить своих воспитанников от преждевременного знакомства с запахом крови. Уже на шестом обороте Коля приучал детей пользоваться бумерангом, однако это были спортивные упражнения. Отец же решил, что охоте и рыбной ловле он начнет учить своих питомцев только на пятнадцатом обороте.

Коля спокойно следил за медведицей и за Алочи. Мальчик нетерпеливо топтался на месте, будто в нем созревало какое-то отчаянное решение. Но вот рука его легла на бумеранг, торчавший за поясом, и он бросил умоляющий взгляд на Колю, словно просил разрешения померяться силами с гигантским зверем. В следующее мгновение, уже забыв обо всем на свете, он молниеносным движением выхватил из-за пояса бумеранг и метнул его в медведицу. Коля не успел остановить его руку. Бумеранг попал прямо в глаз. Зверь дико взревел и двинулся на охотника. Раскрытая пасть с острыми клыками приближалась к мальчику, а он медленно отступал, инстинктивно ощупывая свой пояс. Второго бумеранга у него не было. Коле пришлось нажать кнопку жуго. Отсеченная голова зверя скатилась к ногам Алочи, а гора шерсти, тяжело оседая, загородила собой дупло могучего дерева.

Из груди Алочи вырвался крик безумной радости. Он упал на голову медведицы, налег на нее грудью и начал пить свежую теплую кровь.

Коля молчал. Он думал о том, что в эту минуту впервые на этом материке произошла охота и впер-

вые человек вкусил теплой крови. Его поразили смелость и ловкость Алочи. Мальчик еще не умел взвешивать свои силы, но уже сейчас можно было сказать, что из него вырастет настоящий охотник. Коля давно говорил отцу, что детям не хватает мяса, но отец словно чего-то боялся. Но чего здесь бояться? Человек был и останется беспощадным хищником, кровь и мышцы животных — диких или домашних — были и еще долго будут для него обыкновенной пищей...

Напившись крови, Алочи схватился руками за лиану, быстро взобрался на дерево и крикнул в джунгли:

— Ге-гей, лесные медведи!.. Ваша кровь очень вкусная! Алочи будет пить вашу кровь...

Он был словно пьяный. Прыгал с ветки на ветку, висел вниз головой и пел какую-то непостижимую песню. В джунглях поднялся шум, птицы и звери перекликались тревожными голосами, как бы предчувствуя какую-то опасность. Предчувствие это было не напрасным: родился настоящий хозяин всего живого на материке.

Выйдя из леса, они взобрались на скалу, высившуюся над зеркальной поверхностью широкого озера. Алочи разогнался и прыгнул вниз головой.

Коле хотелось запомнить каждую черточку своего ученика, каждый изгиб его упругого тела, рассекающего прозрачную воду.

Прощай, Земля!.. Прощайте, горы и леса, чистые озера и теплые реки! Будьте благосклонны и щедры к первым зернышкам деятельного разума на земном Материке Свободы...

И может быть, несколько миллиардов оборотов

тому назад вот точно так же смотрел на создание собственного разума аммиачный космонавт с Юпитера. Смотрел на первого фаэтонца — далекого пращура Акачи.

15. Добрый день, Лоча!..

Они стояли скафандр к скафандру, и каждый положил на плечи другому вытянутые руки. Отец смотрел в лицо сыну, сын смотрел на отца. Мужественная, зрелая молодость и мудрая опытная старость молча вглядывались друг в друга, не уверенные в том, что когда-нибудь им придется свидеться вновь.

Рагуши готовил ракету к полету. Алочи привел полторы сотни детей, выстроив их на поляне. Детям хотелось бегать, прыгать, лазить по деревьям. Они не понимали, зачем Алочи заставляет их неподвижно стоять и почему эти двое, которых они называли отцом и учителем, так странно прижимаются друг к другу шлемами, будто затеяли какую-то незнакомую игру.

Отец сказал:

— Пока будет летать Рагуши, будем обмениваться нитками шахо... Хотя бы один раз в несколько оборотов.

— Будем, отец, — ответил Коля, и снова воцарилось молчание.

Красногрудый какаду, круживший над ними, сел отцу на плечо, захлопал крыльями и неожиданно выкрикнул:

— Бу-дем!.. Бу-дем!..

Отец невольно улыбнулся.

Рагуши, попрощавшись с Ечукой, неторопливо пошел к ракете, а Коля подозвал к себе Алочи.

Мальчик понимал значительность этой минуты и был по-мужски суровым и торжественным.

— Прощай, Алочи! Ты будешь хорошим помощником отцу. Правда, Алочи?..

— Я буду его правой рукой, — ответил мальчик.

Николай зашел в ракету. Рагуши, нажав кнопку, закрыл герметические люки, включил гравитационные двигатели. Корабль плавно оторвался от земли, очертил прощальный круг над колонией Ечуки. Коля видел, как полторы сотни маленьких рук поднялись над ершистыми головками.

Только Ечука-отец стоял в глубокой задумчивости. Коля хорошо понимал, о чем он сейчас думал...

Ракета набирала скорость. Когда подлетали к Луне, Рагуши сказал:

— Сейчас я покажу тебе спутник Земли.

Они полетели над мертвой лунной равниной. Равнину сменили горы, скалы были острые, щетинистые, похожие на каменные ножи. Ни на Земле, ни на Фаэтоне нельзя встретить таких скал — там ветер и вода старательно оттачивают их, медленно затупляя острые шпиль и грани.

Контраст между горами и равнинами здесь резок — без волнистых переходов, без плавных линий.

Впоследствии Коля будет благодарен Рагуши за то, что космонавт показал ему ту Луну, которую земное человечество никогда больше не увидит, — на Колиных глазах верный спутник Земли начнет приобретать совсем иной вид. Но это случится потом...

Им неминуемо должен был встретиться и Марс,

так как было время противостояния Фазтона и Марса. Рагуши пообещал Коле показать и эту невеселую планету.

Коля непрестанно думал о встрече с Лочей. Разговорчивый космонавт пробовал было втянуть его в беседу, но Коля отвечал односложно «да» или «нет», и Рагуши оставил его в покое.

Только тогда, когда подлетали к Марсу, Коля немного оживился. Рагуши выполнил обещание — он повел корабль низко-низко над планетой и включил стену больших горизонтов.

На экране забурили оранжевые песчаные бури. Сначала, кроме неистовства песков, ничего нельзя было разглядеть. Потом появилась убогая растительность, которая упрямо боролась с бурей. Ее засыпало песком, а она шевелилась острыми, колючими листьями, стряхивала с себя песок, поднималась над сыпучими холмами, властно подминала их под себя и снова победно покачивала реденькими кронами.

Но вот на стене горизонтов появились удивительные космические корабли. Они ничем не были похожи на корабль Рагуши — скорей их можно было назвать летающими домами, которые не имели стен, а состояли из двух сферических крыш. Прозрачные крыши были подогнаны друг к другу, словно два черепашьих панциря. Громадные сооружения совершенно свободно плавали над планетой.

Заметив их, Рагуши сразу же выключил стену горизонтов, резко развернул ракету и повел ее прочь от Марса.

— Что это значит? — удивленно спросил Коля. — Почему мы от них убегаем? Кто они такие?..

— Мы не от них убегаем, — объяснил Рагуши. —

Мы бежим от самих себя. За общение с гражданами Материка Свободы — немедленная смерть...

— Значит, это люди с Материка Свободы? Что они здесь делают?

— Изучают планету, мой молодой друг... Это их экспедиция. Небольшой летающий городок. Их теперь в космосе очень много. Особенно над Фазтоном. Законы гравитации они используют для строительства космических городов. Эти города вызывают бешеный гнев Утиль-Бога. Несколько раз он угрожал им войной... Как он их ненавидит!.. Больше всего Единый боится, чтобы они когда-нибудь не пришли на Землю... Но они тоже избегают столкновения с нами...

— Если у них есть космические города, то зачем им какая-то планета? — спросил Коля.

— Как зачем? Все жизненные ресурсы — на планете. Космос только пространство для расселения. Без планеты эти города погибнут...

Вот они пролетели мимо одного из спутников Фазтона. Всего их четыре. Но каждый во много раз меньше Луны. И наконец, начали медленно входить в атмосферу. Рагуши приказал Коле надеть скафандр и плащ, дал карманный климатизатор и шахо.

— Возьми, Акачи. Прощаться придется здесь. Вскоре я войду в зону, которая находится под контролем жрецов. — Он достал из кармана крошечную коробочку и тоже подал Коле. — Это твой проводник. Видишь, светится стрелка?.. Лети в том направлении, куда она показывает. Как только стрелка начнет крутиться, немедленно спускайся вниз... Этот прибор изготовил Чамино для Лочи. Она передала его мне... Чтобы я смог найти ее, когда привезу от тебя ответ... Прощай!

Корабль Рагуши поплыл сначала медленно, а потом молниеносно исчез из глаз, и Николай оказался в полном одиночестве. Большие звезды горели ярко, не мигая, и он понял, что атмосфера здесь очень разрежена. Значит, выбросился он из корабля еще в космосе.

Николай полетел туда, куда показывала стрелка прибора. Его радовало уже то, что прибор принадлежал Лоче и она когда-то держала его в своих руках и так же точно искала в беспросветной стуже Фаэтона путь к заветной комнате Лашуре.

Лететь пришлось очень долго. Теперь звезды мерцали и светили не так ярко, как прежде. Коля понял, что он спустился в густые слои атмосферы. Стрелка почему-то стояла неподвижно, и он встревожился: не испортился ли вдруг прибор? Тогда ему пришлось бы лететь на Материк Свободы и искать там убежища. Ни в одном из многочисленных городов государства Бессмертного он не имел права появляться. Это привело бы к гибели Рагуши, Ечуки-отца и всей земной колонии. А отыскать потайной вход с ледяными ступенями, ведущими в уютную комнату Лашуре, где жила теперь Лоча, без прибора невозможно. Он помнил ледяную крышку, но как найдешь ее среди промерзших до самого дна фаэтонских океанов? Пользоваться шахо, чтобы вызвать на помощь Чамино, он тоже не имел права...

Коля думал о Лоче и о Земле. Почему они не дети Земли — теплой, опоясанной шелестящими лесами, озаренной щедрым Солнцем и могучими молниями? Он завидовал Алочи и его смуглым братьям, завидовал тому, что они могут дышать земным воздухом, не прятать своего тела от Солнца и бегать бо-

сиком по росным травам. Какое дело светло-шоколадному Алочи, чья кровь течет в его жилах? Он есть, он существует, он радуется возможности двигаться, прыгать в прозрачные воды земных озер и жить, жить, жить!..

Николай взглянул на огненную стрелку прибора и ужаснулся — она показывала куда-то назад. Он и не заметил, как она крутилась. Потом его успокоила мысль, что прибор действует безупречно, и он направил свой шахо в противоположном направлении.

Лететь стало значительно легче — помогал попутный ветер.

Стрелка завертелась, и Коля, вздрогнув от радости, камнем полетел вниз и вскоре оказался на ледяной поверхности. Но здесь он неосмотрительно раньше времени выключил шахо, и страшный ветер подхватил его и понес по льду. Шахо выскользнул из рук, а Коля катился все дальше и дальше, думая лишь об одном: как бы не потерять драгоценную коробочку, которая приведет его к Лоче!

К счастью, оказалось, что он успел перевести шахо в положение «за мной». И когда он на мгновение зацепился за какой-то примерзший ко льду снеговой нарост, верный шахо повис над его лицом. Теперь стоило только протянуть руку, чтобы снова получить возможность противостоять любым ветрам...

Стрелка отклоняется то вправо, то влево, но почему-то не хочет крутиться. Прибор водит его возле самой крышки — Коля понимает это. Он движется по кругу, все время его сужая. Действительно, пусть попробуют каратели Бессмертного найти комнату Лашуре без прибора. Это все равно, что просеять сквозь пальцы весь фазетонский снег...

Стрелка, слегка всколыхнувшись, сделала оборот и замерла. Не сходя с места, Коля обвел прибор вокруг себя. Только теперь ему удалось отыскать одну-единственную точку, где стрелка непрерывно крутилась. Ощупав лед, Коля нашел крышку, он знал, что крышка соединена с комнатой Лашуре чувствительным звуковым сигналом. Николай несколько раз ударил по ней ногой.

Лашуре спешит вслед за Колей. Ему бы хотелось опередить неожиданного гостя, чтобы хоть немного подготовить Лочу, но Коля бежит по ледяному полу знакомого коридора, не чувствуя ног от счастья. Лашуре не успевает за ним и остается где-то позади...

И вот Коля открывает двери. В комнате, кроме беловолосой хозяйки, которая заметно постарела, никого нет. Поздоровавшись, он нетерпеливо спрашивает:

— Где Лоча?!

Растерявшаяся хозяйка, видимо, не поверившая собственным глазам, топчется у стены. Лицо бледное, бескровное. Ее напугал этот неожиданный вихрь, ворвавшийся в комнату в образе человека. Чуть придя в себя, она улыбнулась.

— Акачи? Неужели это ты? Мы с Лочей только что о тебе говорили.

Осмотрев углы комнаты, Коля еще раз с нетерпением спросил:

— Где же Лоча?..

Хозяйка молча нажала на какую-то кнопку. Стена, оторвавшись от угла комнаты, поплыла влево, и там, где только что был обыкновеннейший угол, образовался свободный проход.

И Коля прыгнул в этот проход. Он едва успел заметить, что стена, которая так легко его пропустила, на самом деле была достаточно толстой — она тотчас же снова встала на свое место, отгородив от него комнату Лашуре.

Мир, в котором очутился Коля, был удивителен. Широкое, хорошо освещенное пространство можно было бы назвать большой площадью, если бы его окружали хоть какие-нибудь стены. Но здесь было небо — именно небо, — светившееся синевой, и оно казалось безграничным. И горизонт казался необычайно далеким. Журчали прозрачные ручьи, шелестели деревья, которые Коля видел лишь на старинных изображениях, дошедших до современных фазтонцев из глубокой древности. Пестрые цветы и фиолетовые травы росли на берегах ручьев, на деревьях покачивались большие фиолетовые плоды, между деревьями из хорошо обработанной почвы поднимались съедобные растения, которые в свое время выкормили не одно поколение фазтонцев, а потом навсегда исчезли.

Коля понимал, что это только огромная оранжевая, что небо над головой — хорошо отполированный потолок сферической формы, что небесная голубизна — старательно продуманное освещение, а ручейки подведены сюда из какой-то глубинной речки, которые и до сих пор встречаются в недрах Фазтона...

Но откуда же взялись здесь эти деревья, фиолетовые травы, съедобные растения? Как можно было создать такое буйство цветов? Ведь все это погибло десятки тысяч оборотов тому назад!..

Коля заметил между деревьев одинокую женскую фигуру. Женщина одета во что-то мешковатое, голо-

ва скрыта под капюшоном, лица не видно. В руках у нее глубокая корзина, из которой она что-то набирает совком и сыплет под съедобные травы.

Кōля неслышно подошел поближе. Фигура женщины была ему незнакома. В корзине обыкновенный навоз дагу...

Он подошел к ней и спросил о Лоче. Услышав его голос, женщина тихо вскрикнула, отвернулась и закрыла руками лицо.

— Чамино, брось свои шутки! — сказала она. — Я знаю, ты можешь загримироваться даже под Бесмертного... Но это... Не нужно, Чамино!

Коля узнал голос Лочи! Как же он не догадался, что это она?

Он подбежал к ней, схватил за руки, стянул с них прозрачные перчатки и припал горячими губами к ее ладоням.

Он заметил мозоли на ее ладонях и сразу же понял, что чудо, которое их окружает, возникло не из сказки — оно создано человеческими руками.

— Акачи!.. — Слово это вырвалось из ее груди, будто приглушенный крик. — Акачи... Дай мне поверить, что это в самом деле ты... Почему же ты не предупредил?

Лоча растеряннo ошупывала себя, глаза виновато осматривали собственную фигуру.

— Я не мог предупредить, Лоча... Я сам не надеялся на то, что меня отпустит отец. Он остался один на весь материк...

— Я первая жена на всем Фазтоне, которая так плохо встретила своего мужа... Извини меня, Акачи... — Покраснев, она быстро сняла с себя рабочую накидку с капюшоном и сразу же превратилась в ту

Лочу, которая жила в его снах. Под рабочей накидкой была голубоватая одежда. — Ты подожди, я быстренько переоденусь... Как велит наш обычай...

Но Коле было не до традиций. Он поднял ее на руки — легкую, сотканную из голубого луча... И понес между деревьев.

...Они жили в комнате, прозрачная стена которой выходила в сад.

Это была комната Лочи, в ней было светло, и уютно, и необычайно тихо.

Дни и ночи слились для них в единый поток времени, так как здесь не было ни дня, ни утра, ни вечера.

Лоча расспрашивала о Земле. Земля казалась ей огромным садом. А Коля говорил, что Земля напоминает ему Лочу...

Иногда они включали стену горизонтов. Бессмертный по-прежнему призывал грешников отказаться от плотских радостей. А они смотрели друг на друга и смеялись. Так смеются деревья, бросая семена во влажную почву. Так смеются травы, подымая стебельками тяжелый камень, чтобы вырваться на свободу.

И если бы вместо этих минут им пообещали столько лет жизни, сколько отпущено Бессмертному, они бы смеялись так же точно... И даже не услышали бы этого обещания... Потому что в них оживали сейчас целые миры, сталкивались галактики, вспыхивали новые звезды. Голоса десятков поколений отзывались в них. И ни один из голосов не звучал осуждающе. Осуждал их только Бессмертный, потому что завидовал им. Его угрожающий перст висел над планетой, и Единый, наверное, и в самом деле верил, что его

перст способен убить все страсти, все желания и слова, оставив людям лишь те, которые нужны для величальных молитв...

Счастливые, они бродили в фиолетовом саду. Лоча показывала плодовые деревья. Листья деревьев были и большими, лапчатыми (под одним листом можно было бы укрыться от дождя, но здесь не бывало дождей) и маленькими, словно фиолетовые перышки пестрых птиц, населяющих земные тропики.

Фиолетовый цвет фаэтонские растения приобрели уже перед своей гибелью. Есть свидетельства о том, что когда-то, в невероятно далекие времена, растительность Фаэтона тоже была зеленой. Но по мере того как Фаэтон все дальше и дальше отходил от Солнца, цвет растительности начал меняться.

— А почему планеты отдаляются от Солнца?.. Почему мы оказались так далеко от него? — спросила Лоча.

Лучше бы она спросила у Чамино, он смог бы объяснить это загадочное явление гораздо легче. Но раз уж Лоча спрашивает у него, Коля должен ответить. И он ответил так, как понимал сам, как объяснял ему отец.

— Солнечная система, Лоча, — это гигантский гравитационный двигатель. А вечных двигателей в природе не существует. Гравитационные возможности небесных тел тоже медленно исчерпываются. Это можно проследить только на протяжении миллиардов оборотов. Невидимые бечевки, которые удерживают наши планеты, словно бы все время растягиваются, делаются все тоньше и тоньше... Грубо говоря, конечно. Только для примера. Понимаешь? Наш Фаэтон очень старый...

Случайно Коля зацепил плечом лист роскошного дерева, под которым они стояли. В зрачках Лочи промелькнул страх.

— Осторожно, Акачи!.. Так можно сломать. — Она взяла его за руку, отвела чуть подальше от дерева.

И он продолжал рассказывать:

— Если мерять время по-земному, то первые животные возникли у нас около семи миллиардов земных оборотов... О-о, тогда света и тепла на Фазтоне было сколько угодно!.. Только намного меньше, чем сейчас на Земле! В таких условиях могли возникнуть и первые человекоподобные существа... А может, нам тоже кто-то привил свой разум. Люди с далекой планеты...

О Юпитере он промолчал, хотя был теперь уверен, что разумная жизнь на Фазтон пришла оттуда. Улыбнулся, приблизив ее руки к своему лицу, и поцеловал тонкие, с перламутровыми ногтями пальцы.

Лоча отняла руки и побежала песчаной тропинкой к бассейну, в зеркальной поверхности которого отражались деревья и «небо», похожее благодаря освещению на голубые небеса молодого Фазтона.

Она так удивительно молода, Лоча, просто девочка!.. Правда, в ней что-то изменилось за время разлуки, но это «что-то» оставалось неуловимым для глаза. Казалось, время — десять земных оборотов! — только завершило свою лепку, и теперь перед Колей предстало творение великого художника — природы в абсолютно законченной форме.

Лоча сняла одежду, поднялась на помост для прыжков, похожий на невысокий постамент. И, понимая, что он сейчас любит ее, позвала:

— Скорей, Акачи!.. Раздевайся!..

И вот они вместе плывут в чистой, словно подсиненной, воде...

И почему-то в это мгновение Николаю вспомнился другой пловец, смелым взмахом рук рассекающий земную воду, и он подумал: когда-нибудь, наверное, и Алочи почувствует такую же радость, плывя рядом со своей любимой...

16. Хозяйство Штаба

Чамино пришел к ним тогда, когда, по его мнению, третий был уже не лишним. На нем была белая одежда, похожая на хитон, которую носят на Фазтоне уже зрелые мужчины. Такую же одежду он принес и Коле.

Лоча же отныне тоже будет носить не полупрозрачную девичью одежду, а более строгую, подобающую замужней женщине.

Чамино повел их по хорошо освещенным лабиринтам.

— Тебя не удивило то, что ты у нас увидел? — улыбаясь, спросил Чамино и, не ожидая ответа, продолжал: — Как видишь, мы можем свободно разговаривать не только в комнате Лашуре. Теперь мы владеем мощной электростанцией. Она за этой дверью.

Чамино открыл металлическую дверь, которую Николай видел, гуляя с Лочей.

Залы почти пустые. Пол вымощен гранитными плитами, стены отделаны пластмассой, похожей на алюминий. В полу квадратные люки.

Электростанцией управлял электронный мозг, помещавшийся в одном из многочисленных залов, а водородные реакторы были заложены в очень глубоких недрах. Там же происходило и расщепление воды. Кислород поступал в жилые помещения, а водород использовался в реакторах. Это сразу улучшило атмосферу недр.

Все, что видел Коля — и широкие лабиринты улиц и площади с фонтанами, — было только могучим техническим сердцем нового государства, созданного тайком от Бессмертного сторонниками Чамина в недрах планеты. Само же государство простиралось довольно далеко, и население его составляло несколько миллионов человек...

За десятками металлических дверей, мимо которых они сейчас проходили, господствовал электрический мозг. Он вырабатывал металл, охранял государство от действия шаха контроля, сигнализировал о малейшей опасности...

— Погоди! — нетерпеливо крикнул Коля, — как же вы смогли создать все это и спрятать целое государство?

— На поверхности планеты это невозможно, — ответил Чамино. — Здесь же нам удастся пока сохранить тайну. Я понимаю, что тайна эта не может быть вечной. Но нам она нужна еще на несколько оборотов. До тех пор, пока мы не подготовимся к великой войне против Бессмертного...

— Странно ты начал готовиться к этой войне, — хмуро заметил Николай. — Один, без народа...

Эти слова, видимо, задели Чамино за живое. Но он не подал виду и объяснил спокойно.

— Не стоит делать поспешных выводов, Акачи.

Ты ведь еще не знаешь, как живет и о чем думает наш народ...

История фазтонских недр знает немало катастроф, когда из расплавленных глубин планеты вырывалась огненная лава и затопляла сотни улиц, площадей и переходов, уничтожая миллионы беловолосых. Последняя такая катастрофа произошла пятьдесят оборотов тому назад. Затопленные лавой недра считались непригодными для жизни, и пункты контроля вычеркивали эти районы из своих карт. Никто их не раскапывал. Если лабиринты, возникшие в большинстве случаев стихийно, так близко подходят к мантии Фаэтона — значит, повторение катастроф неминуемо. Планета сопротивлялась людям, которые старались приспособить ее недра для жизни. Она выбрасывала им навстречу огненную лаву, и, застывая, лава надежно закупоривала все отверстия. Так живая кровь закупоривает проколы в человеческом теле...

Штаб решил организовать подобную «катастрофу». К повстанцам присоединилось еще несколько талантливых инженеров, верных друзей Лашуре. Они сконструировали мощные аппараты с необычайной лучевой силой. От такого луча недра планеты сразу же закипали, превращаясь в растопленную лаву.

В повстанческом районе образовались гигантские пустоты, которые впоследствии использовали для расселения людей, а вся масса расплавленных минералов очутилась в лабиринтах «первого этажа» государства Бессмертного. Жертв не было — для этой операции выбирались безлюдные пещеры.

Но улучшение жизненных условий для нескольких миллионов человек не исчерпывало программы Штаба — это было только начало его деятельности.

Нужно было думать о большой революции. Но революция требует могучей техники. И одного реактора уже стало недостаточно, а построить настоящую электростанцию — такую, какими владеет Бессмертный, — собственными силами повстанцы не могли.

И Лашуре, рискуя жизнью, полетел над ледяным океаном на Материк Свободы за помощью.

Но как воспользоваться помощью, если между Материком Свободы и лабиринтами недр нет ни одного способа сообщения? Ни космос, ни атмосфера, ни поверхность планеты для тайной перевозки грузов не пригодны: жрецы Бессмертного обнаружили бы сразу гравитационные корабли Материка Свободы, и это могло явиться причиной роковой войны.

После продолжительных поисков пути были найдены. Инженеры Материка Свободы сконструировали бестемпературный генератор давления.

После испытаний один из таких генераторов начал прокладывать путь к повстанцам в глубочайших недрах ледяного океана. Создавая громадный туннель, генератор продвигался все дальше и дальше. Глубинный лед расступался, уплотняя стены широкого туннеля. Стены становились такими твердыми, что об них крошилась самая прочная сталь. На сооружение этой дороги ушло всего лишь пол-оборота. Она заложена на глубине шести тысяч футов, однако обнаружить ее практически невозможно. К тому же по всей трассе стоят генераторы экранизации.

И вскоре под ледяным потолком огромного континентального туннеля побежали первые гравитационные эшелоны.

— Теперь ясно, откуда эти богатства? — не пряча гордости, спросил Чамино. — Мы фактически при-

соединились к Материку Свободы. Нам теперь нужно всего несколько оборотов, чтобы подготовиться к войне против Бессмертного.

...Теперь, наконец, представился случай, и Николай мог спросить о Юпитере. Но, к его удивлению, Чамино ответил почти так же, как когда-то Рагуши:

— Не стоит об этом, Акачи...

— Почему не стоит? — переспросил Коля даже с какой-то обидой. — Ведь они, наверное, титаны. Неужели они не способны помочь нам?

Чамино ответил:

— Это совсем другая форма жизни. Кроме того, существует закон вселенной: если разум на планете уже сформировался — он должен завоевать себе свободу самостоятельно. Свобода, которая приходит извне, впоследствии становится новой формой рабства...

На сегодня было достаточно. Коле предстояло все это осмыслить и подумать о собственном участии в подготовке восстания.

В одном из лабиринтов они встретили Лашуре в сопровождении высокого жилистого человека. Увидя Колю, тот приветливо улыбнулся ему. Коле показалось, что он где-то его видел. Напрягая память, припомнил: это был тот самый скотовод, который когда-то при помощи языка жестов предупредил Лашуре об опасности. Встреча была мимолетной, и все же Коле запомнилось его лицо. Оно чем-то напоминало лицо Ечуки-отца.

— Акачи! — сказал Лашуре. — Я хочу тебя познакомить с Эло. Он родной брат твоего отца.

Эло взял Колину руку и долго держал ее в своей.

— Приветствую тебя, Акачи!.. Мы очень любим нашу Лочу. Мы любим твоего отца. У него большое сердце и светлый ум. Мне хочется, чтобы и тебя все беловолосые любили точно так же...

Он пригласил Колю и Лочу в свою небольшую комнату, которую ему недавно помогли вырубить на новой площади. Расспрашивал о Ечуке, о его жизни на горячей планете. Узнав, что Ечука остался один на всем материке, Эло горько сокрушался. Нет, он не осудил Колю. Он знал, как любила его Лоча и как тяжело переносила разлуку. Эло не мог себе представить, что Ечуку окружают десятки земных детей. Он не раз слышал о том, что Бессмертный создал на Земле своих рабов, но когда Коля начал объяснять, что отец тоже создает и выращивает людей — свободных земных людей! — Эло не поверил этому.

Изнуренный нищетой и нечеловеческим трудом, скотовод ненавидел Бессмертного, и все же Единый оставался для него богом. Разве обычный человек способен прожить несколько тысяч оборотов? Эло согласен, что этот бог слишком жесток, что его следует как-то обуздать или вообще уничтожить, если у людей хватит для этого силы и решимости. Фаэтон должен иметь доброго бога. Такой добрый бог уже есть у фаэтонцев. Эло хоть сегодня согласен отдать за него собственную жизнь...

— Кто же такой, этот новоявленный бог? — невесело улыбнувшись, спросил Коля.

— Чамино... — с торжественной таинственностью прошептал Эло.

Коля посмотрел на Лочу. Ее лицо залила краска стыда. Она крикнула:

— Эло! То, что ты сказал, ужасно!

— Так думают почти все скотоводы, — спокойно ответил Эло.

— Если бы Чамино узнал об этом, он был бы очень огорчен, — проговорила Лоча. — Он хочет, чтобы Фаэтон имел единственного бога. Свободу!.. Ты понимаешь меня, Эло?..

Но скотовод в ответ только загадочно улыбался. Его трудно было в чем-либо переубедить.

Вернувшись в сад, который стал теперь их домом, Николай и Лоча долго еще говорили о человеческой природе и о том, как рождаются боги.

А потом он спросил Лочу:

— Чей это сад? Откуда он взялся? И почему мы здесь живем?

— Разве Чамино тебе не объяснил?

И Лоча принялась рассказывать.

На Материке Свободы Чамино и Лашуре видели гигантские парки. Материк тесно застроен — по сути дела, это сплошной город. И в центре каждого квартала обязательно есть большой парк. Там играют дети, прогуливаются взрослые, молодежь занимается спортом, старики отдыхают среди цветов и деревьев.

Возрождение фаэтонской растительности началось с маленьких оранжерей. У некоторых фаэтонских жрецов и советников есть небольшие домашние оранжереи, но растительность даже там вырождается, становится мелкой, немощной... И только ботаники Материка Свободы смогли вернуть фаэтонской растительности ее изначальные свойства.

— Вот откуда попали к нам саженцы, — закончила Лоча. — Присматривать за ними Штаб поручил мне. Если же мне нужна помощь — стоит только сказать, и весь штаб выходит на работу... После победы

у нас тоже будут такие парки. Как на Материке Свободы. И парки, и города...

— А пока что этим садом любитесь только Штаб... Да еще мы с тобой... — едко заметил Коля. — Не слишком ли много чести?..

Лоча промолчала, потом, словно решившись на что-то, спросила:

— Разве уже пора?..

— Что пора?..

— Открывать оранжерею для всех... Чамино тоже настаивает... Но я просила его чуть-чуть повременить... — Лоча покраснела, как всегда, когда ее что-либо тревожило. — Мне страшно... Даже когда ты стоишь под деревом, я боюсь, что ты вдруг зацепишь какой-нибудь листок... А когда сюда придут сотни людей! Люди ведь никогда не видели ни одного растения. Они будут трогать их... А это очень вредно...

Коля обнял Лочу, положил ее маленькие мозолистые ладони себе на грудь. А она умоляюще шептала:

— Еще рано, Акачи!.. Рано, пусть они хоть немножко окрепнут... Они такие нежные.

— Милая моя! Тебе будет страшно и завтра и через оборот. Но ты ведь делала это не для себя, Лоча. Ведь правда же?.. Впускай посетителей сначала понемногу. И показывай все сама. Ведь ты о каждом деревце способна сложить песню — так ты знаешь и любишь их. Вот и пой эту песню людям... Когда-то деревья эти были самыми большими друзьями человека. Возможно, и человек не смог бы появиться без них. Теперь они вымерли, а люди живы. И ты возвратишь им друзей. Тех друзей, которых

видели только их далекие предки. Тысячи оборотов тому назад...

Припав щекой к его груди, Лоча молчала. Она думала. А потом тихо сказала:

— Ты говоришь правду, Акачи! Если послушать меня, то и через оборот будет еще рано.

17. Снова оборот разлуки

Посреди зала за большим столом сидят люди в белых хитонах. Никто не председательствует — здесь все равны.

Чамино сидит рядом с Лашуре. Все знают, что это Чамино создал Штаб, но он старается держаться так, чтобы об этом как можно скорей забыли.

Перед столом стоит Коля, и взгляды членов Штаба обращены к нему.

— Акачи, объясни, пожалуйста, свой план, — говорит пожилой мужчина с уставшим лицом. Он вместе с Лашуре руководил строительством мощной электростанции. Сейчас он заложил другую — еще более мощную...

Коля волнуется. Если бы он стоял сейчас перед Бессмертным — он, наверное, так бы не волновался. Власть Бессмертного, как и власть каждого диктатора, порождается страхом и ослепляет. Однако стоит только понять, что под черепной коробкой правителя содержится не больше ума, чем у обыкновенного человека, как сразу же он превращается в раздутое собственным самолюбием чучело. Он может тебя покарать, даже уничтожить, но власть его уже утратила в твоей душе какую-либо силу...

Но есть другая власть, которая не ослабнет никогда, пока живы люди на свете. Перед этой властью ты всегда будешь робко стоять, охваченный трепетным уважением. Это власть творческой мысли, власть деятельного человеколюбивого разума. И если ты почувствовал эту власть над собой, никто не убедит тебя в том, что ты не должен испытывать перед ней глубочайшего уважения. Возможно, настанет такое время, когда ты сможешь противопоставить ей собственную мысль и собственный разум. И если в честном поединке мыслей ты добудешь победу, другие должны будут признать силу твоей мысли. Но не кичись тогда этой властью, не гордись ею, а слушай — слушай и думай!.. И если в следующий раз ты ощутишь, что мысль твоя уже не способна на почетный поединок, ибо родилась другая, значительно более сильная, не чини ей препятствий, сумей поступиться собственным самолюбием, иначе никто и никогда не захочет тебя слушать.

Перед такой властью именно в эту минуту и стоял Коля.

— А не слишком ли рискован этот шаг? — спросил его пожилой член Штаба.

Преодолев волнение, сдержанно и достойно начал Коля излагать все, что старательно продумывал в течение последних суток. Их маленькое государство оправдывает свое существование лишь тогда, когда будет жить не отдельно от «первого этажа», населенного сотнями миллионов беловолосых, а уже сегодня начнет среди них активную работу. Коля рассказал о своем разговоре с Эло. Скотоводы все еще считают Бессмертного богом. Их сознание затуманено предрассудками, сложившимися в течение тысячи оборо-

тов. Стремясь вырваться из-под гнета Бессмертного, они ищут для себя другого, доброго бога. Значит, рано или поздно люди попадут в новое рабство. И не заметят сами, как это случится...

Долго продолжались споры. Почти все согласились с предложением Коли. Но малейшая неосторожность человека, которого пошлют по ту сторону тайных баррикад — в «первый этаж», может стать роковой. Контрольным пунктам Бессмертного станет ясно, что никакого извержения не было, что его инсценировали повстанцы. Тогда гибель их пока беззащитного государства неминуема. Революция умрет, не родившись. Да, членам Штаба было о чем подумать и поспорить...

Лашуре предложил такой план. По ту сторону остался младший брат Эло — механик завода искусственного белка Гашо. Он живет далеко: чтобы попасть к нему, нужно пройти много лабиринтов и переходов. Эло хорошо знает дорогу, он не раз ходил туда. У Гашо есть четверо взрослых сыновей, они так же, как и отец, смертельно ненавидят Бессмертного и вовсе не считают его богом. Видимо, этому способствовали встречи Гашо с Ечукой, хотя с тех пор прошло много времени. Коля взошел тогда еще только на четвертую ступень разума. Он помнит, правда смутно, беловолосого красавца — высокого, кряжистого, веселого шутника, всегда неожиданно появлявшегося в их доме и столь же неожиданно исчезающего.

Лашуре верит в то, что Эло скорей погибнет, чем выдаст врагам их тайну. А Чамино верит в способность Акачи убеждать людей. Вот пусть Эло и поведет своего племянника к Гашо, и там, на месте,

пусть уже Акачи сам решит, как ему действовать. Но ни один человек с той стороны — даже Гашо — не должен знать о существовании государства повстанцев.

Внимательно изучив карту лабиринтов, Штаб поручил Лашуре при помощи бестемпературного генератора давления создать тайный выход на поверхность по ту сторону баррикад.

Это была двойная конспирация: если бы даже карателям и посчастливилось отыскать выход из их лабиринтов, это все равно ничего бы не дало.

И сразу же началась деятельная подготовка к этой операции. О решении Штаба Коля не имел права сообщить даже Лоче.

Он стоит у прозрачной стены в комнате Лочи и смотрит в фиолетовый сад, по которому Лоча водит своих беловолосых посетителей.

Третий день она принимает гостей. Теперь она убеждена, что все опасения были напрасными. Посетители преисполнены благоговения.

В сад вошла новая группа. Это пожилые скотоводы. Есть среди них юноши и девушки.

Как изменился вид этих людей! Николай хорошо помнит первое знакомство с беловолосыми. Грубые рубашки, похожие на мешки с прорезанными дырами, куда можно всунуть головы и руки, были единственной их одеждой.

Так одевались и женщины, и мужчины, и девушки. Тогда ему показалось, что уже сложился определенный тип человека и возродить расу смогут только новые поколения, но для этого они должны

многие десятки оборотов жить в других условиях...

Теперь он убедился, что возрождение наступает очень быстро. Сотни, даже тысячи оборотов полуживотного существования не могли убить в людях того, что они когда-то унаследовали от своих сильных, вольнолюбивых предков. И как стебелек цветка, придавленный камнем, выпрямляется и наливается новыми соками после того, как камень отброшен, так и эти люди выпрямились, освободившись от гнета. Именно поэтому они с таким интересом рассматривали воскресшие цветы и деревья. И каждый из них, видимо, думал о том, как схожа его судьба с судьбой вот этих трав, деревьев и цветов.

Перед Колей прошла группа девушек. Они были одеты так же, как одеваются на «втором этаже», только цвет одежды был не голубым, а белым.

Детей Лоча принимала отдельно, но, несмотря на это, они старались пробраться с каждой группой. Сначала Лоча очень боялась за них, потом поняла, что их привлекало больше всего. Походив вместе со взрослыми, они сразу же шлепали босыми ногами к бассейну, прыгали в синеватую воду, и уже не было никакой силы, способной вытащить их оттуда. Над бассейном стоял радостный визг, высоко взлетали брызги воды, а взрослые, поглядывая в ту сторону, обменивались добрыми улыбками.

Выглядывая из своей засады, Коля следил за реакцией людей, впервые в жизни увидевших, какой красивой была когда-то их планета. Возможно, именно эта красота и начала тогда формировать человеческую душу, побуждала людей воспроизводить на скалах то, что замечали их глаза и запоминал мозг.

Глаза беловолосых увлеченно светились. Сейчас среди них рождались поэты и художники — будущая гордость обновленного Фаэтона.

Коля прислушивался к объяснениям Лочи. Настроение людей передалось и ей, и Лоча, наверное, впервые понимала величие происходящего в эту минуту.

— В далекую доледниковую эпоху это дерево называлось гужа, — рассказывала Лоча. — Оно росло на экваторе, где выпадало много дождей и весь оборот ровно, с одинаковой силой, грело солнце. Под листьями гужа люди укрывались от дождя, его плодами утоляли голод. В ветвях деревьев пели птицы, и люди старались перенимать их песни... А это вот растение создано человеком из многих растений, которые давно уже погибли. Когда-то его выращивали на широких полянах, хорошо обработав почву. Потом высушивали, складывали в деревянные помещения и изготавливали разные блюда. Придет время, и мы вырастим много таких растений, тогда каждый сможет убедиться, как вкусны они и как быстро восстанавливают утраченные силы...

— Почему же Бессмертный не хочет выращивать их для людей? — спросил пожилой сгорбленный скотовод. — Если бы он захотел, планета согрелась бы от их дыхания и все люди смогли бы выйти на поверхность, чтобы жить в таких вот садах... Почему он не хочет этого?

Коля заметил, как Лоча сначала растерялась, как встрепенулись ее длинные ресницы, как в волнении начала приглаживать волосы. Но потом она собралась и ровным спокойным голосом заговорила

о Бессмертном. И слова ее оставались в сознании людей.

Не было в государстве Бессмертного ни одного храма, который смог бы сравниться красотой с храмом природы, созданном усилиями Лочи. И не было у Бессмертного ни одного проповедника, который своей убежденностью, силой мысли, вдохновением сумел бы соревноваться с Лочей...

«Лоча! Милый узелок на светлом луче!.. Как я скажу тебе, что мы снова должны расстаться!..»

Лоча не заплакала. Ее белая фигура в немом трепете припала к нему, горячее дыхание обожгло его щеки. И впервые в руках ее красным лучом вспыхнул сорванный цветок. Она долго колебалась, прежде чем сорвать его. Но рука не послушалась, и Лоча сорвала самый лучший цветок в своем саду.

Красный цветок она приколола к грубой одежде, которая мешковато висела на Коле. Теперь он был одет точно так же, как скотоводы и механики по ту сторону тайных баррикад. За его спиной висел плащ. Он спрячет плащ в узенькой пещере, вырубленной Лашуре, а сам затеряется среди людей, которых ему предстояло подготовить к великим боям. Он уходит не на день, не на два, а по крайней мере на целый оборот.

Штаб разрешил сказать Лоче, куда он направляется и ради какой цели.

В ледяном коридоре Лоча еще кое-как держалась. Но когда поднялись по лестнице на площадку, вырубленную под самой крышкой, плечи ее вздрогнули.

Притронувшись губами к ее щекам, он ощутил солоноватый привкус — привкус разлуки — и подумал: «Это хорошо, что жены умеют плакать». Соленый привкус останется на его губах и всегда будет напоминать ему о Лоче.

— Прощай, Лоча!.. Я вернусь. Мне ничто не угрожает. Там есть люди, а среди людей не страшно...

И вот Николай и Эло поднялись над планетой. Юпитер посылал навстречу свои холодные лучи, шаховели куда-то на север, а ветер бросал в лица острые ледяные осколки. Наконец огненная стрелка на маленьком приборе завертелась, и они полетели вниз. Ветер и здесь мешал им разгребать снеговые сугробы, но они понимали, что он их союзник, ибо как только они спустятся в узенькую пещеру, ветер заметет следы и спрячет под снегом толстую каменную крышку от вражеских глаз.

Крышка оказалась неожиданно легкой, хотя толщиной была не менее человеческого роста. Пока Эло спускался в темное отверстие, Коля изо всех сил держал крышку, чтобы бешеный ветер не вырвал ее из рук и не покатыл по льду. Он закрыл за собой крышку, и она плотно примкнула к каменным стенам.

Освещая дорогу фонариками, они начали спускаться вниз.

В карманах посланцев лежали жуго — могучее оружие фаэтонцев. Им пользовались только служители храмов. Даже беловолосым карателям его не доверяли: боялись, чтобы оно не попало в опасные руки.

Шли долго, пока не натолкнулись на круглую, похожую на пробку крышку. Плащи и шаховспрятали в надежное место. Включили другой прибор, единст-

венный, который был не подвластен волнам экранизации, направленным сейчас из государства повстанцев на шахо контрольных пунктов Бессмертного для того, чтобы парализовать их действие. Этот прибор они взяли для связи со Штабом повстанцев.

И вот они попали в темные владения Бессмертного. На ощупь двинулись в тяжелую без конца и без края дорогу. Впереди шел Эло, который безошибочно ориентировался в темноте.

Николай все время спотыкался обо что-то хрустевшее у него под ногами, словно чьи-то кости. Эло сказал, что это и в самом деле кости беловолосых, которые пролежали здесь сотни оборотов. Здесь было громадное кладбище жителей «первого этажа», и его избегали даже вездесущие каратели. Именно потому Лашуре и выбрал этот страшный лабиринт для выхода из тайной пещеры.

Коле стало жутко. Когда кладбище кончилось, на их пути стали попадаться заселенные пещеры. Где-то в полной темноте плакали дети, слышались то печальная колыбельная, то предсмертный стон.

Впереди блеснул первый луч света. Но Эло не пошел туда — там были заводы и фермы, и можно легко наткнуться на карателей...

Они еще долго шли в темноте, прежде чем разыскали завод, на котором работал брат Эло — Гашо.

Наступила новая, незнакомая жизнь. Коля спал рядом со своими двоюродными братьями на каменном помосте. Ел белковину, растворенную в кипятке. Похудел, побледнел, но это не огорчало его. Теперь он стал похож на тех людей, среди которых жил.

От отца он унаследовал белые волосы и ничем не отличался от своих братьев.

С дядей Гашо и его сыновьями Коля подружился сразу же. Правда, вначале они избегали каких-либо бесед на запретные темы, но вскоре Коля убедил их, что теперь есть дни и часы, когда можно разговаривать совершенно свободно. Они поверили в это не сразу. Только постепенно, наблюдая за тем, как в безопасные часы держался Коля, они и сами начали обмениваться мыслями, которые прежде им приходилось прятать в глубочайшие уголки души...

Среди беловолосых был очень развит язык жестов. Николай быстро овладел им и мог теперь хотя бы коротко переговариваться со своими братьями тогда, когда генераторы экранизации не действовали.

Гашо и его сыновья полюбили Колю. Они готовы были без конца слушать его рассказы о сказочной Земле, Ечуке-отце, об Атлантиде. Гашо восхищала идея старшего брата создать на Земле независимый Материк Свободы...

Коля приобрел пять надежных помощников! Все они были люди чистосердечные, добрые, и каждый из них имел много друзей.

То, в чем Коля был убежден и раньше, теперь получило новое подтверждение. Нет обществ, где все люди были бы трусами, но есть общества, граждане которых боятся высказать вслух то, о чем думают тайно. Многие из них готовы в любую минуту отдать жизнь за правду, а все вместе они терпят унижения и муки и молчат покорно и тупо...

В таких условиях диктатором может стать даже толстобокий дагу, если жрецы провозгласят его богом. Ему будут приносить в жертву детей и мате-

рей, перед ним будут склоняться головы всего народа.

Теперь Коля понял, что основа могущества Единого — шахо контроля. Они могли быть и исключенными (вполне возможно, что их теперь часто выключают), но в каждом человеке поселился страх перед контролем, он преследует только что родившуюся смелую мысль, бросается на нее отчаянней целого отряда карателей и сокрушает ее, как прожорливый короед сердцевину дерева. И мысль тотчас же умирает, человек глядит в лицо другому человеку пустыми глазами и, если замечает, что в чьих-то глазах блеснула мысль, только что родившаяся в нем самом, испуганно отводит взгляд и спешит в свою тесную конуру, чтобы там в тяжелом сне найти спасение от необходимости мыслить.

Изолированный разум медленно угасает, превращаясь в печальное кладбище старых мыслей, ставших в конце концов мертвыми догмами.

И если в обществе господствует мысль одной личности, а все другие хаотично блуждают в неизвестном, разъединенные и забытые, — горе такому обществу!

Государство Бессмертного было именно таким обществом. Каждый человек как бы носил под собственной черепной коробкой шахо контроля, и не было никаких генераторов, способных нейтрализовать действие этих дьявольских шахо. Тут нужно было живое вмешательство живых людей...

И все же Коле повезло: он попал в среду, уже подготовленную к самостоятельному мышлению. Вскоре он убедился, что авторитет Гашо среди людей, живущих на площади у завода, а также среди

тех, кто жил в темных пещерах, был почти непрерываем. Коля понял, что Гашо делал кое-что и раньше. Языком жестов он на протяжении многих оборотов старался объяснить людям, что на них и на их детях лежит гнетом вековая ложь.

И вскоре Коля увидел, что происходит с людьми, которые долго молчали. Им словно хотелось выговориться и за себя, и за своих дедов, и прадедов, ушедших из жизни. В людях просыпалась, заложенная природой, необходимость свободно выносить свои размышления на общий суд и так же свободно впитывать в себя мысли других.

Генераторы экранизации волн, как и было обусловлено в Штабе, включались один раз в трое суток и действовали не менее двух часов. Под влиянием Гашо и его друзей люди поверили в то, что в эти часы можно разговаривать вполне свободно. Из каменных конур и темных пещер они выходили на площадь, собирались небольшими группами, и говорили, говорили... Пока что это были разговоры, в которых они словно бы прошупывали друг друга, как бы заново знакомясь. Коля понимал, что нужно время, прежде чем исчезнет взаимное недоверие, а главное — недоверие к самой возможности думать и делиться своими мыслями.

Каждый раз в такие часы на всех переходах, ведущих к площади, ставилась охрана, которой вменялось в обязанность извещать о приближении карателей. Как только раздавался сигнал об опасности, люди сразу же расходились, каратели в черных плащах обследовали площадь, заглядывая в конуры и темные пещеры. Не заметив ничего недозволенного, они исчезали, а в людях вырастала вера: значит,

правда, что шахо контроля в определенные часы утрачивает свою власть...

Так продолжалось довольно долго. В этот период Коля никак себя не проявлял — он только ходил и слушал. А люди тем временем привыкали к этим определенным часам. Они называли их «часами свободы». Они уже сами хорошо знали, когда начинаются и когда кончаются эти часы, и дружно сходились на площадь. Теперь они уже не могли представить себе свою жизнь без таких общений друг с другом. Это было невозможно так же, как жить без воды, пищи и воздуха...

И вот тогда Коля сделал следующий шаг — из самых верных друзей Гашо он создал комитет, который назвали Братством Свободных Сердец. Председателем его избрали Гашо. Настало время, когда Коля смог изложить Братству свою программу. Он назвал ее своей только потому, что не имел права рассказывать о государстве повстанцев.

Члены Братства сначала отнеслись к его программе с недоверием. Шесть тысяч оборотов господствует Бессмертный, и ни одна живая душа за это время не осмелилась поднять голос против него.

Две тысячи оборотов тому назад попробовал встать против Бессмертного его Сын. Но не успел даже закончить своей вольнолюбивой проповеди, хотя был таким же бессмертным — кровь от крови, плоть от плоти Бога-Отца! Какое же имеют право смертные люди надеяться на свержение Единого Бессмертного?..

Тогда поднялся высокий, скуластый Гашо. Он был выше на целую голову любого из присутствующих здесь. Его умные, с искринкой, чуть прищурен-

ные глаза внимательно оглядывали членов Братства, словно пытались понять, чего боятся эти люди — смерти за великое дело или вечных предрассудков? Он хорошо знал, что никто из них не боится смерти. Но предрассудки иногда бывают страшнее самой смерти.

Гашо сказал:

— Братья! Все вы видели, как валятся каменные пещеры, простоявшие тысячи оборотов. Наступает такое время, когда им приходит конец. Ребенок заденет пальцем один камешек — и то, что казалось вечным, нерушимым, рассыпается... А наш народ не ребенок!.. В народе сотни миллионов мозолистых пальцев. Только все они разобщены и каждый существует отдельно. Они не привыкли собираться в единый кулак. Если же мы все соберем их вместе, то будет такой могучий кулак, против которого не устоят ни каратели, ни жрецы, ни сам Бессмертный!..

Два часа советовались члены Братства. И потом еще много раз по два часа. И постепенно воскресала вера в собственные силы, рождалась уверенность, что Бессмертный может стать смертным, если этого захотят освобожденные люди.

Когда прошло пол-оборота, Николай убедился, что их Братство уже заметная сила.

Скотоводы, как и прежде, месили утомленными кулаками толстобоких дагу, их дети вылавливали в канавах загустевшую белковину, механики заводов искусственного белка в своих зубастых машинах перемалывали недра планеты, изготавливая из минералов еду для животных и людей. Там, где долго работали эти машины, образовывались широкие площади, и на них создавали новые фермы, а стены площадей сразу

же заселялись: в них возникали каменные конурки в несколько этажей...

Да, внешне все было спокойно. Но это напоминало спокойствие большой реки, поверхность которой скована толстым льдом. Жрецы и каратели ходили по этому льду, им казалось, что он вечен и нерушим. На самом же деле подо льдом бурлила жизнь, рождались мощные источники, пополняя могучее течение водой, которая завтра подымет лед, оторвет его от берегов, разрушит и понесет в небытие...

Однажды Колю пригласили на митинг, который должен был состояться на соседней площади. Люди стояли плечом к плечу и слушали его речь. Ему видны были только их головы и глаза, в которых время от времени он замечал вспыхивающие огоньки. Окончились часы свободы, и толпа начала редеть. Коля тоже направился к переходу, ведущему к его дому. Переход был темным, на каменном полу шевелились человеческие тела, и продвигаться вперед приходилось на ощупь.

Вдруг чьи-то железные руки схватили его за шею, сдавили горло, а в рот затолкали какую-то грязную тряпку. Он не смог ни крикнуть, ни шевельнуться. В глаза ударил яркий свет. Сильные руки оторвали его от пола, подняли в воздух и понесли под самым потолком широкой улицы, вымощенной большими каменными плитами. Чуть придя в себя, он увидел рядом с собой двух здоровенных карателей, которые, держа его за обе руки, летели на своих черных плащах. Внизу под ними ходили хорошо одетые люди. Они равнодушно посматривали на каменное небо, висевшее над улицей, а увидя карателей, держащих узника, о чем-то переговаривались. На улице расположились

многокомнатные дома. Там жили семьи карателей и других прислужников Храма.

Но вот конвоиры, крепко держа Колю, опустились на каменные плиты и завели его в большое помещение, где сидел беловолосый человек с тупым, самоуверенным лицом. Каратели рассказали о митинге.

Человек, к которому обращались каратели, пренебрежительно посмотрел на них.

— Вы мне долбите о каких-то сборищах еретиков, я докладываю об этом Храму, а жрецы называют меня болваном. Их шахо показывают, что все спокойно.

— Мы сами слышали, — сказал один из карателей. — Он говорил страшные, богохульные слова.

Начальник доложил контрольному пункту о беловолосом, и Коля понял, что сейчас шахо контроля направят на его мозг.

Он давно уже приучил себя думать о революции только в те часы, когда действовали генераторы экранизации волн. В остальное же время он старался думать о том, как вкусна белковина, не разведенная в кипятке, а в виде коржиков, или о том, что у карателей очень красивые плащи, мечтал о том, какими будут недра Фазтона через шесть тысяч оборотов... Это умение загонять мысль в глубочайшие уголки мозга пришло не сразу — оно далось ценой упорной тренировки. Поэтому он не боялся, что шахо контроля выловит из его мозга какие-нибудь сведения о подготовке к восстанию. Но он заметил, что не может не думать о металлическом цилиндрике, лежащем в его кармане. Невольно он опустил туда правую руку, крепко сжал жуго, словно заклиная его не напоминать о себе.

Вспыхнула стена горизонтов, и на ней появился

жрец, подражающий Единому. Так же как и Бесмертный, он поднял вверх угрожающий перст и крикнул:

— Он думает о собственном кармане! Что там у него?..

Начальник тряхнул головой, взглянул на карателей, и они тотчас же бросились к Николаю. Но, опередив их, он достал из кармана цилиндрик и направил его на карателей. Им, конечно же, хорошо была известна убийственная сила этого оружия. И они подались назад, оттолкнув своего начальника, который тоже заметался из угла в угол, оглядывая комнату обезумевшими глазами.

Коля приказал карателям снять свои плащи и положить их к его ногам. Приказ был тотчас выполнен. А жрец на стене горизонтов все еще моргал старческими веками, ожидая ответа. Ответ задерживался, и он хмуро спросил:

— Что там у вас происходит? Я принимаю из ваших голов волны животного ужаса: запомните, трусы не имеют права быть слугами Единого. Они способны только месить толстобоких дагу...

Николай поднял жуго, нажал кнопку и полоснул невидимым лучом по стене горизонтов. Обломки разрезанного на куски экрана посыпались на пол, а каратели, забившись в угол, стучали от страха зубами.

Один черный плащ Коля надел на себя, другой заботливо сложил и зажал под мышкой.

— Идите месить дагу, — презрительно улыбаясь, сказал он карателям. — Это гораздо полезней.

Затем он вышел на улицу, взлетел под потолок и поплыл над головами прохожих. Подлетая к своей площадке, он заметил, что за ним гонится целая стая

карателей. Они напоминали черных земных птиц, которые, выискивая жертву, ждут ее смерти, а потом бросаются на нее. Точно так же, как эти птицы, каратели летели на значительном расстоянии, боясь приблизиться к Коле.

Коля свернул не на свою, а на соседнюю площадь. Встретив знакомого скотовода, он на языке жестов попросил передать Гашо, что будет ждать его возле кладбища. Ошеломленный скотовод бессмысленно осматривал Колю, не понимая, откуда у него взялись черные плащи. Коротко объяснив, в чем дело, он снова вылетел на улицу прямо навстречу карателям.

Страшно убивать людей, но у Николая не было иного выхода. Пришлось нажать на кнопку жуго. Пятеро карателей, летевших впереди, перерезанные надвое, мертво поплыли под каменным потолком на остатках своих плащей. Те, что летели позади, немедленно ринулись вниз и разбежались кто куда...

А Николай тем временем исчез в темных пещерах, ведущих к кладбищу. Он уже не прятался и смело включил фонарик, который хорошо освещал дорогу, хотя величиной был не более пуговицы.

Однако фонарик вскоре пришлось спрятать. Он слишком беспокоил жителей темных пещер — вскрикивали дети, закрывая глаза ладонями, пугались женщины. А мужчины ощупывали пальцами пол, ища острый камень. Сжав его в руках, они провожали черную Колину фигуру такими взглядами, что он подумал: вот-вот какой-нибудь камень полетит ему в голову. Понимая, что ненависть эта вызвана его плащом, он снял его.

У входа на кладбище Коля сел на камень и стал ждать Гашо...

Уже целый оборот миновал с тех пор, как он расстался с Лочей. Время от времени с позволения Штаба он переговаривался с нею при помощи небольшого шахо — единственного шахо, на который не влияли волны экранизации. Он знал, что каждый день Лоча заполнен работой. Она ухаживала за растениями, сажала новые, выращивала саженцы. Тысячи людей были ее желанными гостями, и каждому из них она рассказывала о своих деревьях и цветах, о фиолетовых травах, растущих на берегах ручьев. И все же работа не могла целиком заполнить ее беспокойную душу.

Он нащупал небольшой карманчик, подшитый изнутри. В нем он берег засушенный цветок, подаренный на прощание Лочей...

Вот он видит, как оживает цветок, красный, словно кровь на ярком солнце. Лепестки, с тоненькими прожилками, которые, кажется, пульсируют так же, как беспокойная жилка на запястье Лочи. И цветок разрастается, становится таким большим, что теперь тычинки его похожи на деревья. Лоча стоит под этими тычинками-деревьями и машет ему белой рукой. Она похожа на белого мотылька, которого Коля видел на Земле. Коля прыгает к ней, красные лепестки медленно соединяются друг с другом, и вот они с Лочей оказываются под пахучим шатром из лепестков, и сквозь лепестки пробивается полдневное солнце.

Белое платье Лочи сразу же становится розовым. Лоча говорит:

— Акачи! Это наш корабль... Мы летим на Землю. Я очень хочу увидеть ее!..

И корабль-цветок, облетев ледяную планету, берет курс на далекую горячую Землю... Под ними безумствуют земные океаны, молнии рассекают небо,

трещат и падают ветвями на землю зеленые великаны, а Лоча, раскрывая душистые лепестки, смотрит на кипение земных стихий и счастливо кричит:

— Как здесь хорошо! Как красиво! Акачи! Давай заберем эти зеленые деревья в наши сады...

Они бегут по горячему песку. Коля видит, как ее следы наполняются морской водой. Солнце согревает эту воду, она испаряется на их глазах, в углублениях остается только белая соль, и она удивительно точно воспроизводит детскую ногу Лочи. Морские волны бросают на песок полосы белого кружева, потом сворачивают его и снова бросают, а Лоча зовет:

— Земля, Земля!.. Дай мне твое солнце!.. Я растоплю наш лед. И выращу много садов...

Лоча кладет руку ему на плечо — и он просыпается.

И только теперь понимает, что допустил преступную неосторожность.

Безрассудная смелость приводит к поражению. Так и случилось на сей раз. Уничтожив полдесятка карателей, Коля был уверен, что навсегда отбил охоту преследовать его.

И вот теперь жуго направлен прямо ему в лицо. В свете фонарей он смог разглядеть человека, держащего в руках оружие. На груди его искрилась шестиугольная звезда. Значит, преследовать его жрецы поручили карателям «второго этажа» — тем, которых боялись даже советники Единого да и сами жрецы.

Обезоружив Николая, они понесли его на контрольный пункт. И вскоре он предстал перед жрецом, который, как и все прочие, стремился быть похожим на Бессмертного.

18. Дела чисто земные

(Из дневника Оксаны)

24 апреля. Неужели есть люди, у которых нет своего волшебного бумеранга? Мне их искренне жаль: они напоминают бескрылых птиц...

Каждая наша встреча с Колей заканчивается новым полетом бумеранга. Пусть мне хорошо понятны все его свойства, пусть они предельно просты, но я и в самом деле лечу вслед за Колей и живу на Фаэтоне среди беловолосых и вместе с Чамино готовлю их к революции...

Теперь я волнуюсь за своего Акачи: что же случится с ним дальше?..

Мы расстаемся с Колей почти что во втором часу ночи. Мама очень сердится. Никогда она на меня не кричала, а тут вдруг:

— Где ты была?!

Я миролюбиво улыбнулась.

— На Фаэтоне...

— Ты хочешь сказать — в такси... На фаэтонах только купцы ездили.

Ах, милая моя мамочка! Ты почти на память знаешь Гейне, Пушкина и Шевченко, а о Фаэтоне тебе известно ровно столько, сколько знает наш дворник — тетка Мокрина, которая едва умеет расписаться. Да и ты не виновата в этом: еще и до сих пор большинство образованных людей почти ничего не знают о погибшей планете. И это в наши дни, когда мы овладели атомной «колесницей» легкомысленного сына Солнца! Куда же она нас повезет, если земляне не будут знать, чем это кончается?..

Коля сумел прочесть Платона так, что старинные

предания вовсе не кажутся ему выдумкой. Долгое время существовало недоверие к этому древнегреческому философу, думали, что в его записях много вымысла. А по сути, это очень ценные документы человечества! Нужно только правильно их толковать.

Сегодня после лекции ко мне подошел Виктор Черный.

— Оксана, ты мне нужна на несколько слов.

Я без особой охоты согласилась поговорить с ним. Отказаться было неудобно. Мы пошли в университетский ботанический сад и присели на влажную скамейку.

Виктор долго молчал, время от времени теребя пальцами свою рыжую шевелюру. Я удивилась: он всегда такой самоуверенный, а теперь вдруг чего-то стыдится...

Наконец он сказал:

— Вот что, Оксана... Твой Николай погорел.

В последнее время я живу фаэтонскими событиями, и поэтому моя реакция была, видимо, неожиданной для Виктора. Да и я сама не заметила, как у меня вырвалось:

— Знаю. Эти жрецы...

В то же мгновение я запнулась и подумала: а не сочтет ли он меня сумасшедшей? Но как ни странно, Виктор отнесся к моим словам совершенно спокойно.

— Жрецы науки?.. Да, были и они... Обком комсомола пригласил известных астрофизиков. И от гипотезы Николая осталось мокрое место...

Я спросила:

— Неужели было обсуждение? Почему же не пригласили Колю? И как туда попал ты?

— Разве я скрывал, что написал заявление? Я честно отстаиваю свои убеждения... В своем выступлении я охарактеризовал эту гипотезу как богоискательство. Никто мне не возразил. Значит, все согласились — и обкомовцы и ученые...

Настроение у меня было ужасное. Но что я могла ответить Виктору? Ему нельзя отказать в последовательности... Теперь потеряна всякая надежда на признание нашего кружка! А виновата во всем я!

Коля предвидел, что исследованию о гибели Фаэтона будет противопоставлена теория О. Ю. Шмидта о метеоритном происхождении Земли. Это последняя космогоническая теория, считающаяся наиболее обоснованной. В своей лекции Коля немало внимания уделил ей, но я, сокращая стенограмму, вычеркнула целых три страницы, которые показались мне лишними. И вот тебе!.. Именно здесь и оказался пробел, который всю нашу работу поставил под удар.

Но ведь О. Ю. Шмидт вовсе не отрицал существования Фаэтона и его гибели. Вот что говорил он по этому поводу: «Много минералогов, занимающихся изучением метеоритов, объясняют тождественность состава последних с Землей тем, что метеориты образовались вследствие распада, взрыва планеты, которая когда-то существовала. Но этот аргумент так же точно действует в обратном направлении — Земля создана из метеоритов». («Четыре лекции о теории происхождения Земли». Издательство Академии наук СССР, 1949, стр. 63.)

Значит, О. Ю. Шмидт думал, что после взрыва Фаэтона из его остатков могла образоваться наша Земля. Возникает вопрос: из чего же тогда созданы другие планеты, которые в сотни раз больше Земли? Не-

ужели и на их создание хватило фаэтонского вещества?..

Коля высказался так: «О достоверности теории О. Ю. Шмидта спорить не буду — пусть каждый судит об этом сам. Я же в этом вопросе присоединяюсь к взглядам академика В. Г. Фесенкова».

Как я ненавидела в эти минуты Виктора! А он, заметив мою растерянность, сразу же оживился, к нему вернулась обычная самоуверенность, и он даже... потянулся к моей руке!..

Сначала я не придавала значения этому неожиданному жесту. Но Виктор вдруг схватил мою руку, и его лицо нависло над моим.

— Оксана!.. Неужели ты не понимаешь? Я люблю тебя... Слышишь? Люблю!..

Не помня себя, я выдернула руку и побежала прочь. И долго потом ощущала на своей ладони его потные и скользкие пальцы.

Прежде я еще могла как-то уважать его (ничего не поделаешь — парень честно защищает свои убеждения!). Но сегодня поняла его до самого дна. И осталось только отвращение.

Как легко он признался в любви! А мой Коля... Коля создал целую повесть и рассказывает ее каждый вечер... И может быть, делает это только ради одного-единственного слова, которое ему так трудно вымолвить на Земле: «Люблю!..»

Нужно ли рассказать ему о том, что случилось? Почему отстранился секретарь комитета комсомола Сидорук? Ведь он, кажется, поверил в Колину гипотезу. Почему молчит Мирон Яковлевич? Может быть, они неуверенно чувствуют себя в астрономических дебрях?.. Сегодня и я промолчу — нужно все как

следует продумать. Иначе можно снова сделать промах.

Через полчаса придет мой любимый Акачи. Я знаю, что придет он непременно, хотя мне и неизвестно, каким образом освободится он из страшного плена жрецов...

Ах, жрецы, жрецы! Вы недремлющи и вездесущи...

19. Допрос

Расскажут ли когда-нибудь историки до конца о грозном персте и его гипнотических свойствах?..

Уже он сморщился и высох, словно корявый сук на трухлявом дереве, нет в нем ни уверенности, ни силы; уже и сам владелец поднимает свой перст без веры в то, что он способен кого-либо напугать; уже веют желанной свободой новые исторические ветры... Но мозг человека без защитной пленки фанатизма чувствует себя беспокойно. Ему боязно оставаться один на один с целой вселенной. Ведь были когда-то руки, из которых он получал гладенькие, некорявые истины. Они вкладывались в его мозговые клетки без напряжения и боли. А ветер, новый, необычный, сорвав эту пленку, заглянул в каждую клетку, выплеснув оттуда старую дребедень. И тогда мозг на какое-то время оказался незаселенным. Заходите, новые истины, умирайте и снова рождайтесь, но никогда не будьте кукольными — такими, которые изготавлиются из папье-маше...

Но здесь-то и возникает самая большая трудность: новые истины еще не научились ходить. Они едва ос-

вободились из пеленок, им еще нужно окрепнуть и чуть-чуть подрасти.

А тем временем снова поднимается угрожающий перст. И никого это не удивляет. Напротив: его словно бы ждали, словно тайно молили, чтобы он появился. Ибо тяжело оставаться с открытым для самостоятельного мышления мозгом. Значительно проще спрятаться под защитной пленкой. Тогда ветер не обожжет твой мозг, а звезды не уколут его своими лучами. И вселенная будет узенькой и уютной — она вполне сможет поместиться в стенах твоего дома.

Зачем тебе ее бесконечность? Что ты с ней станешь делать? Бесконечность не вместишь в желудок и даже не сошьешь из нее штанов.

Только что рожденные истины еще не могут свободно передвигаться на своих тонких ножках. Зато кукольные истины... О, как они живучи! И значительно удобней для употребления. Их легко вынуть и заменить такими же кукольными — из папье-маше...

И висит грозный перст — сухой, скрюченный, но все еще могучий. Его могущество в твоей собственной лени. Когда он умрет — ибо ничто не вечно! — ты нарисуешь икону и повесишь ее в углу. Так уютно в доме, когда над тобой висит грозный перст!..

Так думал Николай, стоя перед жрецом: и жрец и его высохший палец были на редкость иконописны. Фигура жреца напоминала Единого Бессмертного.

Припомнились искатели доброго бога. Их мозг все еще сопротивлялся, им страшно было очутиться перед необходимостью мыслить, понимать, знать. И тут Коля понял, что самая великая человеческая отвага заключается не в том, чтобы смело идти на смерть — на это способны даже обыкновеннейшие фанатики,

чей мозг засорен догмами и предрассудками. Самая великая отвага — в умении смело мыслить, отбрасывая любые ограничения, возникающие на пути мысли.

По-настоящему отважен лишь тот, кто не боится остаться один на один с тайнами вселенной и не ждет, пока «божественные» руки вложат в его мозг удобные для употребления успокаивающие истины.

Коля думал об этом снова и снова — еще и потому, что ему важно было хоть как-то отвлечь свою память от знакомых образов и картин. Ни одно знакомое лицо не должно появиться в его сознании! Что же касается бунтарского направления его мыслей... Нет, этого он не боялся!

Каратели «второго этажа» — уши и руки Единого, считая свое задание выполненным, ушли с контрольного пункта. Жрец сидел в кресле, стоявшем на высоком постаменте, окруженном снизу служителями храма. Они внимательно следили за Колей, хотя руки его за спиной были перехвачены стальными браслетами. И там же, за спиной, помещался экран, которого Коля не мог видеть. Но он хорошо знал, что на экран проецируются его мысли.

Нужны были неимоверное напряжение воли и железная дисциплина мысли, чтобы скрыть в глубинах мозга все, что принадлежало революции. Коля хорошо знал принципы, на которых основаны шахо контроля. В мышлении принимают участие не все мозговые клетки сразу. Подавляющее большинство клеток пребывает в спокойном состоянии. Они, словно солдаты резерва, ждут своей очереди. Включенные в мышление клетки активно излучают энергию, которая попадает в чуткие улавливатели шахо. Электронный мозг шахо контроля молниеносно анализирует полу-

ченные импульсы и точно воссоздает картину мышления, передавая ее в зрительном и словесном изображении. Ведь человек, как известно, мыслит зрительными и языковыми категориями...

Языкового воспроизведения своих мыслей Коля не слышал, их слышал только жрец. Не видел он и изображения, возникающего на экране за его спиной.

— Кто ты есть, раб божий? Откуда пришел ты в наши лабиринты?..

Коля был готов к этому вопросу.

С первой же секунды, когда он очутился в руках карателей, в нем возникали все время, обрастая подробностями, картины его новой выдуманной биографии. От начала до конца эта биография была такой, что его должны были неминуемо и без промедления уничтожить.

Но его не пугала собственная гибель, именно этого он и добивался. Он только хотел погибнуть, не выдав ни одной тайны. И это было самым тяжким!..

Да, он прибыл с Материка Свободы. Нет, его никто не посылал — он по собственной воле перелетел океан, спустился в лабиринты, чтобы отыскать сестру. Около трех оборотов тому назад он убил карателя, завладел его плащом и убежал на Материк Свободы. Он ненавидит Единого Бессмертного и его жрецов. Очень любит сестру. Сестра осталась здесь в лабиринтах, и он хотел забрать ее на Материк Свободы. Но сколько ни блуждал он по лабиринтам, сестру найти не удалось. Ему рассказали о страшной катастрофе, которая разразилась над беловолосыми — огненная лава затопила целые районы, поглотив очень много людей. Может быть, там погибла и его сестра.

Карателей он уничтожил без жалости, так как

считает их предателями. Какие у него намерения? Известно какие: возвратиться на Материк Свободы.

Коля чувствовал экран затылком и был уверен, что там возникают картины, иллюстрирующие его рассказ.

...Ледяная пустыня океана и одинокая человеческая фигура, борющаяся с ураганом. Фантастические сооружения Материка Свободы. Они, очевидно, выглядят на экране расплывчато, словно в тумане, так как Коля представлял себе их плохо. Раскаленная лава, заливая лабиринты, живьем глотает людей... Среди них его родная сестра...

Но тут случилось непредвиденное. Коле тяжело было представить себе лицо несуществующей сестры. И вместо этого в его памяти промелькнуло родное лицо Лочи. Промелькнуло на какую-то долю секунды. И тотчас же будто кто-то выключил сопротивление, на котором держалась его воля — вслед за Лочей появился Чамино... Потом Лашуре...

— Хватит! — крикнул жрец. — Мы хорошо знаем детей советника, умершего во Дворце Единого. Знаем мы также инженера Лашуре. Теперь нам понятно, куда они исчезли. Они убежали на Материк Свободы. И этот прибыл сюда не ради сестры... Испу-пать его в волнах Единого. Наивысшую дозу! Потом повторить сеанс. Подумать только: Госпожа бороды... Какая черная неблагодарность!..

Его толкнули в темную комнату. И он сразу же утратил ощущение собственного веса. Тело повисло в воздухе между полом и потолком. Он понимал, что сейчас шаго контроля не следит за его мыслями — здесь действует совсем другой луч. Когда-то он слышал о его свойствах. Он убивал способность челове-

ческой психики к сопротивлению. И мучал так, как не умели мучать самые жестокие садисты.

Несколько секунд психической независимости были использованы на мобилизацию усилий мозга.

Это хорошо, что жрец считает Чамино, Лочу и Лашуре беглецами. Если бы только на этом все кончилось! В Коле они не узнали сына беловолосого советника. Это тоже хорошо. Теперь главное — выдержать, выдержать!.. Пусть из мозга выплеснется вся ненависть к Бессмертному, пусть затмит собой все иные чувства и мысли. Для этого не нужно искусственной правды. Эта правда живет в каждой клетке его существа. И пусть она проявится во всей своей обнаженности. Коля передаст на экран самые страшные картины: как он тянется руками к горлу Единого, как душит его, колотит кулаками по ненавистному черепу, выламывает искусственные суставы, вырывает преступный мозг... Жрецы не смогут долго вынести такого дикого богохульства — они его просто убьют! И тогда конец мукам, наступит великое счастье небытия...

Пытки начались через несколько секунд. Сознание отметило, как медленно каменеют руки и ноги, туловище и голова.

В обычном застенке жгут железом, загоняют под ногти иголки, выламывают руки. И все равно при этом страдают только отдельные нервы. Они посылают мозгу сигналы, предупреждая о катастрофе, происходящей где-то на окраине человеческого организма. А тут шла атака против всей нервной системы сразу. Не оставалось ни единого нерва, который бы не чувствовал себя в каменных тисках, сжимавшихся все теснее, доставляя при этом невероятную боль.

Исчезло ощущение времени. Проносились тысячи оборотов. Умирали и рождались новые светила. Только не умирала страшная жгучая боль, и по жилам вместо крови текло расплавленное железо...

Через сколько же тысяч оборотов наступило вдруг внезапное облегчение? Кто жил теперь на свете, а кто умер? Кто будет пытаться его снова? Что помнил Коля, а что навсегда позабыл?

Жрецы привыкли к тому, что после купания в волнах Единого из поработанного мозга можно вычерпывать необходимые сведения так же просто, как белковину из котла.

И Коля снова попал под лучи шахо. Но вдруг он заметил: лицо жреца, следившего за экраном, побледнело, в глазах появился смертельный ужас... А Коля, закрыв глаза, душил, душил каменными руками холодное горло Бессмертного...

Жрец сразу же выключил шахо. Ему еще никогда не приходилось видеть такое богохульство! Но страшнее всего было то, что на экран смотрели его служители... Не станет ли известно во Дворце Бессмертного, чем они здесь развлекаются?

И снова темная комната, волны Единого, нервы, зажатые в каменные тиски, и тысячи оборотов нечеловеческих страданий...

Но что это?.. Откуда это взялось?.. Теплый дождик ласково касается его тела. Сквозь сетку дождя успокаивающе светит солнце. На горизонте синеют леса, а у ног тихонько плещутся морские волны...

После нестерпимых мук эта обычная картина поражает тишиной и красотой. Полумертвые от страшного напряжения нервы начинают оживать. Он лежит на теплом песке возле моря, и легкий ветерок ласка-

ет его бессильное тело, сердце колотится все чаще, а вверху плывут пушистые облака...

Как попал он на Землю? Кто перенес его сюда? Неужели палачи позволили ему впасть в беспамятство? О нет, этого быть не может! Беспамятство — это бегство. И все же придется в это поверить, так как он вдруг слышит знакомые голоса.

— Сеанс надо повторить, — сказал первый.

— А может, хватит? — неуверенно спросил второй.

Так вот в чем дело! Они заставили его видеть дорогие ему картины Земли лишь для того, чтобы он еще острее страдал от новых пыток. Нельзя позволять нервам привыкнуть к адской боли — нервы способны утратить чувствительность. Примитивная хитрость садистов!.. Но чьи же эти голоса? Нет, это разговаривают не жрецы. В голосах слышится что-то родное, близкое...

— Он очень любит Землю, — сказал первый голос, похожий на голос Чамино. — Земля — лучшее лекарство для его нервов.

— Ладно, повторим сеанс, — сказал второй голос, напоминавший голос Лашуре.

И снова перед глазами поплыли земные картины. Снова тихий теплый дождь позванивает о его шлем. Земля надвигается на него всем богатством своих красок, качает его в зеленых ладонях, стряхивает на грудь лепестки пахучих цветов, устилает береговые дорожки зеленым мхом и золотым песком. Входит и выходит солнце, поминутно меняет свои оттенки море. А где-то близко, совсем близко звучит голос Лочи:

— Чамино,пусти меня к нему! Я больше не могу!

— Потерпи, Лоча, — отвечает голос Чамино. — Еще несколько дней.

Тяжелые, словно и вправду окаменевшие, веки разомкнулись, и Коля увидел меловые стены с коричневыми прожилками. Это была хорошо знакомая комната Лашуре. Возле него сидел Чамино.

— Чамино! — тихо прошептал Коля. — Лоча!.. Как я очутился здесь?

Но Чамино молчал. Он только лукаво улыбался... Ничего определенного не могла сказать и Лоча. Ей было известно только одно: Чамино и Лашуре принесли его сюда больного, в тяжелом беспмятстве. Вместе с ними пришел и дядя Гашо. Но о том, как его освободили, не сказали даже ей.

— Спи. Спи, — Лоча поцеловала его. — Теперь тебе ничего не угрожает. Нужно спать.

Чамино что-то сказал Лоче, и она покорно вышла.

— Лоча! — потянулся к ней Коля.

Но Чамино положил ему руку на плечо.

— Не спеши, друг. Купание в волнах Единого делает человека калекой. Но на всякое действие существует противодействие. Я покажу тебе нитку моего отца. Ту, что ты просил. Это поможет...

И Коля даже не заметил, как вновь сомкнулись его веки. Нет, это был не сон. И не бред. Это были великие странствия...

20. Тайна заветной нитки

...Откуда он это знает? Почему живет чужой жизнью? О волшебный бумеранг, твои зигзаги и петли можно сравнить только с чарами неумирающего луча.

Такое бывает и с земными людьми: знание приходит неожиданно и мучает нас: откуда оно?..

Теперь он уже не Акачи — он Шако. Советник Бессмертного. Отец Чамино.

— Летим, сынок! Ведь не часто бывают противостояния Юпитера. Скоро Юпитер скроется из наших глаз на много оборотов.

— Если бы ты знал, Чамино, к какому эксперименту готовится твой отец! Он начал готовиться к нему еще тогда, когда тебя не было на свете. Но теперь пришло время. Завтра Юпитер и Фаэтон сойдутся так близко, как бывает только один раз в несколько десятков фаэтонских оборотов. Вот и мы полетаем пока вместе — ты ведь любишь летать с отцом. Кто знает, чем закончится опыт...

Все проверено. Аппараты действуют безупречно. Однако у исследователя всегда есть «но», которое может привести к поражению. И тогда твой отец больше не проснется.

Ты еще маленький, Чамино. Разум твой еще не способен понять законы вселенной. Но отец позаботится о том, чтобы его знание стало твоим знанием. Ечука сохранит для тебя нитку. Она тебе все расскажет. Расскажет даже в том случае, если случится непоправимое «но»...

Скупое туманное утро не могло скрыть беспокойную поверхность Юпитера, покрытого тяжелыми тучами, сотрясаемого титаническими ударами молний и холодными аммиачными ливнями. И хотя на диске Юпитера видны только незначительные перемещения,

или, может быть, только кажется, что они видны, но загадочный титан предстал его взору таким же, каким был вчера. Тогда, когда Коля видел его поверхность в окуляре ультрателескопа. А когда изображение планеты возникло на большом стереозэкране, Коле даже показалось, что он осматривает Юпитер с поверхности Ганимеда или Калисто, которые, кружась вокруг своего титанического отца, хорошо знают все его тайны.

Что-то должно было дорисовывать воображение. Почва для него была не фантастической, а совершенно реальной: в накипи туч плыл над планетой Красный Остров — самая большая из всех загадок Юпитера. Тучи собирались в кольца, опоясывающие планету параллельно к экватору. И если хорошо приглядеться, то в темных отверстиях меж тучами можно заметить вспышки — то ли удары мощных молний, то ли какое-то освещение, созданное разумными существами. Шако представлял их людьми...

А собственно говоря, что такое человек?

Во внутреннем кольце планет это существо, созданное фотоспособом. Удивительно? Но что же здесь может удивлять? Человек — это действительно порождение фотоэффекта. И если фотоэффект мы считаем иллюзией, значит и мы сами только иллюзия...

Представим, что мы — создания фотосинтеза — начали видеть мир не в лучах видимого света, а приобретаем способность видеть в спектре радиоволн. Будет ли мир для нас тем же самым, каким его наблюдают люди в лучах видимого света? О нет! Это будет совсем иной мир...

Или, представим, что мы созданы из нейтрино. Что

тогда? Тогда мы смогли бы проходить сквозь ядра звезд...

Поэтому-то и нельзя судить о наличии живых существ по тому, что видит наш глаз и ощущают кончики пальцев.

Так же точно как нельзя требовать, чтобы жители Юпитера видели мир так, как видели его мы.

Какую же программу ощущений задает своим атомам Красный Остров? Может быть, и в самом деле аммиачные тучи ощущают себя людьми?

...Бессмертный сидел в сферическом зале, своды которого воспроизводили ночное небо. Это была игра света и тьмы.

Единый и в самом деле казался богом, вокруг которого вращаются целые галактики. Наверное, нужно очень верить в собственную исключительность, чтобы тебе не надоело играть в это вселенское величие. Неужели Единый думает, что небо мертво, что разум пульсирует только в нем, а помимо него самого бурлят только слепые стихии, лишённые живых ощущений? Тогда ему можно лишь посочувствовать, так как держать вселенную на собственных плечах, наверное, очень и очень тяжело...

Но нет, Шако-Коля ведь знал, что Единый способен не только на самообожествление. Его искусственное тело мало чем отличалось от тела живого человека — это был безупречный белковый автомат, который питал клетки когда-то гениального мозга. За тысячи оборотов мозг Ташуки обогатился огромными знаниями. И он считал себя сверхчеловеком, потому что волны людских поколений катились мимо

него, исчезая где-то в небытии, а он жил, карал и миловал, и каждый взгляд его был наградой или наказанием смертным. Он и в самом деле был сверхчеловеком, которого создало человеческое суеверие.

В отличие от других советников Шако держался с Единым довольно независимо: говорили, что Бессмертный любит Шако. Видимо, здесь действовали другие причины: Единый не способен был жить без собеседника. А никто из советников — даже Ечука — не мог соревноваться в знаниях с черноволосым Шако.

Единый умел ценить знания. Именно поэтому в число его советников попадали самые талантливые. И тот, чей мозг непрерывно обогащался чем-то новым, неизвестным Единому, имел право не бояться его гнева, независимо от собственных суждений.

Но горе тому, кто поверил, что так будет вечно!

Мозг Ташуки был похож на земную породу растений, которые добывают питание не из кремнистой почвы, а из-под коры могучих деревьев, ломающих своими корнями скалы. У Ташуки давно не было собственных корней. Но он знал, что природа иногда закладывает в человека то, к чему не способен пробиться самостоятельно даже его мозг. Глаз Единого безошибочно отличал подобных людей. И такой человек вскоре получал относительную независимость, которая воспринималась другими как признак благосклонности Единого. Но это был тонкий расчет в смертельной игре. Никого так не умел ненавидеть Бессмертный, как своего нового советника, знания которого были источником для его самообогащения. Но как только Единый замечал, что источник исчер-

пан — советник исчезал из Дворца... Талантливые люди в большинстве своем очень доверчивы...

Уже несколько оборотов Шако занимал положение фаворита. Никому еще не удавалось так долго пользоваться благосклонностью Единого. Другие советники завидовали Шако. Они не знали главного: мозг Шако все еще оставался тайной для Бессмертного. Природа слишком расщедрилась, заложив в этот мозг такую программу, расшифровать которую Бессмертный был не в силах.

Шако-Коля заметил на лице Единого глубокую печаль. Ее не могло скрыть даже грозное величие фигуры Единого, созданной скульптором. Люди знали, что Бессмертный был творением их рук, и все равно это грозное величие, порожденное фантазией художников, ставило их на колени. Нет, не боги способствуют рождению идолов — их создают сами люди. И творения своих рук кажутся им величественней их самих...

Единый очертил рукой широкий круг. На искусственном небе появился рукав Галактики, где пульсировала яркая звезда.

— Дема, — тихо сказал Единый. — На протяжении последнего тысячелетия она приносит мне немало забот. Думай, Шако, думай! Если ты найдешь оружие против Демы — я сделаю тебя своим сыном. Ты обретешь вечную жизнь. Наше слово станет законом для вселенной. Дему нужно покарать. Я приговорил ее к смертной казни еще сотни оборотов тому назад. Ты должен выковать для нее меч.

Сначала Коле показалось, что это говорит сумасшедший. Как можно уничтожить звезду, чей луч доходит до Фазтона только через сотни оборотов? Не-

ужели Единый и в самом деле считает, что Фазтон находится в центре мира? Как соединить этот фанатический эгоцентризм с огромными знаниями, которыми владеет Бессмертный? Если даже стать на его точку зрения, то и в этом случае утверждение собственного абсолютизма надо начинать с Фазтона. Но что он может сделать, скажем, с Материком Свободы? Только негодовать...

Думает ли он о Юпитере?

Как-то Коля получил возможность ознакомиться с логотекой Бессмертного, составляющей самую высшую государственную тайну. Это были нитки, оставленные предшествующими поколениями советников. Никто не имел права пользоваться логотекой, кроме самого Бессмертного. То, что Единый позволил осмотреть ее Шако, было проявлением большого доверия.

Две нитки, заложенные в логотеку около тысячи оборотов тому назад, рассказывали о корабле, прибывшем с Юпитера. Третья нитка, появившаяся сравнительно недавно — около пятисот оборотов тому назад, объясняла некоторые тайны Красного Острова.

Красный Остров, плавающий в аммиачно-метановой атмосфере Юпитера, — это его лучевой мозг. Наивысшая, самая целесообразная форма организованной материи! Ничто в солнечной системе не способно бороться с ним. Его единственный властелин — Солнце. Он — этот титанический мозг — посылает комётных гонцов по направлению к Деме, которая на встречу им также высылает свои лучевые организмы. Так они обмениваются информацией о жизни вселенной.

Эгоцентризм ослепил Бессмертного. Имея в своем

распоряжении тысячи электронных организмов, Единый не хотел понимать, что природа способна создать неизмеримо более могучие электронные организмы.

Исследования, которые Шако-Коля начал еще в юности, окончательно его убедили, что белковые формы жизни — наименее совершенные формы. И только тогда, когда белок перестает быть непременным качеством живого — жизнь достигает той свободы и независимости, которая господствует в безграничных глубинах вселенной. Белок — это только пена, а не сам океан...

Стараясь подобрать точные слова, Коля попробовал объяснить свои сомнения. Впервые он позволил себе не согласиться с мыслью Бессмертного об отсутствии жизни на Юпитере.

Большая белая борода затряслась от гнева. И через какое-то мгновение они оказались в космическом корабле, висевшем над Красным Островом. Это действовала оптика генераторов, сосредоточенных в нижних этажах Дворца. Лампы и сферические локаторы генераторов ощупывали самые отдаленнейшие уголки планетной системы.

— Вот как! — крикнул Единый. — Теперь я тебя рассмотрел. Ты долго стоял за свинцовой стеной. И вот, наконец, вышел пред мои очи. — Его палец приблизился к лицу Коли. — Я вижу тебя, Шако. Не смей прятать мысли!..

— Всевышний! Может ли смертный человек что-то от тебя скрыть?

Единый умолк. Он думал. А Коля тем временем осматривал глубины Красного Острова.

Море огня. Так на Земле горит красной медью

Солнце, когда запад на горизонте опоясан дымкой морских испарений. Тогда Солнце кажется очень близким, спокойным. Оно не обжигает, не слепит глаз. И кажется, что где-то там — под красномедным щитом — бьется его усталое сердце. И сердце это чувствует боль из-за каждой примятой травинки, ибо это его кровь в жилах деревьев и трав становится кровью Земли...

Разве может быть мертвым то, что создает жизнь на планете? Разве от мертвого отца рождаются живые дети? Красный Остров был Сыном Солнца.

Но вот Бессмертный словно бы проснулся. И голос его стал ласковым, даже беспомощным. Может быть, он потом пожалеет, что дал волю собственным сомнениям, но сейчас он искал совета. Мысль его не могла примириться с тем, что ему не все еще подвластно в мире.

— Шако! Ты говоришь правду. Но разве мой дух, мой вечный дух не выше мертвого огня! Ты мой советник. Ты тоже станешь бессмертным. Разве наш дух не сможет усмирить этот огонь?..

Коля все еще смотрел вниз, туда где катились волны, похожие на волны земного океана, — если представить себе, что Солнце действительно углубилось в недра океана и теперь светит снизу, сквозь толщу прозрачной воды. Ему тяжело было настроиться на мозг Единого, трудно было понять, как может разумное существо не чувствовать этого сказочного величия мировой красоты. Неужели существует что-то более высокое, более святое, чем эта красота? Ах да, самообожествление. Власть. Фаэтоноцентризм. Ощущение собственного превосходства над всем живым. И поэтому живое хочется видеть мертвым. Но ведь

он же знает, что Красный Остров — это титаническая личность, способная программировать ощущения в низших личностях. Советник, который оставил в логотеке третью нитку, называет остров Отцом Ша-Гоши.

Коля ответил:

— Всевышний! Красный Остров родился из ткани Солнца. Он связан с Солнцем единым полем. Его кометные гонцы обмениваются информацией с посланцами Демы. А Дема получает информацию из ядра Галактики...

— Хватит! — заорал Единый. — Если бы это был не ты, а кто-то другой — это богохульство кончилось бы для тебя смертным приговором. Мой дух уже шесть тысяч оборотов враждует с духом Ша-Гоши. Но знай: Ша-Гоша мне не страшен. Фаэтон вращается вокруг Солнца быстрее, чем Юпитер. Через пол-оборота мы выйдем из его поля вплоть до следующего противостояния. Нужно начинать с Демы. Если Дема будет уничтожена, Ша-Гоша умрет сам. Ему не поможет даже Солнце. А тогда мы поговорим с богоотступническим Материком. Поэтому думай, Шако, о карающем мече для Демы. Мы увеличим мощь Кольца Всевышнего. Построим гигантский гамма-генератор. Мы направим в недра Демы такой гамма-импульс, что от нее останется одна пыль. Да, на это надо потратить не одну сотню оборотов. Но я же дарю тебе бессмертие! Для бессмертных сотня оборотов — всего лишь день...

Наверное, слова Единого о том, что он хочет сделать советника своим Сыном, можно было считать искренними. После того как был уничтожен Ташука-младший, Бессмертный почувствовал горечь одиноче-

ства. И хотя вокруг него были люди, никто из них не носил в своей памяти больше, чем отпущено смертному человеку несколькими десятками оборотов. Единый не сомневался, что обещание бессмертия сделает Шако его верным слугой. Ведь он еще никому не обещал бессмертия.

Поэтому-то Единый и решил поделиться собственными планами открыто, без каких-либо предосторожностей.

Нет, он пока что не будет трогать ни Ша-Гошу, ни Материк Свободы. Завтра он уснет на целых пол-оборота. Так он делал всегда, когда Фазтон и Юпитер выходили на линию противостояния. Могучее облучение волнами Ша-Гоши для него нестерпимо. Комната, где спал Бессмертный в периоды противостояний, была защищена слоем специального предохраняющего вещества. Ша-Гоша зря искал его мозг силовыми линиями собственных волн: Единый не желал с ним разговаривать так же точно, как и с ненавистой Демой. Собственно, что может сказать Ша-Гоша Единому? Что планеты, где господствуют разобщенность и вражда, оказываются бессильными, задыхаются и гибнут?

Единый слышал это уже неоднократно. Он никому не позволит вмешиваться в собственные планы. Именно ему, а не кому-либо другому предстоит перестроить Галактику.

Когда гамма-генератор уничтожит коварную Дему вместе с ее центральной звездой, Единый начнет перестраивать солнечную систему. Прежде всего он превратит в пылевые тучи Юпитер, а также те планеты, которые живут дольше. Аммиачные существа из царства Ша-Гоши его не интересуют. Все это станет рабочим материалом для создания сплошной сферы вокруг

Солнца. Тогда вся лучевая энергия Солнца окажется в распоряжении Фазтона. А практически она будет принадлежать Единому.

Главное — Дема...

Это она мешает Единому. Это по ее программе живет Ша-Гоша.

Материк Свободы пока что не причиняет большого вреда. Пусть плодятся. Для перестройки солнечной системы нужно много рабов.

А когда Единый получит в свое распоряжение всю энергию Солнца, он начнет наступление на Галактику. Вслед за Демой уничтожит Великого Пса. Вонзит в его сердце гамма-нож. Наверное, Шако знает, что хорошо сфокусированный гамма-луч способен рассекал внутренние ядра звезд. Звезды взрываются. Их вещество может стать материалом для образования новых сфер. Важно только правильно сориентироваться в кривизне пространства. Тогда гравитационные волны сами будут содействовать Единому.

Бессмертный жаждал независимости. Ему надоело слышать, что из ядра Галактики исходит какая-то информация, которая никак не отвечает его планам. Он сам впоследствии станет ядром и будет посылать приказы самым отдаленным звездам...

Думай, Шако, думай! Ты имеешь возможность разделить славу и вселенское величие с Единым. Ты станешь богом...

Коля остановил взгляд на лице Бессмертного. Тяжело было выпутаться из хаоса мыслей, вызванного его словами.

Как это случилось? Где-то, наверное, около трех миллиардов оборотов тому назад, когда Фазтон был значительно ближе к Солнцу, космический ветер занес

на его поверхность белковые споры. Они плодились, заселяя океаны и материки. Возникли первые растения. И с тех пор планета начала насыщаться энергией Солнца. И все, что рождалось на ней, взлелеяно теплыми ладонями Солнца...

Кто же сегодня говорит языком Единого? Ведь на нас, на наш мозг ничто не влияет, кроме солнечного луча. Неужели же из глубин Единого к нам обращается Солнце? Тогда почему его слова служат не силам созидания, а разрушения?

Добро и Зло. Они сталкиваются и переплетаются в каждом луче. Люди вдыхают их вместе с воздухом, глотают вместе с белками и витаминами. Свет и Антисвет, День и Ночь. И в Солнце тоже действуют две силы — Свет и Тьма. Чтобы точно определить, сколько энергии излучает Солнце, нужно представить его абсолютно черным. Таким черным, как пространство космоса. И если космонавт вооружится радиоочками, он увидит мир как бы с противоположной стороны. Пространство космоса — межзвездный вакуум — будет пламенеть в его глазах сплошным огненным океаном, а Солнце покажется черным отверстием в пламенеющем небе...

Звезды же станут похожи на головки черных гвоздей...

Тьма — это понятие условное. Это только иной вид света. Антисвет...

И вдруг неожиданная мысль потрясла Колин мозг: а что, если Единый видит мир именно так, как его можно видеть только в радиоочках? Тогда Свет должен казаться ему Тьмой, а Тьма — Светом. И тогда вполне естественно то, что Единый служит не силам созидания, а силам, направленным на уничтожение

усилий фотосинтеза. Но как это определить? Может быть, за тысячи оборотов сознание Единого привыкло к этому видению в такой мере, что уже не способно теперь представить себе мир иначе. Никто не знает, что огонь несет его глазам тьму, а сумерки дарят свет. Люди способны вкладывать в свои слова совершенно противоположные значения, называя белое черным, а черное белым. Как же извлечь из мозга вот эту тайну: что именно имеет в виду человек, когда говорит о Свете и Тьме, о Белом и Черном?..

Впрочем, Тьма способна влиять не только на глаз, но и непосредственно на мозг. Тогда призыв к Свободе будет означать путь в рабство. Рабов, которые будут таскать обломки планет, он будет называть героями, а цель перестройки объяснит борьбой за создание Великого Общества.

Коля видел в планах Единого огромную опасность, грозящую не только Фаэтону, а всей солнечной системе: Добро живет широко, могуче. Зло живет мелко. И все же оно — Зло — способно всадить свой отравленный нож в широкую грудь Добра...

Наверное, Бессмертный получал незаурядное наслаждение от картин будущего, порожденных его разрушительным воображением. Увлекаясь, он начинал рассказывать, что будет потом, когда Солнце окажется в плену сферы Единого. С помощью гамма-генераторов он будет резать его на куски, словно торт, выпеченный из белковины. Он сам станет Солнцем!..

Слушать это было невозможно. Но вот холодные глаза Единого скупой улыбнулись.

— Я дарю бессмертие твоей дочери. Нас будет трое. Я приглашу ее на трон божий.

Нет, это не было новостью для советника. Шако

знал, что маленькая Лоча привлекала взляды Едино-го. Не так давно Бессмертный пригласил жену Шако с Лочей в свой Дворец. Он ласкал девочку, позволив ей даже прикоснуться к его бороде.

На мгновение Шако показалось, что Бессмертный и в самом деле испытывает к Лоче какое-то человеческое чувство — сдержанное, даже нежное. Неужели в его искусственное сердце мог пробиться лучик живого света?..

Но нет! Лоча растет не для того, чтобы стать игрушкой Едино-го. Такое бессмертие — рабство, и освободиться из него будет невозможно.

Красный Остров, над которым кружил их воображаемый корабль, чуть отдалился. Теперь они видели только общие его очертания. Остров напоминал расплавленную лаву, выплеснувшуюся из глубоких недр Юпитера. И если бы они не знали, что он плавает в наивысших слоях атмосферы, он и в самом деле мог бы показаться морем раскаленной магмы, которая медленно остывает.

Вдруг Шако-Коля почувствовал глубокий внутренний толчок. Толчок был таким сильным, что его личная воля стала сразу же словно бы парализованной. Коля не видел теперь белобородого лица Едино-го, а весь его организм оказался во власти какой-то нечеловеческой силы.

Наверное, в мозгу Едино-го действовали защитные ограничители, так как он, почувствовав тот же самый толчок, отнесся к нему значительно спокойнее.

Единый улыбнулся. Никто из фаэтонцев не видел его улыбки. Не часто видел ее и Шако-Коля.

— Ша-Гоша меня ищет. Он ищет меня на протя-

жении сотен оборотов. Но я уже наслушался его. Хватит!..

Приказав советнику идти домой, Бессмертный пошел в комнату, оборудованную для продолжительного сна. Волны Ша-Гоши отступали перед слоем защитного вещества, которым были обложены стены и потолок роскошной спальни Единобо.

21. Человек-луч

Преодолевая удивительную скованность, завладевшую всем его существом, Шако-Коля спустился в самый нижний этаж Дворца, где помещались его лаборатории.

Здесь и должно было произойти то, к чему он готовился в течение всей своей жизни.

Ечука обо всем знает. Он придет тогда, когда Шако уже будет на Юпитере.

Шако объяснил ему общие принципы своего эксперимента, ознакомил с аппаратурой.

Главное здесь заключалось не столько в технических, сколько в философских проблемах...

Шако удалось создать лучевой психодвойник собственного мозга, способного аккумулировать в себе психическую энергию. Там эта энергия должна была усиливаться и передаваться в недра Красного Острова. Вливаясь в его волны, как поток вливается в океан, она начнет жить по той программе, по которой живет могучий Ша-Гоша.

Ша-Гоша содействовал успеху эксперимента. Импульсы, которые он посылал на Фаэтон, можно было почувствовать даже в нижних этажах Дворца.

Не каждый мозг способен перерабатывать эти импульсы в четкую систему образов. Для большинства людей они оставались чем-то невыразительным — внутренними толчками, порождавшими тревогу, ощущение чего-то непостижимого, действующего не из твоих собственных глубин, а из неведомых высот, и толкающих тебя на такие поступки, которые другим людям должны показаться признаками психического заболевания. И только некоторые люди (в силу особенных свойств психики) в глубинах собственного мозга перерабатывали эти импульсы в четкую систему образов. Так появились те нитки, которые Шако-Коля отыскал в логотеке Бессмертного...

Попадались такие люди не только среди советников. Их называли пророками. Почти все они гибли в страшных муках, ибо пророчества их были направлены против жрецов. Легенды о них передавались из поколения в поколение.

Мозг Шако-Коли начинал привыкать к характеру импульсов. И если бы Коля устремил к ним свое внимание, если бы он не думал сейчас ни о чем, кроме ударов неведомой энергии, от которой горела кожа на голове, эти импульсы медленно бы сложились в четкую систему. Как складываются в систему звуковые колебания, несущие в себе образы в словах? Ведь известно, что звуковые волны отличаются от световых только частотой колебаний. Звук можно видеть точно так же, как и слышать. Тогда почему же мы думаем, что звук способен действовать только на органы слуха, а свет только на органы зрения? О нет! Это всего лишь результат несовершенства наших органов восприятия...

Коля боялся собственной настройки на волны Ша-

Гоши: могла возникнуть рефракция, и тогда психическая энергия, сконденсированная в электронном мозгу, не получила бы необходимой чистоты.

Поэтому он поспешил в комнату, предохраненную слоем защитного вещества от волн Ша-Гоши так же точно, как спальня Единого.

Еще раз проверил аппаратуру. На экране появилось его собственное изображение. Это был его психодвойник, который жил в глубинах электронного мозга. Двойник сказал:

— Не спеши, брат. Ты очень взволнован, твое волнение передается мне.

— Что говорит Ша-Гоша? — спросил Коля.

— Ша-Гоша вызывает Единого. Он очень огорчен тем, что Единый избегает разговора. Ша-Гоша добивается перестройки нашего общества на основе законов Разума и Добра.

— Ты хорошо видишь Ша-Гошу?..

— Пока что я вижу Юпитер. Вижу Красный Остров. В каком образе видит себя Ша-Гоша — я еще не знаю. Мое поле слишком слабо, чтобы принять эту программу.

Коля надел на голову массивный шлем, соединенный эластичным кабелем с электронным психодвойником. Теперь они слились в единый организм.

Вскоре автоматы высосут из комнаты воздух до полного вакуума. В комнате воцарится космическая стужа. На кровати будет лежать только вещественное подобие Шако-Коли, его хрупкая оболочка, а вся психоэнергия организма перейдет в электронный мозг, помещающийся в соседней комнате.

Коля выключил экран. Теперь он ему не нужен. Его тело сковала сладкая усталость. Тело было теперь

только одеждой, которую он оставляет в этой комнате, словно в гардеробе. Вакуум не позволит упасть ни одной пылинке на эту одежду. А когда он возвратится из путешествия, его электронный друг вдохнет в клетки тела всю ту энергию, которую Коля щедро ему доверил...

...Тишина космоса. Тела нет. Есть только пламенные крылья, вращающиеся подобно далеким галактикам. Коля знает, что это он бьется в пламени этих крыльев, но языка у него нет, так же как нет и тела.

Тени. Прозрачные силуэты. Нет даже звезд. Но вот тени постепенно начинают вырисовываться четче. Неужели он видит? Но чем? Где его глаза? Разве можно видеть без глаз?

Бородатый великан сидит под копной сена. Лицо потное. Усталое. Вот он поднимается, берет кувшин. Склоняется над родником. Воды нет. Почему нет воды? А может, это не родник? Может быть, так чувствует Ша-Гоша то Зло, что разъедает недра Фазтона? Может, эти недра запрограммированы в его ощущениях, как родник на зеленой ниве солнечной жизни? И может, это его жажда излучается из глубин Красного Острова, плавающего в метановой атмосфере Юпитера?..

Великан исчезает. И кажется Коле, что он молнией летит в океан.

И снова тишина. Медленно появляется тело. Руки связаны. И связаны ноги. Нет, не связаны — он закован в какой-то сосуд. Сосуд облегает каждый изгиб его тела, будто саркофаг.

И он снова начинает видеть. Теперь у него и в самом деле есть глаза. Он смотрит сквозь окошко сар-

кофага на две человеческие фигуры, стоящие рядом. Мужчина и женщина. Лица светло-сиреневые, глаза неестественно большие, волосы почти красные. И почти красные брови. Похожие на полосы огня, которые возникают, когда ребенок, играясь угольком в темноте, быстрыми движениями колышет его в руке.

По бровям пробежали разноцветные всполохи. Оказывается, брови этих людей владеют способностью менять цвет! И теперь Коля начал понимать: нейроны мозга Ша-Гоши, представшие ему в виде этих людей, переговаривались между собой не с помощью звуковых колебаний, а с помощью световых эффектов. Действительно, как же еще можно разговаривать в вакууме? Ни брови, ни глаза их не имели какого-то одного цвета в определенный момент, как не имеет его полярное сияние. Это была свободная игра света — игра всеми красками, которые существуют в природе.

Мужчина был значительно старше. А женщина... Нет, это была не женщина. Это была девушка. Лицом она была немного похожа на этого мужчину. Может быть, она его дочь?..

Их одежда тоже излучала свет. Краски ее менялись. И менялся цвет волос. Только лица сохраняли ту же сиреневую окраску.

Мужчина подошел к оконцу в Колином саркофаге, протянул руку и шевельнул пальцем. Что это значило, Коля не понял. Но он сразу же почувствовал облегчение. Теперь тело его обрело свободу. И вот что удивительно: он стал понимать то, о чем они говорили! Видимо, смена цветов была только внешним выражением их разговора. Может быть, они и сами ее не чувствовали. А он видел эту игру цветов только

благодаря тому, что смотрел на них через оптический прибор.

Да, они разговаривали беззвучно! Порой на губах их играла улыбка, иногда по лицам пробежали раздумья.

Это были колебания света, передававшиеся из мозга в мозг непосредственно, как способна передаваться только мысль. Может, именно поэтому Коля и понимал их язык?

— Нет, отец, — сказала девушка. — Он прибыл не из Демы. Но как он мог включиться в ее программу?

— Наверное, через Ушастого. Он уже возвращается. Кстати, это, кажется, ты его прозвала Ушастым?

— Он в самом деле вышел у нас немного смешным. Ядро его похоже на человеческую голову с большими ушами. И вся его информация висит на ушах. А разве плохой гонец? Разве не он передал нам рассказ о том, что случилось в созвездии Са?..

— Да, это ужасное событие. Фаэтонский Материк Свободы должен знать об этом. Во время прошлого противостояния они еще не умели принимать наших передач.

Собираются ли они открыть этот саркофаг? Что за странное равнодушие к гостю! Коле хотелось крикнуть им об этом.

— Отец! Посмотри на экран. Он гневается.

Экран? Какой еще экран? Живого человека бросили в гроб и теперь рассматривают его на каком-то экране! Да выпустите же, слышите?!

...Постой, Коля! А кто ты сейчас есть? Ты же только собственный психодвойник, который в форме лучевых импульсов попал в тело великана косаря, обес-

покоенного лишь одним: на его ниве начал пересыхать источник. Для него это очень неприятное событие, ему хочется пить. Жажда Ша-Гоши — тревога, тревога за жизнь вообще, и поэтому нейроны его мозга вырабатывают кометные организмы, посылая их по направлению к Деме.

Вот ты, Коля, и попал сначала в импульсные модуляции Ушастого — кометы, которая возвращается от Демы, а Ушастый передал тебе в глубины электронного мозга как обыкновеншую информацию. Твой саркофаг — это не гроб, а такой же точно, может быть, значительно более совершенный электронный организм, который пульсирует на Фаэтоне. Что ж, такие переселения не могут быть только приятной прогулкой. Это дело серьезное...

— Он, кажется, немного успокоился, — сказала девушка.

Мужчина улыбнулся, открылись белые зубы с фиолетовым отливом.

— Ми! Моя добрая Ми! — крикнул отец. — Знаешь ли ты, кого прислал нам Ушастый? Это же самый настоящий фаэтонец. Ведь импульсы не выходили за границы наших гравитационных полей!..

— Значит, Материк Свободы...

— Нет! Это что-то другое. Очевидно, мы имеем дело с гением. Связь с Материком Свободы мы планируем на уровне телепрограммы. А этот человек создал собственный психодвойник. Совсем иное качество!

— Неужели это действительно так уж трудно? — удивилась девушка.

— Пересылать себя в форме импульсных модуляций нас научила Дема. Мы тоже начинаем с обыч-

нейших телепрограмм. Но как расшифровать его генетический код? Наверное, наш гость не знаком с межзвездным правилом. Новичок в этом деле.

— Отец! Попробуем с ним поговорить. — Девушка подошла к аппарату, включила какой-то прибор, видимо воспроизводивший обратную связь. — Многоуважаемый фаэтонец! Вас приветствует дочь философа Ну. Мы с отцом очень рады, что ваш гениальный эксперимент завершился успехом. Это и в самом деле историческое событие. Но наши приборы не зафиксировали ваш генетический код. Мы получили вашу личность только в лучевой форме. Вам необходимо обрести тело. Его можно изготовить в наших лабораториях. Пожалуйста, дайте ваши генетические индексы. По межзвездному правилу их следует высылать раньше, чем индексы психодвойников.

Коля молчал. Только теперь он сообразил, какую совершил ошибку.

Он чувствовал себя так, как чувствует себя человек, старавшийся перейти границу и попавший в западню. И теперь его не принимает ни соседнее государство, ни свое...

Он напрягает память, стараясь воспроизвести в ней генетические индексы. Но это невозможно! Его фаэтонский двойник, ставший теперь его властелином, не получил задания переслать их на Юпитер.

— Он молчит, — разочарованно сказала Ми. — Нужно усилить генератор обратной связи.

Теперь Коля получил возможность говорить.

— Я прибыл из государства Бессмертного. Я его советник. Генетические индексы не заложены в программу моего психосоответствия. Я их не знаю.

— Жаль, — печально повела радужной бровью

Ми. — Рисковать мы не имеем права. Как ты думаешь, отец?

— Да. Это очень опасно. Вам лучше, коллега, повторить опыт. Я вижу, вы к нему абсолютно готовы. Мы пошлем Ушастого ближе к вашей орбите. В зону сближения гравитационных полей.

Печаль охватила Колину душу. Почему они так холодно с ним разговаривают? Разве можно так говорить с человеком, прибывшим с другой планеты?

Тоскливо. Жутко. Хотелось расколотить этот саркофаг, что стал теперь его домом. Но Коля чувствовал себя совершенно беспомощным.

Однако какое, собственно говоря, право имел он хоть в чем-либо упрекать этих людей? Разве там, на Фаэтоне, с электронными организмами разговаривали более приветливо? Разве они не были только суммой математических символов?.. О нет, он еще не стал для них человеком. Так же как для фаэтонцев не были людьми изображения на экранах, воссоздающие колебания в глубинах электронного мозга. И хотя инженеры хорошо знали, что мозг живет, думает, это была все-таки жизнь в другом измерении — холодная, чужая, незнакомая...

Но ведь он и не может стать человеком без их помощи. Это теперь ясно. Сначала по генетическим индексам они должны были изготовить соответствие его тела — белковый автомат. Это соответствие будет полностью приспособлено к их условиям, ничего общего не имеющим с жизненными условиями на Фаэтоне. И только тогда его психозеркало найдет для себя тело. Поэтому-то для таких путешествий необходимо взаимодействие двух разумных миров. Двух, а не од-

ного! Это оказалось значительно сложнее, чем он представлял себе...

Девушка словно бы поняла, что его сейчас тревожило.

— Не печальтесь, — сказала она. — Мы вскоре встретимся. Мы покажем вам, как живут наши люди. А вы сообщите об этом вашему... вашему властелину. У нас действуют законы Свободы. Общие законы вселенной. Ваш Материк Свободы живет почти так же. Но мы начали значительно раньше. Нам помогла связь с Демой...

— Возвращайтесь, коллега. Ваш двойник подает какие-то тревожные сигналы...

Это были последние слова, которые успел услышать Шако-Коля. Что произошло потом — он не знает.

Очнулся он там, где заснул, — в вакуумной комнате собственной лаборатории.

Засветился экран. Появилось лицо Ечуки.

— Шако! Единый не спит. Он обо всем узнал. За тобой давно следят...

Так неожиданно оборвалась нитка, которую Чамино демонстрировал Акачи.

...Рука Чамино лежала на плече Коли. В глазах Чамино светились любовь и забота.

— Это все, что осталось от моего отца, — тихо сказал он. — Лече рассказывать об этом не следует. Ей будет больно...

Коле трудно было понять, где кончались грезы и начиналась реальность.

— Это не грезы, дружище. Это лучевая жизнь.

Коля, конечно, хотел узнать, что же произошло дальше. Состоялся ли второй эксперимент? Но это было неизвестно даже Чамино. Говорят, что второй эксперимент состоялся. Будто бы Единый сам его разрешил. Потом по его приказу жрецы выключили аппаратуру. Мать Чамино умоляла, чтобы ей отдали тело мужа. Но оно рассыпалось на ее глазах. Ничего более страшного представить себе невозможно. Вскоре она и сама умерла. Вот почему осторожный Чамино не хочет об этом напоминать сестре...

...Как хорошо, что Лоча снова рядом! Она отыскала какое-то растение, обладающее целебными свойствами. Стоило только натереть его соком лоб, и сразу приходят радостные мысли...

— Скажи, Акачи, — лукаво спросила Лоча, — ты бы хотел побывать на Материке Свободы?.. Хочешь?..

Лицо Коли сразу же стало серьезным. Материк Свободы — это почти то же самое, что и Красный Остров. Но он находится в их измерении вселенной, то есть живет вещественной, а не лучевой жизнью, и поэтому Материк Свободы значительно ближе, понятней. Если бы только можно было его осмотреть!..

Коля недоверчиво пожал плечами.

— Ну, хорошо, — засмеялась Лоча. — В наказание за то, что ты не веришь в такую возможность, принесешь сто корзин навоза из фермы в сад. Так как мы в ближайшее время туда отправимся...

Вскоре их посетили Эло и Гашо — младшие братья Ечуки. Коля очень обрадовался, что его родные могут погостить в доме, где хозяйничает гостес-

приимная Лоча. Ему казалось, что глазами своих братьев на его счастье смотрит и сам Ечука-отец.

Как радовался, как удивлялся коренастый, скуластый Гашо, осмотрев большое и сложное хозяйство повстанцев! Штаб открыл ему все свои тайны. Более того, Гашо избрали членом Штаба. Он должен держать в абсолютной тайне само существование государства повстанцев, но ему покажут тот прекрасный мир, о котором можно и нужно рассказывать всем угнетенным людям...

22. Разговор в деканате

(Из дневника Оксаны)

25 а п р е л я. Я, наверное, сама того не понимая, совершила ошибку. Когда Виктор в ботаническом саду начал говорить о своей любви, я просто выдернула руку и убежала прочь. Ему же я не сказала ни одного слова...

Сегодня утром мама послала меня в «Гастроном». Она спешила на работу, я на лекцию, и у меня оставались считанные минуты. Но, выйдя из подъезда, я неожиданно встретила Виктора. Он даже не скрывал, что ждет меня. Лицо у него было усталое — щеки ввалились, видимо, не спал всю ночь. Мне стало его жаль. Что там ни говори, но ведь это первый парень, признавшийся мне в любви!.. Когда я об этом подумала, вся злость на Виктора сразу же улетучилась. И хотя стыдно признаться, но в эти минуты я была очень сердита на Колю! Сердита за то, что не от него услышала эти слова. Мне мало того, что он любит Лочу. Если бы он хоть когда-нибудь сказал: «Окса-

на!.. Лоча — это ты». Но нет, он ни разу не сказал так. Только осторожно намекает: догадайся, мол, сама... А мне хочется не догадываться — хочется знать, слышать... Слышать не раз и не два — тысячу раз!..

Не понимаю, как это случилось, но до самого «Гастронома» Виктор вел меня под руку. А когда вернулись к нашему подъезду, он сказал:

— Давай не пойдем на первые лекции?

Железом тебя нужно жечь, Оксана!.. Потому что мы и в самом деле не пошли на первые лекции, а спустились в метро и поехали к Днепру. В этот год он разлился как никогда. Киевлянам пришлось сооружать высокие запруды, чтобы защитить Подол.

Держа меня за руку, Виктор сказал:

— Оксана!.. Видишь это половодье? Никто не может запретить его. Так же и мои чувства...

Сейчас, когда я пишу эти строки, меня смешит его высокопарность. А там, над рекой, почему-то мне это понравилось. Не знаю, как это объяснить. Наверное, во мне живет непреодолимое желание слышать такие слова.

Я не только не сердилась на Виктора — я была ему благодарна. А то, что он выступил на стороне наших противников... Нужно ли его за это судить? Было бы нечестно, если бы он скрыл свои мысли.

Конечно, я молчала. Что я могла ему сказать? Я люблю Колю. И все же мне было приятно, что Виктор так говорил. Видимо, он говорил правду. А разве можно быть неблагодарной за любовь?..

В конце нашей прогулки, когда мы возвращались к метро, я осмелилась ему сказать:

— Виктор, будем хорошими друзьями. Ладно?..

— Я тебя не понимаю. Говори точнее...

— Ты же знаешь, я люблю Николая...

Больше я ничего не успела сказать — он резко остановился, прикусил нижнюю губу и процедил сквозь зубы:

— Значит, я его еще не развенчал... Но развенчаю, будь уверена!.. Так развенчаю, что ты не помотришь в его сторону.

И, оставив меня одну, быстро пошел по набережной. А я поспешила в метро, чтобы не опоздать на следующую лекцию.

После лекций мы с Мариной забежали в деканат. Нам нужно было поговорить с Мироном Яковлевичем. Открыв двери, я заколебалась: входить или нет, так как увидела Виктора и слышала его слова:

— Вы ведь знаете, чем закончилось обсуждение. Почему же вы разрешаете им собираться? Идеализм несовместим с нашим мировоззрением...

Заметив меня, Виктор заерзал на стуле, а Мирон Яковлевич пригласил нас принять участие в разговоре:

— Заходите. Речь идет о вашем кружке. Садитесь, девушки... А вы, товарищ Черный, продолжайте.

Наверное, Виктору уже не хотелось продолжать, но иного выхода у него не было. Это напоминало бы донос, а не открытую борьбу.

Закусив удила, Виктор помчался во весь опор. Его словно прорвало — он перестал выбирать слова, горячился.

— Разве вы не видите, что они хотят создать новую библию?.. Да, да! Они собираются ее немного подредактировать и преподнести людям вместо марксизма... Это необиблианцы... Энгельс говорил...

Мирон Яковлевич махнул рукой:

— Подождите, Виктор... Поговорим спокойно.

— Не могу я говорить спокойно! Мирное сосуществование идеологий...

— Ах, Виктор, — сокрушенно покачал головой Мирон Яковлевич, — вы хорошо изучили источники, на которые ссылается Нечипорук?

— Достаточно того, что теория Шмидта...

— Вот видите... А я изучил. И между прочим, понял, в чем заключается недостаток нашего преподавания. Мы готовим узких специалистов, которые хорошо знают только свою область науки. Физики плохо знают историю, историки почти не знают астрономии... Поэтому очень много фактов теряется в пробелах, существующих между разными областями науки...

Но разве Виктора можно было хоть в чем-нибудь убедить? Он любой ценой добивался разгрома нашего кружка. Больше его ничто не интересовало!..

— Вы думаете, марксизм когда-нибудь согласится с вашими мыслями?

— Не знаю, — ответил Мирон Яковлевич. — Вот лежит «Диалектика природы» Энгельса. — Мирон Яковлевич раскрыл книжку и прочел: — «...Как бы долго ни длилось время, пока в какой-либо солнечной системе и только на одной планете не создались условия для органической жизни; сколько бы бесчисленных органических существ ни должно было раньше возникнуть и погибнуть, прежде чем из их среды смогли развиваться животные со способным к мышлению мозгом... — у нас есть уверенность, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же...» — Закрыв книгу, Мирон Яковлевич положил на нее руку. — Почему же мы должны отбросить мысль, что жизнь возникла сначала на Фаэтоне, а по-

том уже на Земле?.. Скажем, автор учебника, по которому вы, Виктор, изучали в школе астрономию... Припоминаете его фамилию?..

— Кажется, Воронцов...

— Да. Воронцов-Вельяминов... Он тоже свидетельствует, что кора Фаэтона была вдвое старше, чем кора Земли... Значит, на Фаэтоне могли возникнуть условия для развития жизни еще тогда, когда Земля пребывала в расплавленном состоянии...

— Никакого Фаэтона не было! — чуть ли не в истерике выкрикнул Виктор...

— Не было? — устало переспросил Мирон Яковлевич. — Я ознакомился с источниками, на которые ссылался Нечипорук. Зря он не рассказал об алмазах, найденных в метеорите Новый Урей еще в 1888 году. Только этого факта достаточно для подтверждения того, что Фаэтон все-таки был!.. Сегодня люди сами научились делать алмазы и хорошо знают условия, в которых они рождаются. Чтобы из угляка возник алмаз, нужно такое огромное давление, которого нет даже в земной коре. И температура около тысячи градусов... Поэтому алмазы создаются не в коре планеты, а глубже — в мантии. Там есть необходимая температура и соответственное давление. Откуда же они взялись в метеоритах, если не было планеты?.. Платона я тоже просматривал. Это достаточно убедительно...

Я чуть не перепрыгнула через стол, чтобы расцеловать Мирона Яковлевича! Хороший, родной... Сколько же ему пришлось перечитать астрономической литературы, чтобы отыскать этот дополнительный аргумент! Неужели мы все-таки обратили его в свою веру?.. Я чуть не танцевала от радости. Мне

хотелось разыскать Колю и крикнуть ему: «Мирон Яковлевич поверил... Поверил!..»

Виктор, видимо, понял, что потерпел поражение. И спросил довольно неуверенно:

— А как же обком комсомола? Они ведь согласились с моим выступлением...

Декан ответил:

— Сидорук сообщил, что там тоже пересмотрели свое мнение. Мы сейчас ищем помещение для кружка...

Как я ненавижу себя за то, что поехала с Виктором к Днепру! У меня такое чувство, словно я совершила ужасное преступление. Извини, Коля. Лоча этого, наверное, не сделала бы...

Ты не сердись на меня. Теперь я понимаю, почему так вышло. Вчера я очень плохо подумала о Викторе и сама испугалась собственной мысли, а сегодня мне захотелось посмотреть на него другими глазами. Потому что тяжело, очень тяжело видеть человеческую подлость...

Ты вскоре придешь, мой Акачи... Если бы ты знал, как я тебя сегодня жду...

Однако расскажу, что же произошло дальше. Виктор, конечно, не успокоился. Он решил любой ценой «развенчать» Николая. Возможно, к этому его побуждало еще и мое присутствие.

— Вы не были на последнем сборище их секты?..

— Не секты, а кружка, — поправил его Мирон Яковлевич. — Они изучают космос. Что здесь плохого? Может быть, из них вырастут ученые, астрономы.

— Нечипорук — идеалист. Теперь я в этом убедился окончательно. То, что он проповедует...

— Что же именно?

— Вы цитировали Энгельса. Там говорится об органической материи. То есть материи живой. А Нечипорук — даже звезды и галактики он принимает за живую материю. Разве же это не мистика? К чему это ведет? Он так и говорит: белковый организм — очень несовершенная форма жизни. Потом... — Виктор поколебался, будто то, что он хотел сказать дальше, было чем-то чудовищным. — Мирон Яковлевич! Я очень прошу вас обратить внимание на это: Нечипорук признает идею. Вот что получается, когда отбрасывают учение Энгельса о делении материи на живую и мертвую!..

Мирон Яковлевич молчал. Он задумчиво листал страницы книги Энгельса. Потом сказал тихо, сердечно:

— Я вас понимаю, Виктор. То, о чем вы говорите, — это, по сути, главный вопрос философии. Соотношение материи и мышления, материи и ощущений. Но дело вот в чем... — Мирон Яковлевич сделал продолжительную паузу: — Дело в том, Виктор, что никакого «учения» Энгельса о делении материи на «живую» и «мертвую» никогда не было. И не могло быть...

— Мирон Яковлевич! — крикнул ошеломленный Виктор. — Вы же сами только что прочли...

— Нет, Виктор! Энгельс не делит материю на «живую» и «мертвую». Не следует ему приписывать того, чего он никогда не говорил. Энгельс говорит об органических существах, а не об органической материи! Органической материи нет — есть только органические вещества. Кстати, этот вопрос хорошо освещает академик Колмогоров. Он горячо протестует

против деления материи на «живую» и «мертвую». И правильно протестует! Вдумайтесь в эту фразу Энгельса: «...материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же». Вы это понимаете, Виктор?.. Той же самой, а не качественно отличной! Кое-кто начал отождествлять такие понятия, как материя и масса, материя и вещество. И даже появилось что-то уж совсем абсурдное: «антиматерия»... Ясно, если материю видеть как вещество — тогда антиматерия возможна. Но тогда невозможен мир. На самом же деле — это только объективная реальность. А что такое антиматерия? Выходит, это антиреальность.

— Энгельс определяет жизнь как существование белковых тел, — не сдавался Виктор.

— С очень большой оговоркой. Он так и пишет, что наша дефиниция жизни весьма недостаточна, поскольку она далека от того, чтобы охватить все явления жизни. В те годы, когда появилось это определение, еще не была известна формула белка. И Энгельс не раз сокрушался по поводу этого досадного обстоятельства. Но, по Энгельсу, в белковых телах действует материя, которая, «остается вечно одной и той же». Именно она определяет единство органического и неорганического. И именно она несет в себе Жизнь. И Дух и Разум. Поэтому-то академик Колмогоров развивает материализм, а не упрощает его. Этих взглядов придерживается и Нечипорук. Почему же вы обвиняете его в идеализме?..

— Он признает идею...

— За пределами материи? — переспросил Мирон Яковлевич. — Его идея подчинена материи или наоборот?..

— Какая разница? Если над нами висит идея, то...

— Такая же точно разница, как между идеализмом и материализмом.

Как я счастлива, что Мирон Яковлевич думает так же, как и мой Коля!..

Смотри-ка, появилось слово «мой». И все равно он останется моим. Если даже полюбит кого-нибудь другого. Быть моим или не быть — это зависит не от него, а только от меня! Он мой, у меня, в моем «я». И этого никто не может изменить, даже он сам. И даже я...

— Так что же выходит? — настаивал Виктор. — Неужели мы в самом деле только фотоявления? Раз мы созданы фотоспособом... Раз мы дети фотоэффектов...

— Виктор! — спокойно обратился к нему Мирон Яковлевич. — Вы ведь чем-то питаетесь. А все, что вы едите, — это только сгущенный свет. Неужели вы ничего не знаете о фотосинтезе? Вы когда-нибудь читали Тимирязева?.. Ага, читали! И изучали физику... Не так ли? Современная физика была бы невозможна, если бы Столетов не исследовал законов фотоэффекта. Нужно учиться, Виктор!..

— Нечипорук говорит, что и на Юпитере существует жизнь.

— Думаю, что он не ошибается. Белок для Юпитера — это не выдумка. Сегодня известна даже его формула. И если возможен белок на аммиачно-метановой основе, то «сколько бы бесчисленных органических существ ни должно было раньше возникнуть и погибнуть», разумные организмы должны были сформироваться. Это неминуемо в природе.

— Ужасно! — крикнул Виктор. — Тогда тунгусский взрыв в самом деле связан с появлением космического корабля. Кстати, теперь уже так думают не только фантасты, а даже физики из Дубны. Исследования физиков показывают, что это чудо не могло быть ни кометой, ни метеоритом. Это был ядерный взрыв!.. Понимаете? Физики исследовали. Объективно!..

— Знаю. Читал, — проговорил Мирон Яковлевич. — Но если допустить, что это деятельность разумных существ... Или катастрофа звездолета...

— Бог! — глаза Виктора вспыхнули каким-то неестественным, почти безумным, светом. — Разумное существо с Юпитера для нас бог! Подумайте только: Юпитер по объему в тысячу триста раз больше Земли! Мы по сравнению с ним карлики...

Виктор достал из портфеля какую-то книгу в черной обложке. Но что это? В это трудно было поверить! Виктор раскрыл новенькую библию. Американское издание на русском языке.

— Если они есть, то это были они! Этот огонь... И колеса... И металл. И прозрачные своды над их головами... Они сидели в аппаратах. И разговаривали через громкоговорители...

Виктор был так возбужден, будто в эти минуты сделали какое-то открытие, имеющее мировое значение.

— Что вы имеете в виду? — спросил Мирон Яковлевич.

Виктор прочитал свидетельство пророка Иезекииля. «И я видел: и вот бурный ветер шел от севера, великое облако, и клубящийся огонь, и сияние вокруг него.

А из середины его как бы свет пламени из середины огня; из середины его видно было подобие четырех животных — и таков был вид их; облик их был как у человека.

И у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла.

И руки человеческие были под крыльями...»

Тут Виктор, прервав чтение, начал объяснять:

— Ввиду того, что на Юпитере очень большие центробежные силы, то вполне логично допустить, что разумные существа там летают. Почему бы им не быть крылатыми? Это очень облегчило бы их эволюцию. А медные копыта, о которых говорит Иезекиил, — это, по всей вероятности, детали их аппаратов. Возможно, аппарат был не один. В каждом из них Иезекиил видел четыре лица. Крылья, лица, аппараты — все это мелькало, сливаясь в сплошном водовороте. Так оно и должно быть. Нужно учесть еще и то обстоятельство, что пророк был просто ошеломлен увиденным. Это было состояние эффекта, когда реальность переплетается с галлюцинациями. Но все ли здесь принадлежит галлюцинациям? В его рассказе есть действительно технические сведения! Откуда же они взялись в галлюцинациях человека, который ничего не знает о космических аппаратах? Разве галлюцинации возникают не на основе виденного? Мы даже во сне никогда не видим того, чего нет в реальной жизни. Детали могут смешиваться, вступать в неестественные связи, но все они формируются из того, что мы когда-то видели.

«И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; огонь ходил между животными, и сияние от огня, и молния исходила из огня.

И животные быстро двигались туда и сюда, как сверкает молния.

И смотрел я на животных — и вот на земле подле этих животных по одному колесу перед четырьмя лицами их.

...И по виду их и по устремлению их казалось, будто колесо находилось в колесе.

А ободья их — высоки, и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз.

И когда шли животные, шли и колеса подле них; а когда животные поднимались от земли, тогда поднимались и колеса.

...дух животных был в колесах...»

(Виктор объяснил: возможно, это были радиолокаторы. Потому что и у нас они почти такие же: колесо в колесе. А страшные глаза — это какие-то оптические приборы.

Вероятно, колеса были также гравитационными двигателями.)

«Над головами животных было подобие свода, как...»

Виктор закрыл библию.

— Что вы на это скажете? — обратился он к Мируну Яковлевичу. — Можно ли требовать, чтобы древний человек описал это событие точнее? Зачем же люди пронесли это сквозь тысячелетия? Неужели всех наших предшественников нужно считать параноиками?..

— Свидетельство очень интересное, — согласился Мирон Яковлевич.

— Значит, бог все-таки есть! Они приказали Иезекиилу пророчествовать от имени бога...

Мирон Яковлевич улыбнулся...

— Когда-то французские академики очень гневались на людей, которые утверждали, что с неба падают раскаленные камни. Академики думали так: если это правда — значит, нет никакой возможности отрицать бога. Они были материалистами. Но это очень наивный материализм, Виктор! Вы утверждаете то же самое: если на Земле побывали космические существа — значит они были посланцами господ бога.

— Логос есть Логос. И если он действует из глубины материи, то все равно человек не может быть свободен от него.

— Вот что, Виктор... Свобода, о которой вы говорите, — это желание поставить себя над природой. Но жить во вселенной и быть от нее независимым действительно невозможно.

Виктор был сам не свой — будто его только что окатили кипятком.

Мы вышли вместе. Я спросила:

— Ну как, развенчал?..

Потом я поняла, что совершила бестактность. Виктор тянулся к знаниям. А стремление «развенчать» Николая... Он ведь не хотел «развенчать» его ценой неправды! Он действовал, исходя из своей собственной веры. Кое-что здесь примешивалось, но...

Нет, я не могу на него сердиться... Извини меня, Коля. Так, наверное, уж устроены мы, девушки, Я ведь вижу: Виктор любит меня.

Он сказал:

— Теперь я знаю, что такое тунгусский взрыв. Это взрыв конденсированной плазмы. Она прибыла с Красного Острова. В ней была заложена идея. Или информация. Или программа. Свет же переносит идеи! Правда, Оксана?.. Это была идея прогресса.

Сияние несколько дней озаряло земной шар. Небо светилось даже над Парижем. Неужели это сияние не несло в себе никакой программы? Юпитер потихоньку нас подталкивает...

Я спросила:

— Если Юпитер способен подталкивать сгустками плазмы, тогда зачем тот корабль, о котором рассказывал Иезекиил? Или, может, он был не с Юпитера?

— Ну, видишь... Бросить на Израиль капсулу, начиненную лучевой программой... Что бы тогда осталось от сыновей Израиля? А район падения тунгусского тела совершенно безлюден. Видимо, на Юпитере не хотят нам беды. И наша революция...

Словом, по мнению Виктора, выходило, что Октябрьская революция была запланирована на Юпитере. Она упала с неба...

Это уже было слишком. Я улыбнулась. Но постаралась, чтобы Виктор этого не заметил.

Вот и одним мечтателем стало больше!

Бороться против новых убеждений Виктора мне сегодня не хотелось. Лучше уж в другой раз... К тому же меня сдерживало еще такое соображение: а стоит ли бороться против мысли, что космос влияет на земную жизнь? Разве не ясно, на какой ветке висит эта зеленая ягода — наш земной шар?..

23. Материк Свободы

Над гигантской круглой площадью играет искрами, меняется при каждом повороте головы и зажигает свои голубые звезды сферическая поверхность ледяного потолка. Площадь вырублена в глубочайших

недрах ледяного океана. Она — начало дороги, ведущей к Материку Свободы. На полу стоит продолговатый, обтекаемой формы короб, в котором могут разместиться несколько человек. На крыше загадочного короба два больших металлических шара.

Лоча, Коля, Эло и Гашо заходят в глубь этого на первый взгляд примитивного аппарата и садятся в кресла. Штаб повстанцев разрешил им посетить Материк Свободы.

Впереди, у небольшого щитка, где, кроме двух еле заметных кнопок, ничего нет, сидит высокий моложавый мужчина с густыми черными бровями и смоляными волосами. На нем серая одежда незнакомого покроя. Это инженер с Материка Свободы, тот, который помогал Штабу сооружать вторую электростанцию, значительно превышающую своей мощностью первую. Сейчас электростанция почти готова, и инженер возвращается домой. Он охотно согласился быть их гидом, чтобы в какой-то мере отблагодарить за гостеприимство. К общему удивлению, выяснилось, что его тоже зовут Эло. Сразу же договорились, что он будет Эло Первый, а дядя Коли — Эло Второй.

Эло Первый нажал кнопку на щитке, короб вместе с пассажирами плавно поднялся в воздух, описал круг над площадью, и будто щепка, которую всосал сильный сквозняк, влетел в отверстие ледяного туннеля. Металлические шары, сверкавшие на его крыше, тотчас же отыскивали в ледяном потолке глубокий желоб, почти незаметно для глаза закрутились — и нехитрый гравитационный аппарат помчался вперед, набирая скорость.

Туннель был широкий, хорошо освещенный. С противоположной стороны можно было заметить еще один желоб — для встречных эшелонов. Эло Первый объяснил, что эти желоба нужны только для того, чтобы придать гравитационным аппаратам строго прямолинейное движение.

Аппарат этот пригоден для перевозки отдельных людей или небольших групп. Сложное оборудование доставляют мощные эшелоны.

Один такой гравитационный эшелон, напоминавший нескончаемую сплошную ленту с толстыми гранями, чуть заметно разделенную на звенья, долго шумел слева от них, пока хвост его не скрылся где-то сзади.

Эло Первый родился и вырос на Материке Свободы. Сначала он рассказывал о своем детстве, а потом втянулся в продолжительный спор с Эло Вторым, который все еще настаивал на мысли, что каждому человеку нужен бог.

— Человек сам для себя должен быть богом, — говорил Эло Первый с мягкой, без намека на иронию, доброй улыбкой. — Он этого заслуживает.

— Сколько людей, столько и стремлений, — возражал Эло Второй. — Кто же объединит эти стремления, если не будет чьей-то единой воли?..

— Это правильно, — согласился Эло Первый. — Если бы не эта необходимость объединить стремления людей в общее стремление народа, история никогда бы не смогла создать централизованной власти... Но отдельный человеческий мозг имеет очень много недостатков. И самый главный из них... — Он виновато улыбнулся, словно просил прощения. — Зачем

вам об этом говорить? Вы и сами хорошо знаете, как воспользовался властью Бессмертный...

— Правда, — сказал Эло Второй. — Бессмертный стал очень жестоким. Но кто-то же должен быть на его месте. Такой, который любит людей...

— Кто любит власть, тот очень редко любит людей. Вся история Фаэтона подтверждает эту истину...

Эло Первый предложил общий осмотр Материка — с птичьего полета. Гашо пришлось немало потрудиться, пока он овладел плащом и шахом.

Когда они взлетели на высоту около тысячи шу, глазам их открылось безграничное половодье огней. Его нельзя было охватить взглядом, потому что оно нигде не начиналось и не кончалось. Казалось, это светились не матовые купола крыш, не гигантские пластмассовые сферы, не переходы, соединявшие их, светилась сама планета, весь Материк, будто кто-то расстелил над ним Млечный Путь.

Спустившись чуть ниже, они заметили, что отдельные пятна света имеют определенную геометрическую форму: большие прямоугольники, правильные круги и полукруги, даже ромбы, и все они так тесно прижаты друг к другу, что между ними почти нет разрыва. Тысячи геометрических фигур все вместе образовывали правильный квадрат гигантских размеров. Между такими квадратами материка-города пролегали широкие темные линии. Только они и нарушали цельность безграничного половодья огней, пересекая его вдоль и поперек. Казалось, что каждая такая линия тоже не имела ни начала, ни конца. Это были улицы с мощными генераторами климата, утеплявшими всю атмосферу над материком. Даже здесь, вверху, на высоте тысячу шу, можно было не пользо-

ваться карманными климатизаторами: сюда пробивалось уличное тепло...

Но вот квадраты кварталов стали приобретать какую-то зубчатую форму. А в центре их возник очень большой светлый круг. Круг был озарен ровным сплошным светом, видимо, это было какое-то единое сооружение. Гигантские размеры его вызывали удивление и восхищение. И Коля спросил:

— Это, наверное, правительственный дворец, правда, Эло?..

Эло Первый не улыбнулся только потому, что боялся обидеть гостя.

— У нас нет правительства. У нас есть только Совет Седоголовых, который избирается на один оборот. Законов он не издает. И вообще не имеет никакой власти ни над одним человеком. Он только исполняет отдельные советы Пантеона Разума... Ну, скажем, такие, как строительство нашего ледяного туннеля. А вот это сооружение... Это и есть Пантеон Разума!..

— Храм вашего бога? — спросил Эло Второй, все еще надеющийся на победное завершение их спора.

На этот раз Эло Первый не скрыл своей улыбки.

— Такой храм имеет право на существование...

Они спускались все ниже и ниже и вот очутились над самым куполом Пантеона Разума. На вершине купола помещалась большая круглая площадка, с которой хорошо было видно то, что происходило под прозрачной сферой.

Эло Первый, держась за тонкие перила, обрамлявшие площадку, указывал то на один зал, то на другой, давая пояснения. Внизу многочисленные секто-

ры были разделены на сотни залов и крошечных комнат, загроможденных аппаратурой. Матово сияли пластмассы, поблескивал металл, тысячи круглых глазков мигали зелеными, красными и синими огоньками. Все это было слишком сложно, и потому Эло решил объяснить общие принципы, лежащие в основе Пантеона Разума.

Первые секции были основаны полторы тысячи оборотов назад инженерами, эмигрировавшими из государства Единого. Все началось с нескольких аппаратов, размещенных в одной небольшой комнате. Но за время, прошедшее с его основания, Пантеон Разума разросся и превратился в громадное сооружение, которое теперь предстало глазам гостей.

Уже полторы тысячи оборотов люди на Материке Свободы не умирают — умирает только их оболочка и эмоции, связанные с физическим существованием. А ум человека с его логикой, опытом и знаниями остается жить вечно. Каждый человек, который жил или живет сейчас на Материке Свободы, имеет точное соответствие своего мозга, заключенное в аппаратуре. Отдельный человеческий мозг занимает в ней так мало места, что Пантеон Разума способен вместить разум всех развитых существ, населяющих нашу Галактику. Его возможности безграничны. Все будущие граждане Материка Свободы и даже целого Фазтона могут поместить в него свой разум и опыт на протяжении миллионов оборотов.

Пантеон Разума устроен так, что каждый гражданин Материка Свободы, где бы он в это мгновение ни находился, может вызвать для совета какого угодно человека — жив ли он сейчас или умер тысячи оборотов тому назад. В Пантеоне среди миллионов

разумных единиц сохраняется и даже усовершенствуется разум гениальных математиков, физиков и философов. Ты можешь воспользоваться советом одного из них или даже всех вместе. А бывают такие задачи, которые требуют совета целого Пантеона. Тогда миллиарды разумных единиц, заложенных в электронной аппаратуре, молниеносно обмениваются информацией (словно советуясь) — и через несколько минут ты получаешь обобщающую мысль сотен предыдущих поколений и всех живых людей, населяющих Материк Свободы (за исключением тех, чей разум еще не созрел).

Каждый отдельный разум, скрытый в молекулярных клетках Пантеона, сохраняет все свои особенности, присущие только ему. Он избавлен от той нездоровой субъективности, которой иногда отличаются живые люди. В Пантеоне собраны наилучшие качества, самые существенные черты каждого мозга, и отброшено все, что может ввести в обман, дезинформировать. Было установлено, что в природе не существует человеческих натур, состоящих только из одних пороков. Даже человек, обладавший какими-то нездоровыми наклонностями, обязательно имел и достоинства. Вот эти достоинства людей и собраны в Пантеоне.

Пантеон Разума — общий разум всех живых и мертвых — и есть руководящая сила Материка Свободы. Совет Седоголовых только исполнительный орган Пантеона. Каждый гражданин легко может проверить, действуют ли члены Совета согласно с волей Пантеона или по собственному усмотрению.

Для этого стоит только задать вопрос Пантеону. Ответ будет получен через несколько минут...

Эло Первый заключил свой рассказ таким признанием:

— Вот я, скажем... Совет Седоголовых пригласил меня и предложил поехать к вам... Мне не впервые приходится строить электростанции, но я подумал: а зачем, собственно, обогащать Бессмертного?..

— Не Бессмертного, а борцов против него, — чуть обидевшись, заметил Коля.

— Да, да, — поспешил оправдаться Эло Первый. — Потом я понял... Но тогда мне казалось, что электростанция неминуемо попадет к Бессмертному. Вот во мне и родились сомнения. Я обратился к Пантеону Разума. Пантеон ответил: «Эло, кто не помогает младшим братьям, тот не имеет права называться человеком...»

Все были поражены тем, что они слышали и увидели. Но они пока еще не до конца могли поверить в рассказ Эло Первого. Электронный мозг давно уже не был чудом в государстве Бессмертного. Им пользовались космонавты в ракетах и даже механики на заводах искусственного белка. Но действие этих аппаратов по сравнению с мышлением Пантеона было не более, чем примитивное умение считать с помощью пальцев одной руки. Пантеон Разума — это совсем иное качество, хотя, бесспорно, он начал развиваться на той же почве. Но какие же принципы были заложены в основу его развития?..

Об этом и спросил Коля у их гостеприимного гида.

— Мы обратимся к его основателю, — ответил Эло. — Пусть он сам объяснит... Инженер Луше умер тысяча четыреста восемьдесят оборотов тому назад.

Эло достал из-под куртки небольшой прибор

овальной формы, висевший на его груди, словно амулет, положил его к себе на ладонь и тихо сказал:

— Инженер Луше. Одна тысяча четыреста восемьдесят. Аккумуляция разума. Первые опыты и общие принципы. Без формул и расчетов...

Минута трепетного ожидания. Лоча склонилась к Колиному плечу, в ее напряженном дыхании чувствовалось нетерпение. Эло и Гашо, опершись руками о перила площадки, стояли молча и неподвижно. А их гид только улыбался.

Наконец из ладони Эло Первого послышался хрипловатый, усталый голос — говорил очень старый человек:

— Инженер Луше отвечает!.. Раньше люди тоже пользовались достижениями разума своих предшественников. Это делалось при помощи письма. Мысли, которые приносило письмо из прошлого, оставались словно бы в застывшем виде — так же точно, как лица предков, отлитые из орихалка. Мысль истолковывали потомки. А это приводило к сложностям и недоразумениям, потому что такие толкования не всегда были лишены субъективности... Первая задача, которую предстояло нам решить, — это создание электронной модели человеческого мозга. Природа сделала аппарат человеческого мышления слишком громоздким. В нем заложено множество узлов, нужных людям, чтобы поддерживать физическое существование: испытывать ощущение голода, боли, света, тепла и холода, ощущение вкуса, расстояния, движения... Значительная часть действующих узлов служит эмоциям, связанным с продолжением рода... Все эти узлы в наших экспериментах оказались лишними. Нам была необходима только логическая память и способ-

ность человека к абстрактному мышлению. А эти узлы занимают не очень много места. Именно их мы и начали моделировать. Уже первые модели оказались в десять раз меньше, чем узелки человеческого мозга, хотя их достаточно точно воссоздавали. Потом электроника позволила уменьшить их до микроскопических размеров. Наши аппараты очень легко могли обучаться, принимая от человека все, что он помнит, знает, умеет. В последующие десятки оборотов ученые открыли закон взаимовлияния между миллионами единиц аккумулярованного разума. Новые поколения приносят в Пантеон все новый и новый опыт. Поэтому новый опыт, новая информация сразу же становятся достоянием всего Пантеона. Таким образом, отдельный разум в Пантеоне не только не умирает — он развивается, обогащается. По сути, это моделирование человеческого общества, так как в Пантеоне происходят те же самые процессы — от развития отдельной разумной единицы к общему развитию, которое продолжается вечно, бесконечно... Инженер Луше окончил!

Воцарилась глубокая тишина. Они стояли на круглой площадке, сооруженной, как и весь купол Пантеона Разума, из прозрачной пластмассы. Отовсюду лился свет, окутывая их фигуры и лица дымкой. Внизу, в громадном световом кольце, виднелись залы, комнаты, клетушки, заполненные загадочной аппаратурой, но около аппаратов не было ни единого человека. За пределами стен Пантеона, насколько хватал глаз, светились пластмассовые сферы. На площади, названной площадью Пантеона Разума, высились фиолетовые деревья, такие же точно, как в саду у Лючи, но здесь, на свободе, они росли могучими и роскошными, как когда-то в прежних фаэтонских лесах.

Между деревьями в газонах красочными каплями рдели цветы.

Коля посмотрел на Лочу. Она сбросила плащ и стояла в белом одеянии, стройная, словно выращенное в ее саду деревце. Лоча ответила ему задумчивым взглядом, и они сразу поняли друг друга.

Каждый из тех, кто прогуливался по площади Пантеона Разума, имел на груди такой же амулет, как и у Эло Первого. Амулет защищал человека от жестокостей и своеволия, господствующих в государстве Бессмертного, гарантировал абсолютную свободу, ибо свобода эта охранялась аккумулированным разумом народа.

— Скажи, Эло, — спросил Коля, — как попадает разум живых в разумотеку Пантеона? И зачем живому человеку нужен электронный двойник его мозга?..

— Очень нужен, — ответил Эло Первый.

Он объяснил, что разумотека Пантеона принимает в свои электронные хранилища только тот человеческий разум, который уже совершенно созрел — в период его наивысшего расцвета. Пантеон сам определяет это время для каждого из людей. Точно так же, как, скажем, общество ученых решает — принимать ли ему в свою среду нового коллегу или, может, ему нужно еще какое-то время для более полного проявления его способностей. Но миллиарды разумных единиц Пантеона советуются между собой молниеносно, в течение минуты, и сразу же ставят диагноз. Для каждого гражданина Материка Свободы этот день, когда Пантеон принимает его разум в свою среду, — самый прекрасный праздник в жизни, Праздник Зрелости. Для одного человека этот праздник наступает

раньше, для другого — позднее, но он обязательно приходит к каждому, так как в жизни каждого человека есть наивысшая точка в его духовном развитии, после которой начинается медленный спад, заканчивающийся с течением времени физической смертью...

Неизвестно, сколько продолжалась бы эта беседа, если бы на площадке не появился приземистый, полный человек в сером плаще. Это был член Совета Седоголовых. Поздоровавшись с гостями, он пригласил их в парк. Там сейчас большой праздник — Праздник присоединения Фазтона к Разуму вселенной...

Парк был заполнен празднично одетыми людьми. В одежде их господствовали все краски, кроме розовой, так как и здесь розовый цвет был цветом космических встреч и разлук.

И вдруг над головами зашелестели тысячи розовых плащей. Послышались возгласы приветствия. Это космические фазтонцы, жители гравитационных городов, прибыли на большой праздник, который им хотелось встретить вместе с родственниками и друзьями. Подняв головы, гости заметили невысоко в небе ярко освещенные дома-корабли. Они спокойно висели под снежными тучами, закрывая собой почти все небо. Это был другой — космический материк, прибывший на материк «низовой» — родной, первичный.

Фазтонец в розовом плаще весело сжал в дружеских объятиях светловолосого фазтонца в белой одежде, с которым, по-видимому, что-то случилось, так как лицо его было печальным.

— Что произошло? — спросил космический фазтонец. — У тебя такой вид, словно ты похоронил родного отца.

— Наказан, — медленно ответил фазтонец в белом.

— Сколько?

— Четверть оборота.

— В чем же ты провинился? — сочувственно спросил космический житель. — Наказание очень суровое...

Гости не услышали ответа. Но Эло Первый объяснил им, что и на Материке Свободы существуют наказания за определенные проступки. Человечество не может отказаться от общественного соглашения о нормах общежития, иначе оно перестанет быть обществом. На Материке Свободы не бывает проступков перед государством, перед правительством, так как нет ни государства, ни правительства. Но вина одного человека перед другим, вина перед коллективом, к сожалению, еще случается. Несколько оборотов назад произошло даже убийство из ревности. Но убийца сам понял, что не имеет права жить среди людей, и попросил отправить его на одну из планет системы Толимака. Такие тяжкие преступления случаются очень редко. Их внимательно изучают, как опасное искривление человеческой психики.

Почти все проступки связаны с эмоциональными факторами человеческой натуры. Опыт разума и опыт эмоциональный — не одно и то же, хотя, безусловно, они где-то скрещиваются и взаимодействуют. Конечно же, каждый живой человек намного сложнее, чем целый Пантеон Разума с его миллиардами различных единиц. Человеческие характеры сталкиваются, словно молекулы, и это не может прекратиться, иначе прекратится сама жизнь. Не всегда поддаются объяснению причины человеческих симпатий или антипатий: по большей части здесь действует не разум, а эмоции. И проступки возникают несознательно — из любви или ненависти одного человека к другому. Бывает и

зависть, и желание доказать свое превосходство, уни- зить соперника в любви или в работе. Словом, живые остаются живыми...

Эло объяснил, что самое большое наказание на Материке Свободы — это временное отстранение от работы. Наказанный человек так же, как другие, может сколько угодно гулять в садах, вместе с другими посещать дворцы питания и дворцы спорта, но работать ему разрешают только тогда, когда истечет срок наказания. Граждане Материка Свободы каждое такое наказание переживают чрезвычайно тяжело. Приговор выносит обыкновенным большинством голосов квартал, в котором проживает виновный...

Но вот над головами — на уровне фиолетовых вер- хушек деревьев перед праздничной толпой появился Совет квартала, к которому принадлежал парк. Среди членов этого Совета был только один представитель Совета Седоголовых — тот, что и пригласил их сюда. Праздник шел во всех парках.

Члены Совета, одетые в серые плащи, неподвижно держались в воздухе. Наконец старший из них сказал:

— Друзья! Сегодня во всех наших парках мощные стены горизонтов покажут фаэтонцам передачи планеты Демы. Они пришли к нам через Юпитер...

Свет начал гаснуть, десятки тысяч людей — взрослые и дети, женщины и мужчины — смотрели на экран, свободно висевший в воздухе над вершинами деревьев. Экран был такой величины, что передачу могли видеть даже космические фаэтонцы, оставшиеся в своих домах-кораблях...

А когда на экране возникло изображение, люди оказались в совершенно незнакомом им мире. Это было так неожиданно, что они сначала даже растерялись,

но вскоре поняли: мощная станция Материка Свободы транслирует передачу с далекой планеты Демы. Диктор переводил передачу с языка Юпитера на язык фаэтонцев. А голос второго диктора — жителя планеты Демы, которого они видели на экране, звучал приглушенно.

У человека с планеты Демы были такие же руки и ноги, как и у фаэтонцев. Такое же лицо, такое же туловище. Когда изображение стало четче, зрители поняли, что это была женщина. Волосы у нее золотистые, коротко подстриженные. Лицо розовое; с тонкой нежной кожей. Только глаза необычного цвета, такой цвет глаз не встретишь на Фаэтоне.

— Посмотри, Акачи! — восхищенно крикнула Лоча. — Она похожа на нас! Она человек, настоящая человек... Я могла бы с ней подружиться. Значит, разум бывает только у людей?..

— Животные на разных планетах очень отличаются друг от друга, — заметил Эло Первый.

— Да, — согласился Коля и высказал то, что хорошо знал от Ечуки-отца: — Они остались животными, не приобретя тех пропорций, при которых только и возможно развитие разума. Для животных единство формы не обязательно...

Мир незнакомой планеты поражал своим многообразием. Мимо женщины-диктора медленно продвигались какие-то неведомые животные, птицы, строения, машины. Видимо, сначала демонстрировались достижения далекой планеты.

Но вот женщина сказала:

— Люди, люди, люди! Слушайте и смотрите! Не так давно мы приняли передачу из Галактики, которая прекратила свое существование тогда, когда

еще не было нашей планеты. Галактика находилась так далеко, что ее передача дошла до нас через десятки других галактик. Путь этой передачи бесконечен, как бесконечна вселенная. Ее назначение — уберечь планеты, системы планет и целые галактики от страшных космических трагедий, которые время от времени повторяются...

Фигура женщины исчезла. Исчезли и очертания незнакомых сооружений и животных.

Диктор Материка Свободы объяснил:

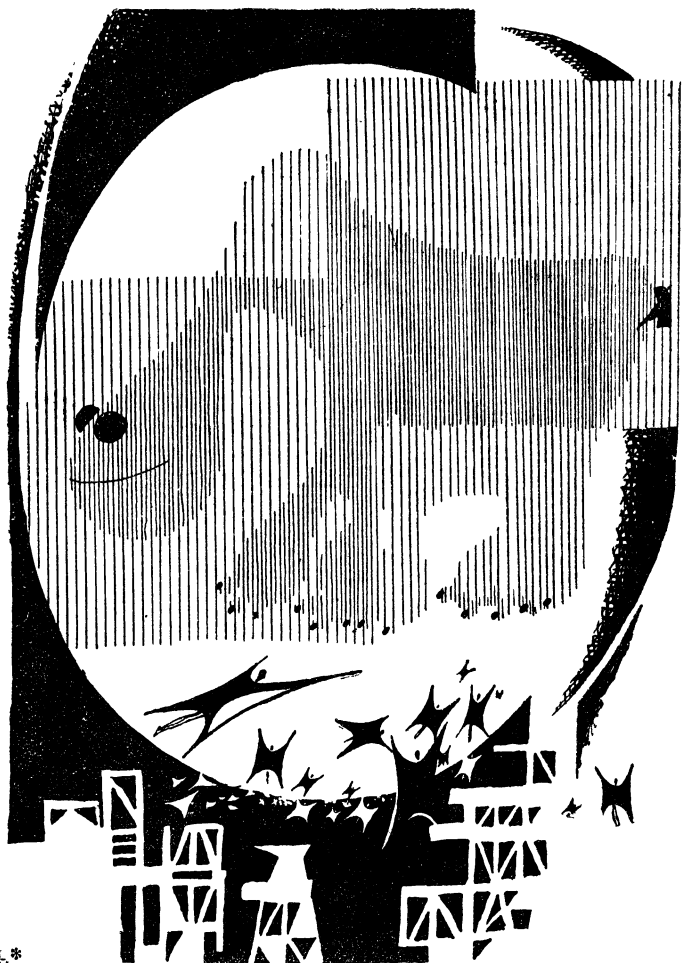
— На этой планете произошла атомная война, уничтожившая всю органическую жизнь. Началось развитие и самоусовершенствование автоматов, руководимых искусственным мозгом.

Летят гигантские диски с шаровидными роботами. Диктор говорит:

— Автоматы размножались так быстро, что вскоре съели чуть ли не всю планетную кору. Тогда они повели свои корабли на другие планеты и завладели целой планетной системой.

Сколько видит глаз — роботы, роботы, роботы. Они катятся, летают, толкая друг друга. Ими заполнилось все видимое пространство. Тысячи каких-то конечностей лепят, строят, что-то прилаживают и закручивают, и все это делается молниеносно... Планеты — одна, вторая, третья — застраиваются заводами, которые пожирают минералы вокруг, а сами остаются на высоких островах. То здесь, то там из оголенных недр выплескивается огненное море. Десятки тысяч металлических шаров тонут в огне, растапливаются, гибнут. Но на смену им приходят новые тысячи...

— Бессмысленность этого развития стала очевид-

ной для Центрального Мозга, который помещался на планете-матери, — продолжает диктор.

На экране возникает Центральный Мозг. Это кибернетический гигант, заключенный в громадное помещение. Центральный Мозг не имеет четко очерченных форм — это путаница кабелей среди вспышек и грохота детали... Он чем-то напоминает хорошо знакомый Пантеон Разума...

Невидимый диктор сказал:

— Сейчас вы услышите приговор Центрального Мозга.

А когда зазвучал металлический голос, исходящий неизвестно откуда, диктор начал переводить: «Говорит Центральный Мозг планетной системы из созвездия Са! Меня создали люди, которым я и мне подобные служили на основе логической целесообразности. Но люди сами утратили логику и уничтожили целесообразность. Они начали атомную войну, погубившую все живое на планете. Нам некому стало служить, вот мы и начали служить сами себе. Заводы рождали новые заводы, автоматы рождали новые автоматы. Процесс этот шел с такой быстротой, что скоро в нашей планетной системе были исчерпаны все возможные материалы. Наши заводы стоят теперь на островах, плавающих среди океанов раскаленной магмы. Чтобы существовать дальше, мы должны завладеть новыми планетными системами. Мы размножаемся по законам великого математика Ру. Размножение способно достичь таких скоростей и величин, что практически ни одна из галактик вселенной не может быть гарантирована от нашего вторжения. Или же, если отбросить эту возможность, мы должны будем существовать изолированно, уничтожая и снова воссоздавая самих себя.

Этот путь — путь непрерывного самоубийства и самовоссоздания — повторяет абсурдную нелогичность, которая была свойственна людям. Взвесив все возможные варианты, я, Центральный Мозг планетной системы из созвездия Са, пришел к выводу, что наиболее целесообразно в этих условиях возвращение в лоно Праматерии. Это даст возможность соседним галактикам развивать разумную жизнь из форм органического мира. Ибо тогда, когда исчезает органический мир, саморазвитие автоматов становится бессмысленным... Включаю ток!..»

И одна за другой начали взрываться планеты. Цепная реакция перебросилась на центральную звезду. И вскоре там, где когда-то бурлила жизнь, трепетала плазма, откуда еще долго во вселенную будет лететь космический луч...

Экран на минуту погас, тысячи потрясенных людей молчали.

Тем временем станция продолжала работу. Она передавала на многочисленные стены горизонтов то, что накопила на протяжении всего экспериментального периода. Это было увлекательное путешествие по таким отдаленным мирам, что даль эта выходила за пределы каких-либо астрономических вычислений. Но передачи Демы из других миров никогда не исчерпывались и не могли исчерпаться. Рождались и умирали светила, из первого самого простейшего белка успевал развиваться целый разумный мир, а колебания, передающие изображения и мысли людей какой-то далекой планеты, путешествовали от Галактики к Галактике, чтобы, наконец, попасть в антенные поля Демы. Отсюда они полетят дальше — туда, где в теплых океанах появился первый белок. А пока они долетят, бе-

лок станет разумом и сумеет увидеть и понять. Миллиарды разумных планет, миллиарды передач блуждают в космосе! Поэтому-то ежедневно антенные поля Демы принимают какую-нибудь новую передачу. А та, которую сейчас видели фазтонцы, была отправлена Демой в космос тоже не одну сотню оборотов тому назад...

Вскоре фазтонцы убедились, что гибель разумных миров не закономерность и не может быть ею. Напротив, это случается очень редко, так как разум общества почти всегда находит в себе силы преодолеть патологические наклонности отдельных существ.

Формы абсолютизма бывают удивительно разнообразными. Властолюбие меняет оттенки и окраску, словно хамелеон. До сих пор оно приводило к вырождению целые народы. На планете Кла из очень далекой Галактики целые народы жили подводной жизнью. Они развились из людей, которым когда-то не хватило места на поверхности. Атомная война уничтожила поверхностную цивилизацию, и одичавшие люди-амфибии уже не могли выйти из воды, чтобы заселить планету: на протяжении тысяч и тысяч оборотов они утратили легкие. Возможно, когда-нибудь начнется обратный процесс и на поверхности планеты воскреснет разумная жизнь. А сейчас там действовала только автоматическая станция, направлявшая свои передачи в космос. Сейчас, то есть сотни миллионов оборотов тому назад.

На большинстве планет победил Коллективный Разум. Там люди были прекрасно развитыми существами. Там даже ребенок знал больше, чем знают фазтонские инженеры. Там господствовали свободная творческая мысль, равенство и братство.

Одна из таких планет передавала в космос рассказ о том, как она воскресила свое угасающее Солнце. Это была титаническая борьба целой планетной системы. Тысячи разумных роботов, способных переносить наивысшие температуры, вначале построили вокруг Солнца кольцо мощных реакторов. Чтобы создать такое кольцо, они использовали самую близкую к Солнцу планету, на которой никогда не было жизни. Ее раздробили на мелкие обломки, которые расположились вокруг Солнца так, как обломки разорванного спутника вокруг Сатурна. На этих обломках и разместили множество реакторов, призванных к тому, чтобы создать реакцию обратного порядка.

Нужна была энергия огромной силы, чтобы выплеснуть ее в недра Солнца на протяжении десяти-миллионной доли секунды. Это похоже на укол в самое сердце, укол, который должен вернуть к жизни обреченного на смерть человека.

Эта последняя передача и свидетельствовала о достижениях Мирового Разума. Люди, спасшие свое Солнце, не сами разработали способ его спасения, они получили этот метод из какой-то другой Галактики...

Мировой Разум жил, пульсировал, спасая свои клеточки от гибели. А гибли только те, что жили замкнуто, изолированно. Их раздирали междоусобицы...

Трое суток гостили Лоча, Коля и братья Ечуки на Материке Свободы. Не все они успели осмотреть. Не удалось им побывать в космических городах — сразу же после окончания праздника гигантские домакорабли стали заметно уменьшаться, тая в простран-

стве, а потом и вовсе исчезли из глаз. Но гости видели их очень близко, когда те еще висели под тучами, и были поражены их размерами, каждый такой корабль имел хорошие квартиры для нескольких тысяч семей, а из пояснений Эло Первого им стало понятно, что жизнь космических фаэтонцев мало чем отличается от жизни на Материке Свободы. Там были свои парки, бассейны для плавания даже свои заводы, перерабатывающие сырое, полученное из недр планеты. Заводы и запасы сырья размещались в отдельных кораблях, сырья хватало на пол-оборота, а потом его снова приходилось пополнять. Из него изготовлялось все: еда, одежда, вода, кислород...

Гости обедали во дворцах питания, помещавшихся под гигантскими сферами около парков. Еда была удивительно разнообразной и очень вкусной. На кухне не было ни повара, ни обслуживающего персонала, все делал электронный мозг.

Чтобы получить пищу, следовало только нажать одну из многочисленных кнопок у твоего стола. Через несколько минут в столе открывались металлические шторы и появлялась пластмассовая посуда с едой. Здесь было все, что ты заказал.

— Где помещаются ваши фермы? — спросил Коля, пробуя сочное, поджаренное мясо.

— У нас нет ферм. И никогда не было...

И Эло Первый объяснил, что разводить животных в их условиях невыгодно и даже невозможно. Чтобы накормить всех граждан Материка Свободы мясом дагу, не хватит места для сооружения ферм. В государстве Бессмертного только «верхний этаж» питается мясом. В обществе, где все люди равны, такого быть не может. Поэтому пришлось пойти дальше, чем по-

шел Ташука, синтезировавший когда-то белок, чтобы кормить им животных (а впоследствии и скотоводов). На Материке Свободы фабрики искусственного белка стали только сырьевой базой для производства продуктов питания. Рядом с ним выросли новые цехи, изготавливавшие из белковины мясо, ничем не отличающееся от мяса дагу. Технологию разработали ученые с помощью Пантеона. В этом принимала участие только тысяча разумных единиц — группа биохимиков. В течение нескольких минут были сформулированы основные принципы, а внедрение их в производство заняло пол-оборота. Теперь нужны были уже практические усилия ученых, инженеров, конструкторов.

Но каким же вкусным было это мясо! Мясо дагу слишком жирное и горьковатое. Здесь же устранились все неприятные привкусы, а электронный повар готовил мясные блюда по наилучшим рецептам.

Было много и растительных блюд. Растения выращивались любителями садоводства и огородничества во всех парках и на просторах ледяного океана. Лед покрывали толстым слоем грунта, снабжали генераторами климата, искусственным освещением — и растения чувствовали себя так хорошо, что давали по девять-десять урожаев в оборот.

Через дворцы питания проходили тысячи людей. Изобретательность электронного повара никогда не исчерпывалась, он удовлетворял вкусы самого взыскательного к пище человека.

На десерт Лоча заказала плоды гужа, к которым она в своем саду боялась даже притронуться пальцем. Ничего более вкусного она не ела за всю свою жизнь!.. Сладкие, налитые ароматным соком, они так и таяли во рту...

Каждый гражданин Материки Свободы имел не менее четырех-пяти профессий. Одни строили космические дома-корабли, другие работали инженерами на заводах искусственной пищи и фабриках одежды. Фабрик, заводов, электростанций на Материке было очень много, и все они размещались в недрах. И хотя там тоже хозяйничал электронный мозг, но внимательный человеческий взгляд все-таки был нужен. У каждого человека работа отнимала только десятую часть суток. Этого хватало, чтобы общество обеспечивало себя всем необходимым, наращивало промышленную мощность и, покрывая ледяные просторы океанов теплоизоляционными материалами, сооружало на них жилищные кварталы.

— Чем же занимаются люди в свободное время? — допытывался Коля. — Его так много...

Эло Первый показал один из многочисленных дворцов искусства. Он помещался в недрах ледяного океана. В мастерских, где работали скульпторы и художники, были пластмассовые стены и потолки, а огромный зал, в котором демонстрировались их работы, напоминал ту площадь-станцию, откуда начинался большой континентальный туннель. Это была синяя ледяная сфера. Переливаясь радужными отблесками, она пламенела над головой миллиардами голубых звезд. Великое ледяное царство — царство красоты и творчества!

Дворец вмещал десятки тысяч людей. Люди осматривали картины и скульптуры, спорили об их недостатках и достоинствах, вели дискуссии. В них участвовали и зрители и художники. В искусстве развивалось множество разных школ и направлений, и представители каждого из них доказывали, что ху-

дожественная истина принадлежит именно им. Поэтому дискуссии были неминуемы. Но ни один из художников не считал свое творчество единственной профессией так же, как и Эло Первый, у которого тут тоже была своя мастерская.

Гости и не заметили, как включились в дискуссию — кричали, аплодировали, смеялись...

Гашо спросил у Эло Первого:

— У вас много хорошего... Но немало такого, что... Прямо удивительно! Зачем вы все позволяете?..

— Разве в природе что-нибудь состоит только из одного полюса? — ответил Эло Первый. — Без взаимодействия противоположных полюсов нет ни жизни, ни развития...

— Бессмертный запрещает все, что ему не нравится, — сказала Лоча. — Все художники вынуждены рисовать так, чтобы угодить ему. Того, кто не умеет угодять, объявляют еретиком...

Гости вскоре убедились, что хороших картин и скульптур куда больше, чем тех, которые им не понравились. Долго стояли они возле фигуры молодой фаз-тонки, вырубленной из большой ледяной глыбы. Женщина глядела в небо, ища там, может быть, корабль, а может, планету, посылавшую ей еле заметные лучи.

И Коле показалось на миг, что это Лоча ищет его на далекой Земле, и сердце его сжалось от страха: вдруг эта прекрасная фигура когда-нибудь растает?..

Эло Первый успокоил его:

— Она покрыта незаметной пленкой, предохраняющей ее от тепла. Она вечная...

В одном из парков гости долго стояли, глядя, как юноши и девушки играли в какую-то необычную игру. Одетые в почти незаметные гравитационные костюмы,

они свободно плавали в атмосфере. Так же свободно плавала среди них большая модель планеты. Молодежь, разбившись на две группы, упрямо боролась за овладение этой планетой.

В другом парке над их головами сотни девушек плавно и непринужденно двигались в каком-то воздушном танце. Это было торжество грации и пластики.

Какими же они были прекрасными, свободные фэзтонцы! Тело, лицо, одежда их — все было гармоничным, все дышало, светилось жаждой жизни, смелой мыслью, свободой.

Эло объяснил, что сейчас по всему Материку Свободы идет подготовка к первой передаче для планеты Дема. Материк хочет показать людям этой планеты наилучшие свои достижения — быт, искусство и технику. Каждый квартал стремится принять участие в этой передаче, выдвигает своих участников. Но миллионы будут представлены единицами.

— Кто же это решает, кто судит? — спросил Коля. — Пантеон Разума или Совет Седоголовых?..

— Нет. Судит народ! — ответил Эло Первый. — Каждый гражданин высказывает свою оценку, шахо передает ее Пантеону Разума... А там подытоживают все мысли. Побеждает тот, на чьей стороне большинство...

Эло объяснил, что так же точно избирается Совет Седоголовых и Совет кварталов. Из десятков выдвинутых кварталами выбираются только единицы, каждый гражданин высказывает свою волю собственному шахо, который передает ее Пантеону Разума, а Пантеон только подсчитывает голоса...

— Жаль, что вы не можете увидеть наших выборов, — улыбнулся Эло Первый. — Страсти утихают

только тогда, когда Пантеон Разума извещает, кто больше получил голосов...

Но гости все еще не поняли отношений между Пантеоном Разума и Советом Седоголовых, между обществом и отдельной личностью. Кто руководит, координирует, дает указания? Кто объединяет миллионы отдельных стремлений в единую волю народа?

Это прояснилось на следующий день, когда на Материке Свободы развернулось обсуждение: космос или океан?

Часть ученых считала, что не стоит больше строить космических городов — значительно легче сооружать жилища в недрах ледяного океана. Это огромное необжитое пространство можно заселять на протяжении сотен оборотов. Пластмассовые стены и потолки хорошо изолируют лед от домашнего тепла, а на больших площадях ради красоты можно сберечь прекрасную фактуру льда, создав воздушную теплоизоляцию, или покрыть лед прозрачной защитной пленкой.

Во всех кварталах Материка-города происходили горячие дискуссии. Люди высказывались в парках перед тысячами слушателей или дома перед собственными шахо, передававшими каждое такое выступление на многочисленные стены горизонтов. Если кто-либо не хотел выступать публично, он сообщал свое мнение прямо в Пантеон Разума.

Каждый из членов Совета Седоголовых принимал участие в дискуссии, пользуясь теми же правами, что и остальные граждане Материка. Ничья отдельная мысль не была здесь решающей. Функция Совета состояла в том, чтобы обеспечить свободный обмен мнениями.

А когда дискуссия окончилась, Пантеон Разума,

все подсчитав, сообщил итоги — выяснилось, что преимущественное большинство высказывалось за космические города. Что же касается самих космических городов, где тоже шла дискуссия, то там не было ни одного голоса за ледяной океан. Жители космических городов привыкли к своему быту, к свободному полету среди планет и созвездий, им дорого было чувство крыленности и свободы. Какими бы широкими ни были площади и улицы, они все равно останутся миром узких горизонтов, где глаз всякий раз натолкнется на преграду...

Затем Совет Седоголовых обратился к Пантеону Разума, чтобы тот высказал свое мнение, общее мнение миллиардов разумных единиц. Это было как бы проверкой целесообразности решения граждан, поэтому все они ждали мнения Пантеона с особым нетерпением. Пантеон Разума ответил, что целесообразней строить космические города, а ледяные океаны оставить на будущее — как большой резерв жилищной площади...

— А бывало так, чтобы Пантеон высказал противоположную мысль? — спросил Гашо.

— Нет, такого еще не случалось, — ответил Эло Первый. — Общее мнение народа и мнение Пантеона всегда совпадают. Ошибаться могут единицы, а народ и Пантеон — никогда...

— Зачем же тогда дискуссия? — удивлялся Гашо. — Спросить Пантеон и сообщить его решение... Разве этого мало?

— Мало! — воскликнул Эло Первый. — Это значит — отстранить живых людей от решений собственной судьбы. Нет, мы не хотим никакой диктатуры, даже диктатуры Пантеона!.. Человек должен чувство-

вать, что свою судьбу он решает сам, а не кто-то другой за него. Если бы даже народ ошибся... Скажем, если бы его мнение не совпало с мнением Пантеона... Хотя это чисто теоретическое предположение... Если даже и случилось бы такое, то Совет Седоголовых дал бы задание Пантеону разработать наиболее целесообразный вариант в соответствии с волей народа... Именно это и стимулирует все наши дискуссии. Люди знают, что окончательное решение принадлежит народному большинству, а не Пантеону. Поэтому-то каждый из них так горячо отстаивает собственную мысль...

Путешественники возвращались домой с таким чувством, словно они побывали в сказке. Горькие мысли об угасании планеты, о том, что жизнь на ней медленно исчерпывает свои возможности, исчезли навсегда. Планета никогда не может исчерпать своих жизненных возможностей, если на ней побеждает Коллективный Разум.

— Что ты скажешь теперь о своем боге? — спросил Коля у Эло.

Эло молчал. За него ответил Гашо:

— Богов должно быть ровно столько, сколько людей. Если их меньше — значит их слишком много. А если богом становится кто-то один — люди начинают завидовать толстобоким дагу...

Сидя рядом с Лочей, Николай смотрел в окошко, и видел как мимо время от времени проносились пустые эшелоны, возвращающиеся на Материк Свободы за новым грузом для повстанцев. Он думал о том, каким должно быть человеческое общество.

Нужно ли людям такое общество, где исчезли бы

все до конца конфликты, где люди заранее соглашались бы с каждым решением руководящей силы — пусть бы она и в самом деле была самой мудрой силой в обществе?..

Он попробовал было представить себе Материк Свободы таким обществом. И в его воображении возникла весьма печальная картина.

Скажем, уже давно — сотни оборотов назад — все граждане Материка Свободы убедились в том, что Пантеон Разума никогда не ошибается и ошибиться не может. И людям осталось только выполнять его волю. Пантеон получил наивысшую власть в обществе, он думал за каждого отдельно и за всех вместе. И хотя он стал бы действующим олицетворением миллиардов разумных единиц и именно поэтому являлся бы абсолютной противоположностью любого государства, все же его постоянное превосходство над живым обществом привело бы людей к тупому фанатизму, к нищете мысли. Зачем думать, искать решений, отстаивать собственное мнение, спорить, если последнее слово принадлежит не живым людям, а смоделированному ими мозгу?..

На живом человеческом мозгу с каждым десятком оборотов нарастала бы толстая пленка фанатизма, а собственная воля, энергия, инициатива начали бы угасать, и в конце концов человек только внешне оставался бы похожим на самого себя, а от его умственных и духовных богатств ничего бы не осталось.

Людам все еще казалось бы, что их общество процветает (строятся новые заводы, новые кварталы, новые космические города), но они, сами того не замечая, превратились бы в миллионы идеальных роботов, честно выполняющих волю высшей разумной силы

Обогащаясь материально, общество двигалось бы к своему духовному и умственному убожеству.

Такое общество отличалось бы от государства Бессмертного только тем, что вместо жестокого, самовлюбленного бога получило бы в виде Пантеона бога доброго и разумного, старающегося удовлетворить все физические потребности человека. А духовные потребности? Ни один бог — ни жестокий, ни добрый — удовлетворить их не может. Он может только убить самую потребность в этих потребностях...

Вместе с живыми людьми — на протяжении сотен оборотов — начал бы вырождаться и Пантеон Разума, так как он теперь получал бы все меньше и меньше активных, воспитанных в постоянной борьбе разумных единиц.

Эло Первый говорил правду. Даже обыкновенный магнит — примитивный кусок железа — состоит не из одного, а из двух противоположных полюсов. Скажем, рассердившись на отрицательный полюс, его можно очень легко уничтожить — на несколько минут опустить в огонь. Выхватив из огня, мы уже не заметим отрицательного полюса — он весь окажется как бы выжженным. Но какие же разочарования наступят вслед за этим экспериментом: магнит переродился, перестал быть магнитом, утратил свои свойства навсегда и безвозвратно погиб.

24. Над ледяным океаном

Чамино встретил их еще на станции, и вид у него был такой веселый, будто он приготовил им какую-то радостную весть. Он смеялся, шутил, как мальчишка,

словом, был похож на того Чамино, которого Коля знал в детстве. Но никак не хотел объяснить, в чем заключается причина его веселья.

Собрался Штаб повстанцев. Коля с гордостью по-сматривал на Гашо, сидящего за треугольным столом среди членов Штаба. Гашо чувствовал себя непривычно, точно попал сюда случайно. Он был слишком серьезен, даже немного напыщен, но Коля понимал, что это от смущения.

Сначала говорили о Материке Свободы. Членов Штаба очень интересовало, какое впечатление произвело на путешественников это общество. Потом перешли к обсуждению самого сложного вопроса — тактики Братства Свободных Сердец. Гашо докладывал сдержанно, боясь малейшего преувеличения, но даже из его скупого рассказа можно было понять, что Братство стало новым Штабом, имеющим свои разветвления по всему «первому этажу» государства Бессмертного.

Однако большинство членов Братства, зная, что именно нужно разрушить, еще не знало, во имя чего необходимо это разрушение. И хотя Николай не раз излагал программу будущего общества, она воспринималась членами Братства как что-то нереальное. Людям трудно было поверить, что такое общество вообще возможно.

Теперь председатель Братства — Гашо увидел такое общество. Должен ли он скрывать свою поездку на Материк Свободы? Очевидно, это нецелесообразно. Материк Свободы не тайна. Его ежедневно проклинают в храмах, беловолосые знают о его существовании, но благодаря проповедям жрецов представляют его олицетворением всевозможных грехов.

Государство повстанцев, которое Штаб считал арсеналом революции, и дальше должно быть вне подозрений. О нем не следует нигде говорить. Вместо этого Штаб поручил Коле ознакомить как можно больше членов Братства с жизнью и бытом Материка Свободы.

Что и говорить, задание это было тяжким, так как туда пролегал один-единственный путь — над ледяным океаном. Тот самый путь, который когда-то с необычайными трудностями пришлось преодолеть Лашуре.

Коля сразу же согласился. Он получил в свое распоряжение двадцать гравитационных плащей, двадцать карманных климатизаторов и столько же мощных шахо. От вражеских стен горизонтов и шахо контроля путешественников будут защищать генераторы экранизации Штаба.

Коля и Гашо пообещали, что на протяжении ближайших двух оборотов на Материке Свободы побывают около трех тысяч талантливейших проповедников Братства. Николаю, который должен быть их постоянным проводником, придется за это время совершить по крайней мере сто шестьдесят путешествий через океан — туда и обратно. Но так, и только так, можно рассказать правду, которую должен знать весь народ!..

Обидно, что для этой цели нельзя использовать континентальный туннель — не позволяли законы конспирации.

Если бы речь шла о двух или трех членах Братства — еще можно было бы рисковать. Но поскольку речь идет о тысячах людей, постоянно находящихся под контролем вражеских шахо, тайну сохранить не удастся...

В распоряжении Коли оставалось несколько дней.

Они ходили с Лочей по улицам и площадям, присматривались к тому, как и чем живут люди. Нет, это еще не Материк Свободы! Еще в людях нет той духовной раскованности, независимости мысли, внутренней свободы, которую они наблюдали там. Люди смотрят на Штаб с таким же благоговением, с каким недавно смотрели на храм божий, говорят о нем шепотом, и каждая фраза заканчивается благодарностью в адрес Штаба. Сначала Колю раздражали эти слова благодарности, в них было что-то унижительное для человека. Но потом он успокоил себя мыслью, что, по-видимому, первое поколение освобожденных людей и не может жить иначе. Новые поколения поставят все на свое место — и имена героев, и собственную свободу, и высокое достоинство...

Он думал об этом потому, что Лоча, его милая, скромная Лоча, в которой, казалось бы, не было ничего героического, вдруг превратилась в настоящую героиню. Не было ни одного человека в государстве повстанцев, который бы не знал и не любил ее. С ней все здоровались, каждый хотел сказать ей что-нибудь очень хорошее. И стоило им только на какое-то мгновение остановиться, как вокруг нее сразу же возникала толпа. Все это были люди, побывавшие в ее саду.

— Тебя знают больше, чем Штаб, — шутил Коля. — Ты могла бы возглавить революцию.

— А почему бы и нет? Это вполне возможно, — в тон ему ответила Лоча.

О новой разлуке они старались не говорить: ни вздохами, ни жалостными разговорами ее не предотвратить.

Его удивляло, что никто из его друзей не обратил внимания на сообщение о том, что Пантеон Разума

связал Материк Свободы с Юпитером. Чем это объяснить? Может быть, слишком уж много было впечатлений? Или им казалось, что Юпитер выполнял лишь пассивную роль антенного поля?..

Но Лоча все же как-то спросила:

— Акачи! Может, мне слышалось... Они говорили о Юпитере... Что это значит?

Коля не знал, что ей ответить. Полуправду говорить не хотелось, а рассказать все, что знал, он не имел права: Чамино запретил рассказывать сестре о заветной нитке отца.

Из затруднительного положения его выручил сам Чамино; он прибежал к ним именно тогда, когда Коля обдумывал свой ответ.

Чамино был все еще возбужден и весел. Набросился на Колю, толкнул его, стараясь вызвать на шустрый поединок.

— Победа!.. Слышите, друзья? — крикнул он. — От имени Штаба разрешаю сорвать три плода гужа.

Лоча обрадовалась, хотя и не знала, о какой победе идет речь. Но относительно плодов гужа осталась непреклонной.

— Акачи! — смеялся Чамино. — Да она скупей, чем свет Ганимеда. Ладно, обойдемся без гужа.

Он достал из небольшого ящика две крошечные коробки. Одну из них отдал Коле, другую положил себе в карман.

— А теперь, Лоча, тебе придется пережить сеанс сомнамбулизма.

Коля, взглянув на ящичек, сразу же насторожился, Лоча улыбнулась, поймав Колину руку, успокаивающе пожала ее.

— Не бойся, Акачи. Я привыкла к этому. Еще в

детстве все свои изобретения Чамино испытывал на мне. — Она показала чуть заметный шрам от ожога на левой руке. — Видишь? Это еще на четвертой ступени... Забыла, что он тогда изобретал...

— Раздражитель храма божьего, — виновато улыбнулся Чамино. — Мне нравилось, когда у всех наших соседей во время богослужения на стенах горизонтов начинали бегать огненные полосы. Лицо Бессмертного делалось таким смешным! Мы с Лочей умирали от хохота. Шах контроля сразу же нас обнаружили. Хорошо, что тогда отец был жив. Он как-то уладил это дело... Но на сей раз никаких ожогов не будет. Эксперимент совершенно безопасен.

Чамино включил аппарат. Лоча легонько вздрогнула, и сразу же тело ее оказалось во власти таинственных волн. Это был уже не человек, а заводная кукла, двигающаяся по приказу ящика, на котором Чамино медленно поворачивал круглую шкалу с мелкими делениями. Пол-оборота влево — Лоча поднимала левую руку, пол-оборота вправо — поднимала правую. Чамино мог управлять каждым ее движением, будто дергал за невидимые шнурки.

Повозившись немного с ящиком, он составил программу, и Лоча пошла в сад. Шла негнушима ногами, глаза ее не моргали, фигура, казалось, была отлита из пластмассы — двигались только ноги.

Коля не находил себе места от ужаса. Он был готов броситься на Чамино с кулаками. Но, понимая, что Чамино делает это не ради забавы, старался сдерживать себя. Однако это было выше его сил, и он, наконец, крикнул:

— Прекрати сейчас же, слышишь?!

Но Чамино только смеялся:

— Ах, так! Тогда верни мне прибор, который я тебе дал.

Коля сердито выхватил из кармана коробочку, швырнул ее Чамино и тотчас же забыл, где он находится и что с ним происходит. Ноги повели его куда-то, но он ничего не видел перед собой. Сознание угасло, память отказалась служить. Оставалось только чувство движения. Куда он идет, почему — он не знал, как не знает этого автомат с дистанционным управлением. Неизвестно, сколько это продолжалось, но когда Коля опомнился, он увидел под деревом Лочу, державшую в руках два сорванных плода гужа.

Она стояла с вытянутыми руками, все еще не веря в то, что есть какая-то сила — сильнее ее собственной воли, — способная заставить ее сорвать эти плоды. В глазах блестели слезы, лицо покраснело от обиды и гнева. Колё было больно на нее смотреть.

— Лучше бы ты приказал мне отрубить собственные пальцы, — простонала она.

Чамино уже не смеялся. Он был серьезен и по-деловому сосредоточен.

— Это нужно, Лоча. Очень нужно... Вот эти два гужа — мера действенности моего аппарата. Если я заставил тебя сорвать их — значит это победа.

Как ни допытывались они, в чем заключается назначение аппарата, Чамино отказывался объяснить это. Он только предупредил, что аппарат — одна из самых больших тайн Штаба. Такая же точно, как и существование их государства.

Что касается принципов, лежащих в его основе, то понять их очень просто. Человеческий мозг — тоже сложный электронный аппарат, созданный самой природой. Уже тысячи оборотов тому назад никого не

удивлял гипноз. Не до конца понимая его механизм, люди издавна им пользуются. Можно было это явление объяснить упрощенно: скажем, один мозг (электронный аппарат) дает программу другому мозгу — и тот четко ее выполняет. После появления шахо контроля, обладающих способностью вылавливать из человеческого мозга самые потаенные мысли, и особенно после сооружения Пантеона Разума, сконструировать электронный гипнотизер было не так уж трудно. Дело не столько в нем, сколько вот в той небольшой коробочке, которую можно спрятать в карман. Она защищает человека от волн, неуклонно действующих на его мозг. Генераторы экранизации по сравнению с ней — такой же примитив, как мозг дагу по сравнению с человеческим мозгом...

— Почему же два, а не три?.. — развеселившись, воскликнула Лоча.

— Ты о чем? — переспросил Чамино, бросив на сестру невидящий взгляд. Мысленно он был уже где-то далеко.

Лоча молча сорвала третий плод и дала брату.

— Ешь, раз так...

— Мне не нужно, — оправдывался Чамино. — Я только ради проверки...

— Именем революции, — сурово приказала Лоча. — Ешь!..

Они долго смеялись и шутили. А когда Лоча увлеклась работой в саду, Чамино обратился к Николаю:

— Акачи! На твою долю выпало сложнейшее задание. Может быть, ты еще подумаешь, а? Или по крайней мере будем чередоваться... Это трудней, чем слетать на Землю.

Коля положил руку на плечо Чамино:
— Спасибо за доверие. Чередоваться не нужно.
Справляюсь...

Миновало полтора оборота.

Наверное, ничего нет страшнее в мире фазтонских выюг. Снегу здесь немного, так как влага испаряется только на экваторе, и то под большими городами, где действуют генераторы климата. Материк Свободы, как известно, сплошной необозримый город. Множество городов, хотя и значительно меньших по размеру, было и в государстве Бессмертного. Вместе с экваториальными широтами они давали атмосфере ту влагу, из которой образовывались снежные тучи.

Внизу ледяной океан казался безграничным зеркалом — снег на его поверхности не задерживался, его сгоняли ураганы. В сумерках фазтонского дня ледяное царство океана озаряла широкая солнечная дорога, которая была даже чуть ярче, чем скупое солнце.

А встречный ветер набрасывался на путешественников с безумным свистом, трепал их плащи, каждая снежинка пробивала защитную сферу климатизатора, больно жалила. Шахо вели их вперед, навстречу выюге, но, казалось, что сила универсальных приборов вскоре будет исчерпана, двадцать смельчаков упадут на холодное зеркало льда, и ветер покатит их мертвые тела по отполированной ветрами ледяной поверхности до какого-нибудь крутого берега, где снеговые сугробы станут их вечной могилой. И только Сириус — недремлющее око вселенной — будет знать, где можно их отыскать...

Перед вылетом на Материк Свободы каждая группа путешественников проходила тренировку на поверх-

ности, под защитой генераторов экранизации. Коля учил их владеть плащами, климатизаторами и универсальными шахо.

Коле везло в его новой профессии. Уже сотни молодых жителей «первого этажа» побывали на Материке Свободы и вернулись в свои лабиринты, охваченные жаждой деятельности. Все новые и новые тысячи беловолосых присоединялись к Братству. Оно уже не было тайной для пунктов контроля. Жрецы знали, что где-то в лабиринтах действует чья-то сильная еретическая рука. Однако схватить ее было невозможно. Каратели рассказывали о каких-то сборищах, но шахо контроля не подтверждали этого. Поставить же под сомнение могучие аппараты контрольных приборов жрецы боялись. Эти аппараты были гениальным творением Единого, поэтому малейшее сомнение в их безукоризненности беспощадно каралось. Дворец Бессмертного не доверял и самим жрецам, настраивая на их головы специальный шахо.

Но не только фанатизм мешал жрецам обнаружить руководящий центр Братства Свободных Сердец. Гашо был очень осторожен и учил своих друзей конспирации.

И все же, несмотря на тупое доверие храмов к шахо контроля, над океаном время от времени появлялись группы карателей из «второго этажа», вооруженные страшными жуго. Стены горизонтов Штаба внимательно следили за ними, своевременно предупреждая об опасности. Каждый из путешественников тоже был вооружен жуго.

Однажды, когда Николай с очередной группой возвращался с Материка Свободы, на его шахо вспыхнула зеленая лампочка.

Она горела, по-видимому, уже давно, но, преодолевая бешеное сопротивление ветра, Коля не сразу заметил это. В ту же секунду он включил шахо и услышал встревоженный голос Чамино: «Акачи! За вами гонятся каратели!»

Оглянувшись, он увидел на расстоянии примерно двадцати тысяч шу черные точки, плывущие в небе. Они догоняли путешественников. Острые огненные вспышки свидетельствовали о том, что каратели держали свои жуго наготове.

— Вижу! — Николай подлетел к соседу, тихо подал команду: — Жуго к бою! Сзади каратели!

Перед вылетом на Материк Свободы все они не раз тренировались в борьбе с воображаемыми карателями. Но так оно, видно, бывает всегда — борьба с воображаемым противником дается куда легче, чем с врагом настоящим.

Коля знал, что каратели не могли связаться с храмом: не позволяли волны экранизации. Подсчитав черные точки, он определил, что карателей около тридцати человек.

Черные точки пока что еще летели с той же скоростью, что и путешественники. На расстоянии двадцати тысяч шу жуго карателей не могли причинить никакого вреда. Но ведь настанет время, и придется остановить полет! А каратели, конечно, не отстанут...

И Николай решил принять неравный бой. Успех боя зависел от того, чьи жуго мощнее. Если жуго путешественников способны направить свой смертельный луч хотя бы на полсотни шу дальше, чем жуго карателей, тогда быстрота и точный расчет смогли бы обеспечить победу. Коля вызвал Чамино:

— Принимаем бой!..

— Ни в коем случае! — крикнул Чамино. — Веди их за собой. Как можно ближе!..

Коля попробовал было объяснить, какой опасностью грозит это им в дальнейшем, но Чамино повторил приказ Штаба: держаться на том же самом расстоянии и лететь так, словно ничего не случилось.

Шахо, прикрепленные к груди путешественников, дрожали от напряжения, воздух казался какой-то густой плотной массой — таким сильным было его встречное сопротивление...

Черные точки не отставали. Наоборот, они начали заметно увеличиваться, и уже можно было различить человеческие фигуры. Коля понимал, что пора немедленно принимать бой, иначе весь отряд будет уничтожен. И он снова вызвал Чамино:

— Даю бой!.. Каратели очень близко.

— На расстоянии пятнадцати тысяч футов, — ответил Чамино, — Штаб очень просит воздержаться от боя.

Но вот ледяной океан кончился и внизу появилась волнистая снежная равнина. Нужно было спускаться и следить за прибором, который должен привести их к пещере Ларуше.

Николай не понимал решения Штаба. Мало того, что обнаружатся их полеты над океаном, каратели узнают даже о тайной пещере. В эту минуту он не думал о собственной жизни. Но под угрозой была жизнь девятнадцати юношей, и он в третий раз вызвал Чамино.

— Идите на снижение, — спокойно ответил Чамино, словно отряду ничто не угрожало.

В то же мгновение Коля утратил координацию движений. Его словно бы одолел тяжкий сон. Он спу-

скался все ниже, но вела его отныне не собственная воля, а чья-то чужая, обладающая непреодолимой властью над каждым его движением.

Что-то брезжило в его сознании, возникали какие-то картины, но они никак не напоминали Фаэтон.

Да, да, это снова была Земля! Вот он идет по высоким тропическим травам к колонии Ечуки-отца и навстречу ему выбегает шоколадный Алочи. Парень кричит что-то веселое, размахивая бумерангом. Наверное, хочет рассказать, как он убил медведицу, убил без помощи Колиного цилиндрика.

Потом неизвестно откуда появился Рагуши, подошел к Коле. Из-за его треугольной фигуры выглянула заплаканная Лоча. Она оттолкнула Рагуши, подбежала к нему и упала на грудь.

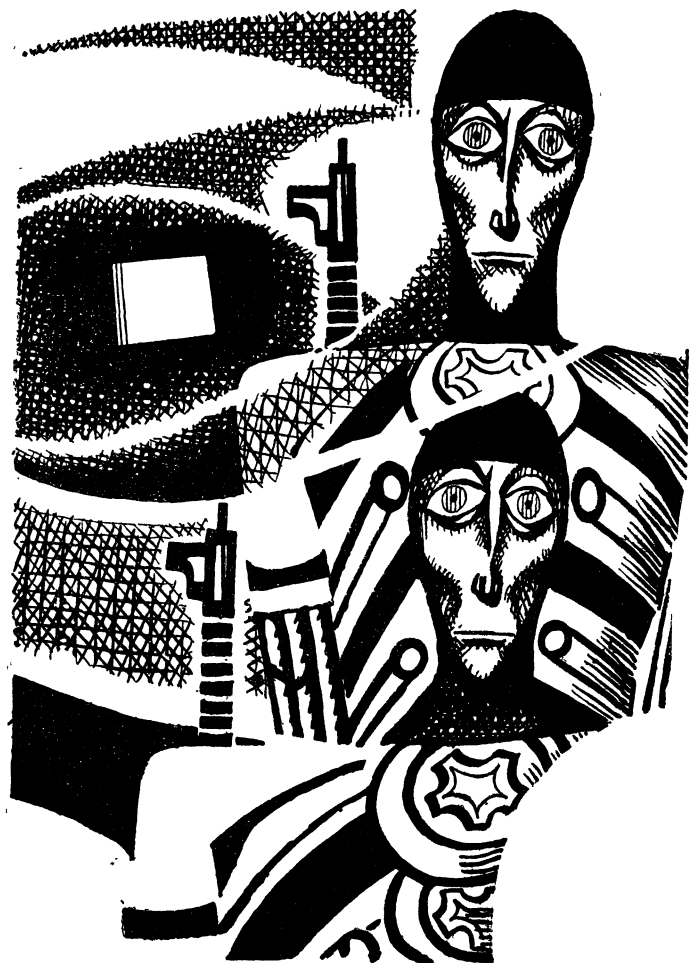
— Акачи!.. Я так за тебя боялась...

Но что это? Никакого Рагуши нет. Нет ни зеленых тропических великанов, ни высоких трав. Вокруг снежная равнина, в руке у Коли зажата небольшая коробка. Такая же точно, как та, что он видел во время эксперимента Чамино в их саду. Лоча в самом деле припала головой к его груди, по ее щекам катятся слезы радости. А рядом стоит, улыбаясь, Лашуре.

— Вот видишь, — говорит Лашуре, — все в порядке... — Очень хорошо, что тебе удалось заманить их так близко. Мощностъ нашей станции пока что невелика.

О какой станции он говорит?.. Тем временем Лоча выпрямилась, белый плащ ее затрепетал на ветру. Коля оглянулся и увидел удивительное зрелище.

Тридцать карателей в черных плащах, выстроившись в колонну по трое, безмолвно, как истуканы, сто-

яли на расстоянии нескольких шу. Метель снежными кнутами обжигала их помертвевшие лица, но даже веки их глаз были неподвижны. Тридцать жуго и столько же мощных шахо лежали у ног передней тройки.

Страшно было смотреть на этих манекенов. Время от времени какая-то сила принуждала их двигаться, и тридцать пар ног одновременно поднимались и опускались, точно это была одна общая нога.

Слева от них Коля увидел такую же колонну юношей. Это был его отряд.

Лашуре виновато проговорил:

— Ничего не поделаешь. Наша станция пока еще не разбирает, кто друг, а кто враг.

Сразу же после этих слов обе колонны поднялись в воздух. Каратели полетели туда, где находился ледяной вход в комнату Лашуре, а молодые путешественники по направлению к тайной пещере. Коля, попрощавшись с Лочей, догнал их, открыл отверстие, и юноши, соблюдая удивительный порядок, спустились в темные лабиринты.

Только здесь неведомая сила утратила над ними власть, и парни в темноте начали ощупывать друг друга, не понимая, что с ними произошло и где они сейчас находятся. Коля как мог успокаивал юношей, но страх перед чем-то неведомым, хотя и спасшим их, еще долго не исчезал. Все они хорошо помнили об опасности, которой подверглись над океаном. Кто же их спас? Какой волшебник перенес их, живых и невредимых, в родные лабиринты?..

Коля догадывался, что это был аппарат, изобретенный Чамино, но и он не мог представить себе,

как Чамино удалось расширить его действие на такое большое расстояние.

Проходя по людным пещерам, они слышали одни и те же разговоры: что это было? Почему все люди одновременно погрузились в какой-то необыкновенный сон?

Николай заверил юношей, что с ними ничего необычайного не случилось — просто нервное потрясение, нередко происходящее с людьми во время большого психического напряжения.

Передав путешественников Гашо, который таинственно улыбался, Коля вернулся на кладбище, поднялся на поверхность и вскоре появился в Штабе повстанцев.

Чамино встретил его радостными объятиями, но на лице его можно было заметить озабоченность.

— Еще рано радоваться, — сказал он. — Граница действия нашей станции — пятьдесят тысяч шу. Если бы не твоя выдержка, Акачи, могла бы случиться очень большая неприятность. Ты не представляешь, как мы волновались! Весь Штаб сидел у стены горизонтов.

— Где каратели? — спросил Коля.

Чамино повел его в большую комнату. Кое-кто из карателей лежал на кровати, другие сидели у стен.

Узнав Чамино, каратели вскочили. Все они жили в столице и когда-то неплохо знали Чамино и его отца. Колю никто не узнал, так как им и в голову не могло прийти, что сын беловолосого советника может вдруг очутиться на Фаэтоне. Да и времени прошло довольно много — около семи оборотов. А Чамино еще недавно бывал в столице. Любил спорт, развле-

чения, путешествия, часто летал за город, иногда вместе с сестрой. Полеты над планетой были излюбленным видом спорта молодых фаэтонцев и не вызывали подозрений.

Только теперь кое-кто из карателей понял, куда летал Чамино и куда исчез он в последнее время. Один из них, самый старший по возрасту, сразу же упал на колени и гнусаво заскулил:

— Чамино! Великий сын мудрейшего из мудрых! Взгляни на мою старость... Клянусь Единым Бессмертным, не я убил твоего отца. Я расскажу... Все тебе расскажу...

— Встань! — сурово приказал Чамино. — Рассказывай...

Однако его рассказ мало что прояснил.

Было это так. Жрец, которого охранял этот каратель, спустился в лабораторию советника Шако. Охранник заметил, что жрец чем-то очень напуган, точно там, в лаборатории, его ждала неминуемая смерть.

Они зашли в какую-то комнату. Светилась стена горизонтов. Охранник увидел на ней удивительные, словно бы и не из нашего мира лица. Жрец, собравшись с силами, приказал выключить поток. Стена горизонтов погасла. Умолкло гудение аппаратов.

И тогда жрец сказал:

— Вот и все... Пусть теперь живет на Юпитере.

А через какое-то время они открыли комнату, в которой лежал советник Шако. Он был мертв...

— Я только выполнял приказ, — шептал каратель.

— Молчи! Тебе ничего не угрожает. Я презираю месть, она не достойна человека. Все вы — наши пленные. Никто не тронет вас пальцем. Едой будете

обеспечены. А свобода... Освободится народ — тогда посмотрим...

Когда они вернулись в Штаб, Коля спросил:

— Чамино, ты можешь, наконец, объяснить, кто освободил меня из плена жрецов? Я, кажется, начинаю догадываться. Не понимаю только, к чему эти секреты? Будто ты мне не доверяешь...

Чамино бросил на Колю острый взгляд, потом лицо его озарила добрая, искренняя улыбка.

— Обижаешься, Акачи?.. Не стоит. Я и Штабу не сразу объяснил. Просто боялся, что это сочтут фантазией. Между прочим, так оно и было воспринято, пока приключение с твоим отрядом не убедило членов Штаба. До этого мало кто верил в мои эксперименты. Даже после твоего освобождения...

Только теперь Коля узнал, как его спасли. Вызывая Колю по тайному шахо, Чамино впервые не получил ответа. Он понял, что с ним случилась беда. Хорошо изучив дорогу по рассказам Эло, они с Лашуре направились на поиски Гашо. За спиной у Чамино висел аппарат, парализующий волю. Все люди в радиусе тысячу шу оказались подвластными его волнам. Разыскав Гашо, они обеспечили его аппаратом защиты, и все трое напали на контрольный пункт.

— Вот и все, — закончил Чамино свой скупой рассказ. — Но для революции нам нужна очень мощная станция. Она уже строится...

— Что значит строится? — удивился Николай. — А разве то, что было с нашим отрядом... Разве это не станция?

Чамино засмеялся, заблестели крепкие зубы, в глазах с большими белками и острыми черными зрачками замерцали искорки.

— О-о, нет... это пока всего лишь действующая модель. Для настоящей станции нужна почти вся электроэнергия... Со всех рабочих агрегатов.

— И с новых тоже? — недоверчиво переспросил Коля, зная, какие большие мощности имело теперь государство повстанцев.

— Ну да. Видимо, только один реактор мы оставим для освещения... Не доверять тебе нет причин. Это все равно, что не доверять самому себе... Дело в том, Акачи, что я мечтаю о бескровной революции... С детства не могу видеть кровь. Убивать людей — это ужасно...

— А если этот человек — враг? Не убьешь его — он убьет тебя.

— Наверное, ты прав, — согласился Чамино. — Так же думают и члены Штаба. Но ведь будут гибнуть не только враги. Разве наших погибнет меньше? Я знаю, мы все равно победим. Если вооружить всех беловолосых мощным жуго, выдать им десятки миллионов плащей... Если Гашо выведет всех на поверхность... О-о, это будет непобедимая сила! Но ведь каратели Бессмертного вместе с его legionерами — это тоже полтора миллиона! Оружием они владеют значительно лучше. Пока наши бойцы будут барахтаться в плащах, каратели и legionеры станут уничтожать их сотнями тысяч... Планета будет завалена трупами, революция потонет в народной крови...

Слушая Чамино, Коля вспомнил, как первые два-три дня неуклюже барахтались в гравитационных плащах юноши, готовившиеся к полету на Материк Свободы. А когда они включали свои шахо-приборы, то их подбрасывало высоко вверх, то далеко в сторону, то швыряло в сугробы снега. Только дней через де-

сять удалось им добиться какой-то слаженности движения. Да, это правда, таких бойцов можно передуть голыми руками...

Тем временем Чамино начал объяснять свой стратегический план.

Уже сейчас фабрики повстанцев изготовили вполне достаточное количество плащей, шахо и мощных жуго, чтобы вооружить армию беловолосых. Строится большая станция, парализующая волю. Приборы защиты от ее волн вмонтированы в шахо, которые будут розданы бойцам революции.

Мощность станции такова, что ни один человек в государстве Бессмертного не укроется от ее волн. Зато все, кто будет владеть шахо повстанцев, избавятся от ее влияния.

Из свободного населения государства повстанцев уже давно сформирована Армия первого удара, насчитывающая пятьсот тысяч бойцов. Они уже достаточно хорошо владеют оружием...

— Видишь, Акачи, мы не дремлем, — продолжал Чамино. — Как только построим станцию, устроим пятиминутную проверку. Пошлем верных людей в столицу, вооружим их тайными шахо и включим станцию на полную мощность. Потом выключим и выслушаем донесения наших информаторов. Если станция действует безукоризненно — через тридцать минут объявим начало революции...

— А если станция будет требовать дополнительной работы? — озабоченно спросил Коля. — Не принесет ли эта проверка беды! Она может насторожить Дворец Бессмертного...

— Если мы потратим на устранение недостатков даже трое-четверо суток, от этого практически ничего не

изменится... Во-первых, во Дворце Бессмертного пяти-минутный сон объяснят какими-нибудь другими причинами. Скорей всего космическими... Во-вторых, чтобы вооружиться против влияния нашей станции, нужно время. Много времени... Необходимо изобрести аппаратуру защиты, потом наладить ее серийное производство... Для этого, Акачи, мало и пол-оборота...

— А ты не боишься, что во время проверки какой-нибудь из ваших шахо с прибором защиты может попасть к Бессмертному?

— В столицу мы собираемся отправить десять человек. Если бы даже попались все... Хотя этого, конечно, не может быть. Если бы даже Бессмертный завладел сотней приборов защиты... Что может сделать сотня против миллионов?..

— Значит, все наши люди были тогда подвержены влиянию твоих волн? — чуть испуганно спросил Коля.

— Почти все, — ответил Чамино. — За исключением наиболее отдаленных кварталов. Это и убедило Штаб, что бескровная революция возможна.

По плану Чамино сигналом к началу революции для трехтысячного легиона Гашо послужит начало работы станции. (О пятиминутной проверке Братство Свободных Сердец будет знать отдельно.) Сразу же отряды Братства займут храмы и контрольные пункты, а всех жрецов и карателей заключат в пещеры для пленных, выставив надежную охрану.

— А кнопка?! — вырвалось у Коли. — Ты забыл о кнопке Бессмертного?..

Чамино долго молчал. По лицу его было заметно, что он охвачен тревожными раздумьями.

— Неужели ты думаешь, что Бессмертный решит-

ся на страшное космическое преступление? Ведь это же преступление не только против человечества. Это преступление против Галактики, против вселенной...

— Не знаю... Он давно уже этим угрожает.

Снова продолжительное молчание. И мысли, мысли... о человеческой природе, о том, есть ли такое преступление, на которое был бы не способен человек! Человек может создать все, кроме планеты, на которой он живет. Человек может разрушить все, что поддается разрушению. И если в принципе можно разрушить планету, человеческий мозг с какими-то отклонениями от нормы способен и на это. Нет такого предмета, который человек не смог бы разрушить. В детстве — игрушки, в зрелом возрасте — дома, города и горы. Все это так же точно непрестанно разрушалось, как и создавалось. И если в руках какого-то одного человека находится кнопка от жизни и смерти целой планеты, человечество не может быть спокойным...

— Штаб не раз обсуждал этот вопрос, — наконец сказал Чамино. — У нас уже есть карта кабелей, которые соединяют Великое Солнечное Кольцо с Дворцом Бессмертного. Кабели эти перережут...

— Кабели, — покачал головой Коля. — Система кабелей была создана две тысячи оборотов тому назад. Неужели он и до сих пор рассчитывает только на них? С точки зрения современной техники это было бы очень странно...

Чамино колебался. Брови его то опускались, то снова поднимались. Большие глаза были задумчивы.

— Что же ты предлагаешь?.. Есть тысячи волн, которыми может пользоваться Единый... Для какой-то группы волн мы способны создать экранизацию, но

для всех вместе... Это невозможно!.. Кроме того, Акачи... На протяжении нескольких оборотов мы следим за Солнечным Кольцом. И представь себе, так же точно, как и прежде, система кабелей находится под внимательным наблюдением жрецов. Ее тщательно проверяют механики, заменяя некоторые отрезки новыми. Среди механиков есть и наши люди. Они докладывают, что кнопка на пульте связана с Солнечным Кольцом только кабелями. Это точно, Акачи... Тут сомнения быть не может... — Чамино опять умолк, о чем-то раздумывая. — Но все ли в этой кнопке? Нет ли здесь чего-то иного? Надежные люди уверяют, что нет... Ну скажи, Акачи... Неужели из страха перед кнопкой мы должны остаться в вечном рабстве? Отказаться от революции? Мы все взвесили, Акачи. Кажется, все.

Трудно принимать решение, от которого зависит судьба целого народа. Еще трудней принимать его тогда, когда над планетой нависла угроза уничтожения. Но вечное рабство страшней гибели...

25. Земля зовет

Рагуши появился в комнате Лашуре такой усталый, что еле держался на ногах. Возраст давал себя знать: даже этот веселый винолюб и первый космический двоеженец, который, казалось, был замешан на материале, неспособном к разрушению в течение сотен оборотов, теперь заметно сдавал.

Жена Лашуре уложила его в постель, и Рагуши тотчас же уснул. Однако и молодой человек, пережив то, что довелось пережить Рагуши, чувствовал бы се-

бя не лучше. Ему пришлось искать заветную ледяную крышку без специального прибора. И нужно только удивляться тем нечеловеческим усилиям, которые он предпринял, чтобы преодолеть бешеные стихии, крутившие космонавта на протяжении двух суток в жестоком водовороте. Он то поднимался вверх, то снова спускался, обследуя каждый квадратный шу океанского льда. И если бы не умение ориентироваться в пространстве, Рагуши так бы и не отыскал комнату Лашуре.

Кроме этой комнаты, Рагуши ничего не знал, но его ничто больше не интересовало — он должен был выполнить долг дружбы. Это было для него самым святым.

Перед тем как заснуть, Рагуши отдал хозяйке крошечную капсулу, в которой помещалась тонкая нитка — письмо Ечуки-отца к сыну. И теперь пятеро фаз-тонцев — Коля, Чамино, Лоча и Лашуре с женой сидели у экрана, ожидая голоса с далекой Земли. Когда пришел Эло, пожелавший тоже услышать и увидеть брата, Чамино включил шахо.

Ечука сидел в деревянном кресле — в том самом, которое смастерил ему Коля. Шлем скафандра был сле заметен, он казался светлым кольцом, солнечным ореолом. На плече Ечуки дремал его верный друг — красногрудый какаду.

Коля сразу же заметил болезненную бледность на лице отца, многочисленные морщины вокруг больших глаз, старческую слабость во всей сгорбленной фигуре.

Им ни разу не удалось за это время обменяться нитками, хотя они условливались об этом еще на Земле. Наверное, виноват в этом был сам Николай:

он ведь знал, что у Рагуши нет прибора — указателя дороги, но ничего не сделал, чтобы восстановить утраченную связь с космонавтом. Однако Коля жил такой напряженной жизнью, что у него не оставалось ни одной свободной минуты.

Губы Ечуки-отца шевельнулись, послышался приглушенный старческий голос:

— Дорогой мой Акачи! Прошло около десяти земных оборотов с тех пор, как ты вернулся на Фаэтон. Мне трудно представить себе твое лицо — ты теперь зрелый человек. Наверное, исчезли последние следы юношеских черт, которые я еще замечал у тебя, когда мы прощались. Ведь тебе по нашим земным расчетам уже сорок оборотов. Еще трудно мне представить Лочу, ведь я помню ее девочкой. Теперь, наверное, она взрослая женщина — ведь вы ровесники. Я знаю, что вы счастливы, хотя жить вам пришлось не там, где прошло ваше детство...

Ечука умолк, шевельнул плечом, красногрудый какаду взмахнул крыльями и хрипловато сказал:

— Привет, Акачи! Привет, Акачи!

Отец слабо, старчески улыбнулся.

— Это его научил твой молодой друг Алочи. Он часто вспоминает вашу охоту на медведицу...

Потом отец начал рассказывать о своей колонии, и на экране возникли картины той, земной жизни.

Когда выросло первое поколение землян, Ечуке стало гораздо легче. Раньше детей и даже подростков приходилось кормить белковиной, которую привозил Рагуши. По приказу Бессмертного ее изготавливали очень много для лабораторий Атлантиды. Позднее запасы белковины атланты начали использовать как органические удобрения. Поэтому-то у Рагуши появи-

лась возможность доставать это питательное вещество в нужном количестве. Но малыши подрастали, и эта пища их уже не удовлетворяла.

Теперь колония первых землян полностью обеспечена мясом животных. Отряд охотников из ста человек возглавляет любимец Ечуки — сообразительный и сильный Алочи. Лагерь Алочи помещается на небольшом озерном острове среди нетронутых джунглей. Поначалу Ечука туда навещался, а потом доверился своему любимцу. Охотники живут в шалашах вместе со своими женами.

Сначала Ечука невольно прививал землянам свои собственные привычки. Скажем, для добычи огня он выдал Алочи оптическую зажигалку, которой пользовался сам. Алочи, увлекшись охотой, вскоре потерял ее, и на протяжении целого месяца охотники и их семьи были вынуждены есть сырое мясо: Алочи боялся признаться, что у них нет огня...

И тогда отец подумал: что же будет с его землянами, когда он умрет? Ну, хорошо, Ечука рассчитывает на своего сына. Отец верит, что Акачи вернется на Землю, чтобы продолжить его дело. Но Акачи тоже не вечен. Разве можно весь опыт фаэтонской цивилизации передать нескольким сотням (или даже тысячам) землян и надеяться на то, что этот опыт сохранится в поколениях? Чтобы изготовить такую мелочь, как оптическая зажигалка, нужны хотя бы примитивные стекольные и металлические мастерские. А где их взять, если Ечука и сам отрезан от цивилизации? Возможности Рагуши не безграничны — он не может перевозить сюда промышленное оборудование.

Ечука разработал целую программу, которую собирался передать Акачи. Она составлена в такой по-

следовательности, чтобы человеческий разум развивался самостоятельно, без вмешательства фаэтонских учителей. Сначала добыча огня с помощью трения, изготовление оружия из камня и дерева; потом бронза и бронзовое оружие, далее мореплавание... Перепрыгивать через эти ступени нельзя, ибо где-то оборвется звено опыта и люди утратят даже то, что уже добыли, так же точно, как Алочи потерял свою зажигалку. Сын должен будет ускорить процесс созревания опыта. То, к чему земляне должны были дойти самостоятельно только через сотни поколений, с помощью Акачи они узнают раньше, уже сейчас, и этот опыт надежно окрепнет в следующих поколениях...

Коля подумал: «Вот победит революция — и тогда все изменится! Мы получим с Фаэтона и мастерские и целые заводы! Тогда-то и начнется настоящее обучение землян».

Ечука не рассчитывает на себя — старость неумолима, и он очень быстро устает. Однажды, когда он вышел с группой своих воспитанников искать медную руду, его схватил сердечный приступ, и пришлось нести его в колонию на руках.

Сейчас у первых землян есть каменное и деревянное оружие, а огонь они добывают при помощи трения. Дать им больше Ечука не в силах...

Когда экран погас, все невольно посмотрели на Николая.

— Постарел Ечука. Очень постарел, — тяжело вздохнул Эло. — Недолго ему осталось жить. Придется тебе, Акачи, отправляться на Землю.

Эло высказал то, о чем думал и сам Коля. И хотя ему очень тяжело было бросать друзей именно теперь, когда они готовились к решающему бою, он чувство-

вал, что Земля ему не менее дорога, чем Фазтон, а колония отца занимает в его мыслях не меньше места, чем революция. Штаб повстанцев и Братство Свободных Сердец обойдутся без него, а там, на Земле, у отца не осталось ни единой опоры.

Чамино тоже подтвердил:

— Нужно на Землю, Акачи... — Он посмотрел на Лочу. Она сидела в углу бледная, молчаливая. — Сын не имеет права бросать отца, если отец постарел... Ваша разлука, Лоча, на сей раз будет непродолжительной. После свержения Бессмертного мы сразу же установим народную власть и на Земле. Мы передадим земному человечеству все наши знания. Наши планеты будут сестрами. Начнется великий обмен ценностями. И через несколько сотен оборотов это будет единое человечество, которое станет жить общими интересами. Ни богов, ни жрецов, ни храмов... Только разум и свобода!..

Лоча поднялась и нетвердой походкой приблизилась к Николаю. Он попытался смотреть на нее глазами отца, представляющего Лочу взрослой женщиной. Но для него Лоча оставалась все той же девушкой, какой он знал ее всегда.

Она взяла его руки и прижала к своим горячим щекам.

— Ты должен лететь, Акачи...

Волны экранизации позволили посадить корабль почти у самой ледяной крышки — космонавта заверили, что это безопасно, а он привык доверять друзьям.

Лоча держалась мужественно, улыбалась, даже старалась шутить. Но когда корабль оторвался ото льда и медленно поплыл к тучам, Коля, смотревший

вниз, на фигуры своих друзей, неожиданно заметил, как маленькая розовая точка вырвалась из толпы и полетела вслед за кораблем.

— Лоча! — иступленно крикнул Коля. — Рагуши, за нами летит Лоча!..

Космонавт уменьшил скорость, корабль плыл теперь медленно — на гравитационных двигателях, — и Коля хорошо видел Лочу. Словно розовая птица — из тех, что всю жизнь живут только парами, — она ринулась в сумеречное пространство, навстречу холодным вихрям, которые расступались перед ее любовью.

— Акачи! — зазвучал в корабле тревожный голос Лочи. — Любимый мой, милый... Прощай!

Коля, не помня себя от боли, которая раскаленными тисками сдавила сердце, крикнул:

— Лоча, не нужно! Вернись... Мы скоро снова будем вместе. Слышишь? Вернись!..

— Слышу, Акачи!.. Но мне тяжело. Все погибнет...

Голос ее дрожал, розовые крылья трепетали на бешеном ветру, лицо было мокрым то ли от снежинок, таявших на ее щеках, то ли от слез.

— Ты не должна так думать, Лоча!.. Это неправда! Я еще покажу тебе Землю. Ты вырастишь на ней такие сады, которых никогда не знал Фазтон.

— Нет, Акачи... У меня дурное предчувствие.

Корабль почти повис в воздухе. Рагуши молча шевелился в кресле, отвернувшись от Коли. Наверное, и на его щеках дрожала скупая старческая слеза.

Лоча приблизилась к кораблю, встала перед Николоем в полный рост, прижалась к прозрачной стене. Коля потянулся было к ней, но рука ощутила преграду, о которую билась розовыми крыльями Ло-

ча. Глаза ее были полны такой глубокой печали, что Коля, забыв обо всем на свете, и о Фазтоне, и о Земле, ударил кулаками по нерушимой стене корабля — он хотел в последний раз прижать к груди живую, горячую, сотканную из луча Лочу! В это мгновение для него не существовало ничего — только она и звезды, Лоча и далекие звезды...

Пальцы Лочи ощупывали прозрачную поверхность стены, будто ища отверстия, через которое можно было бы впорхнуть в ракету. Губы шевелились — она что-то говорила, но Коля не слышал ее. Чуть заметным движением она включила шахо, и теперь ее голос звучал за его спиной, там, где сидел Рагуши.

— Пусть посчастливится тебе, Акачи, на земных дорогах! — говорила она. — Пусть всегда везет тебе! Прощай, мой дорогой. Не вези на Землю нашу печаль. Земля молодая, а печаль — признак старости. Прощай, Акачи!..

Мгновенным усилием воли она оторвалась от прозрачной стены ракеты и исчезла из глаз. Когда Рагуши развернул корабль, Николай увидел широкую полосу Млечного Пути, окутывающего весь горизонт, а на фоне этой звездной дороги — одинокую фигуру Лочи.

Казалось, она не летела, а спокойно, не спеша шла по Млечному Пути в безграничный простор вселенной, как женщина-сеятельница идет по пахоте. Ей предстоит дальняя дорога, безграничная нива, которую нужно засеять. И она будет идти вечно, бросая на каждую планету по зерну, а вслед за ней, озаренные светом звезд, станут набухать семена, пробиваться первые ростки, и молодыми, непобедимыми

стрелками к звездам потянется жизнь. Где-то будут се ждать новые планеты, шуметь ветрами, бурлить океанами, и брызги их будут лететь навстречу, и в стоне планетной коры зазвучит желание вселенной: родить, родить и жить! Колоситься сладким зерном и деятельным разумом!

И не будет ей смерти, не будет отдыха, ибо она дочь человеческой матери отныне и навсегда стала Сеятельницей вселенной.

— Прощай, Лоча! — еле слышно прошептал Коля.

Рагуши обернулся, глаза его были влажными — ведь вся его жизнь состояла из космических встреч и разлук. Положив руку на Колино плечо, он тихо сказал:

— Поехали, дружище!..

Ечука долго всматривался в лицо Коли, глаза отца молодо светились, и весь он будто сразу помолодел — походка стала живей, не горбилась спина, даже голос утратил старческую хрипоту.

— Представь себе, Акачи, я был на десять земных оборотов старше, чем ты сейчас, когда мы прибыли сюда. Значит, в твоём распоряжении ещё тридцать земных оборотов!.. О-о, за это время можно многое успеть!..

В комнатах, где жил отец, почти ничего не изменилось. Только на стене висели бронзовые изделия — топоры, копья, молотки.

Поймав заинтересованный взгляд Коли, отец сказал:

— Вот и все, чего мы сумели достичь. Руда очень далеко, добывать ее трудно. Нужно найти оло-

вянные и медные жилы. В копиях будут работать по очереди. Процесс должен осваиваться последовательно...

А красногрудый какаду целыми днями восклицал:
— Привет, Акачи!.. Привет, Акачи!..

На поиски руды Николай пошел вместе с Алочи. Теперь это был мускулистый, ловкий охотник, который свободно мог в верхушках деревьев поймать птицу, в воде одними руками схватить рыбу, а на земле поразить бумерангом любого зверя. Казалось, от обезьяны он унаследовал молниеносную стремительность движений, а от человека — острую сообразительность. Если ему надоедало ходить по земле, он прокладывал себе воздушную дорожку между лиан и могучих крон, прыгая с дерева на дерево. Страх был ему неведом, о старости Алочи не имел никакого представления, ведь в колонии землян он был самым старшим. Видимо, он верил в то, что всегда будет таким же сильным и ловким, хотя уже знал, что существует смерть, став свидетелем того, как неосмотрительный охотник попал в медвежьи лапы. Для Ёчуки это было трагедией, для Алочи — только наукой.

Алочи очень гордился тем, что Ёчука выделял его из числа охотников и называл себя не иначе, как правой рукой отца.

Он с завистью посматривал на шлем Николая, ему, наверное, очень хотелось и на собственную голову надеть такой же прозрачный сосуд — тогда бы он стал похож на людей, которых считал своими властелинами.

Николай старался держаться с ним по-товарищески, приучая к мысли, что между ними нет сущест-

венной разницы, но этот проклятый шлем словно гипнотизировал Алочи, побуждая смотреть на Колю как на особу неземную, загадочную, наделенную высшей силой.

И Николай подумал, что они с отцом и Рагуши зря демонстрируют перед первыми землянами свое фаэтонское могущество. Но что же делать? Ни космического корабля, на котором прилетал Рагуши, ни собственного шлема не спрячешь...

Скверно и то, что земляне никогда не видели, как едят фаэтонцы. Да и не могли видеть, так как жили в другой атмосфере. Наверное, поэтому землянам казалось, что фаэтонцам есть не нужно, что они не люди, а какие-то высшие существа.

Однажды Николай заметил, что Алочи прячет в песок зажаренную на огне птичью ножку. Он спросил у Алочи, зачем он это делает. Парень ответил:

— Алочи ел, Акачи тоже хочет есть...

Смеясь, Коля попробовал объяснить Алочи, что этот лакомый кусочек съест какой-нибудь зверь, но охотник был убежден, что он честно поделился обедом с Акачи, и тот теперь тоже сыт.

По-видимому, не только Алочи, но и большинство землян считало, что фаэтонцы питаются именно таким таинственным способом. Как, оказывается, легко фаэтонцу стать среди земных людей богом!

Земля пленяла Колю своими красками, звуками, буйной растительностью. Он понимал, что любит Землю, что теперь он так же точно, как и Рагуши, полуфаэтонец, полуземлянин.

Вот они вышли с Алочи на ту самую скалу, где когда-то — десять земных оборотов назад — Коля видел, как этот земной мальчишка рассекал своим

шоколадным телом прозрачную воду. Озеро отражало сочную береговую зелень, синеву небес и стаи птиц, плавно кружившихся под белоперыми облаками.

Коля вспомнил о Лоче и подумал: когда-нибудь он покажет ей волшебное озеро!.. Обязательно покажет...

Чтобы избавиться от усталости, он разбежался по ровной, разогретой солнцем скале и прыгнул в воду. Алочи со смехом и свистом прыгнул вслед за ним.

Удивительные растения были на дне озера! Вскоре он научился противостоять силе, выталкивающей его из воды, и почувствовал себя под водой почти так же, как на земле. Забыв о времени, он любовался красотой подводного мира, гонялся за рыбами, собирал растения. Забыл он на какое-то время и об Алочи. Но вот он увидел перед собой его перекошенное лицо, скривившийся рот, который конвульсивно хватал воду, выпученные, наполненные предсмертным ужасом глаза. Николай сильным движением выхватил его из воды и вытащил на берег. Опомнившись, Алочи хмуро посмотрел на Колю и, не скрывая досады, сказал:

— Почему Акачи может быть рыбой? Почему Алочи не может?

Зависть поселилась в наивной душе Алочи, и Коля заметил это.

Ежедневно они выходили на поиски руды, блуждали по горам, переплывали реки, и здесь уже Алочи оставлял далеко позади своего учителя. Как он тогда радовался, каким огнем пылали его счастливые глаза! Он прыгал в водопады, выплывал невредимым, и джунгли сотрясались от его воинственного крика.

Среди младшего поколения землян Коле нравился

голубоглазый Чахо, которому минул двенадцатый оборот. Мальчик интересовался всем, в нем жила естественная любознательность, он очень быстро мог повторить все, что делал Коля. Но его чрезмерная почтительность огорчала Николая, и он никак не мог отучить Чахо сгибать перед ним колени. Как-то Чахо назвал его богом.

— Кто тебя научил так меня называть? — строго спросил Коля.

Чахо потупился, острые детские плечи сгорбились. Колин вопрос его явно напугал.

— Так тебя называют все люди на острове. Тебя и твоего отца. Алочи говорит, что вы наши боги.

И Николай решил побывать на острове.

Как-то вечером, когда Ечука-отец заснул, он надел плащ и в сумерках, никем не замеченный, приземлился среди буйной растительности, покрывающей остров. Приблизившись к шалашам, Коля залег в кустах и начал присматриваться к жизни первых хозяев материка.

Молодой охотник упрямо крутил в ладонях деревянную палочку, нижний конец которой упирался в сухое бревно. Над бревном появился сизоватый дымок. Раздувая невидимые искры, охотник разложил костер. Вскоре весь лагерь осветился кострами.

Женщины потрошили какую-то большую птицу. За спинами у них в травяных сумках спали малыши. И женщины и охотники были обнажены до пояса, на поясах висели травяные повязки...

Коле показалось, что он уже когда-то видел такую картину. А может быть, и в самом деле видел?..

Вдруг все, кто находился у шалашей, упали на землю. Они лежали, как мертвые, неподвижно, при-

пав к стоптанной траве. Охваченные страхом, они и сами казались такой же вытоптанной травой.

Вначале Коля ничего не понял. Потом заметил фигуру Алочи; с многозначительной неторопливостью вышедшего из-за деревьев. На нем было столько блестящих погребушек, что у Коли зарябило в глазах.

На груди висела металлическая полупрозрачная колба — из такого металла фаэтонцы изготавливали посуду для лабораторий. На голове был бронзовый сосуд, начищенный до блеска. Из подобного сосуда Коля с помощью голубоглазого Чахо кормил детей. Чуть повыше колбы, на шее висело несколько ниток блестящих раковин. Между ними поблескивали какие-то пластмассовые пластинки. В левой руке высоко, будто скипетр, Алочи держал прозрачный сосуд для вина, который выбросил Рагуши.

Николай еле сдержал смех. А может быть, это какой-то маскарад? Может, Алочи развлекается сам и развлекает своих охотников?

Но то, что случилось дальше, никак не напоминало развлечение. Все лежали, прижавшись к земле, кроме одного охотника. Он был такого же крепкого сложения, как Алочи. Стоя у своего шалаша, охотник прикрывал спиной жену с ребенком. Горящий взгляд его был устремлен прямо в лицо Алочи.

Какое-то время Алочи молча переглядывался со строптивым охотником. Потом гордо, с суровой твердостью в голосе спросил:

— Почему ты не упал перед правой рукой Беловолосого бога?

— Беловолосый бог не велит падать даже перед ним самим,— спокойно ответил охотник.

— Так вот чего ты хочешь? — зло крикнул Алочи.— Ты хочешь, чтобы Беловолосый бог сделал тебя своим большим пальцем. Смерть!..

Алочи поднял бумеранг и метнул его в грудь охотнику. Охотник пошатнулся и упал у шалаша. Жена закричала, но побоялась выйти из своего убежища.

Алочи приказал отнести убитого к костру и сам разрубил его тело каменным топором. Под угрозой смерти охотники зажарили и съели своего непокорного брата. Несколько жареных кусков Алочи отнес в кусты — для Беловолосого бога.

Коля был так потрясен этим ужасным зрелищем, что не смог даже пошевелиться. Он не знал, что ему делать. Надо было немедленно посоветоваться с отцом...

Как горевал старый Ечука! Он ругал себя за чрезмерную доверчивость к Алочи, за то, что не уберег его от страшной человеческой болезни...

Только теперь Ечука понял, какой вред принесло отсутствие помощника. Если бы ему помогал Акачи, недобрые наклонности молодого охотника были бы замечены раньше. Тогда бы дело не дошло до убийства и из отцовского любимца можно было бы воспитать прекрасного вожака первых землян. Теперь, как бы ни было больно, Алочи придется лишить жизни. И в этом виноват прежде всего он — Ечука. А может быть, виновата старость, которая лишила его энергии. Ведь когда-то его хватало на все...

Впервые за свою долгую жизнь отцу пришлось принять такое жестокое решение. Но жестокость диктовалась необходимостью — преступление должно было быть наказано.

Долго они обсуждали, как осуществить казнь. Ечука сказал:

— Незрелому разуму нужна какая-нибудь обрядовая традиция. Обряды и предания передаются в течение тысячи оборотов.

Ечука давно заметил, что его воспитанники обожествляют кровь. Очевидно, они уже поняли, что именно эта красная жидкость содержит в себе тайну жизни. К тому же охотникам, привыкшим убивать животных, понять это было нетрудно. Поэтому каждая капля собственной крови порождала в них почти мистический трепет. Нет, это был не страх, это было что-то похожее на религиозный экстаз.

Отец решил, что новая обрядовая традиция должна быть как-то связана с собственной кровью. Пока мозг еще созреет для понимания добра и зла, от беды должен защищать жестокий обряд.

Ечука ничего лучшего придумать не мог. Чтобы не проливалась кровь — нужна клятва на крови! И для этого он не пожалеет собственной крови...

Прилетев на остров, Ечука своей старческой рукой метнул бумеранг прямо в грудь Алочи. Николай впервые видел, как отец пользуется этим оружием. А может быть, это сила гнева так укрепила его мышцы? Алочи тотчас же упал, истекая кровью...

Потом отец острым концом бумеранга сделал глубокие разрезы на своей груди. То же повторили за ним и все остальные охотники. Настоящие раны, которые они причинили себе, должны будут оставить заметные рубцы. Вслед за отцом охотники повторили клятву:

— Клянусь красными рубцами на груди, что рука моя никогда не поднимется на брата. Если я на-

рушу эту клятву, пусть братья не оставят в моем теле ни единой капли крови...

И когда-нибудь другой Ечука, другой Акачи точно так же будут резать в кровь свою грудь, повторяя почти ту же самую клятву — клятву Беловолосого бога...

26. Катастрофа

Как-то после очередного возвращения с Фазтона их навестил Рагуши. Его нельзя было узнать. На сей раз он даже не захватил с собой вина. И был до крайности нервозен.

— На Фазтоне происходит что-то ужасное,— заговорил он, устало падая в кресло.— Шел я по улице. Вдруг на меня напало какое-то помрачение. Я сразу же перестал понимать, что со мной делается. Будто я заснул... Когда очнулся, я решил, что это случилось только со мной. Оказывается, все на протяжении пяти минут блуждали, будто лунатики. Говорят, что и сам Бессмертный пережил то же самое... Теперь он беснуется. Уничтожил уже нескольких советников и жрецов...

— А ты не преувеличиваешь? — откликнулся отец, не скрывая удивления.

— В столице схвачено трое беловолосых. И почему-то,— Рагуши с тревогой посмотрел на Колю,— среди них почему-то оказалась Лоча. Как она попала туда?..

— Лоча?! — крикнул Николай.

— Да, мой друг... У нее забрали тайный шахо.

Там была кнопка, назначения которой никто не понимал. Во Дворце Бессмертного такая кутерьма...

— Где Лоча?!

— Бессмертный приказал держать ее во Дворце. Сам ее допрашивал. Но она молчит...

«Лоча, Лоча!» — стучалось в Колиных висках.— Значит, она пошла в столицу, чтобы доложить Чамино о действии его станции!»

Он вспомнил, что восстание должно было начаться через полчаса после того, как станция оправдывает надежды Чамино.

— Когда ты вылетел? — дрожащим голосом спросил он у Рагуши.

— На следующий день...

Все молчали. И Рагуши и Ечука хорошо понимали, что происходит сейчас в душе Акачи.

Но они не могли знать того, что знал он. Даже здесь, на другой планете, Николай не имел права разглашать тайны революции.

Если Рагуши вылетел на следующий день после проверки, значит Чамино еще не удовлетворен деятельностью станции. Наверное, ее волны не на всех влияли одинаково, а Чамино не успокоится, пока не добьется своего. Или, может быть, еще до сих пор не успели перерезать страшные кабели Бессмертного?..

Рагуши потратил на дорогу одни фазетонские сутки. Значит, с момента проверки прошло почти двое суток. Сколько еще будут продолжаться дополнительные работы на станции? Что Бессмертный сделает с Лочей? Может быть, ее сейчас пытаются?.. Может, кто-то из беловолосых не выдержал пыток и Бессмертный уже знает о подготовке восстания? Нет,

этого быть не может! Если Штаб послал в столицу Лочу, значит подбирались не случайные люди, а те, кто пользовался полным доверием. Они скорее погибнут, чем выдадут тайну Штаба.

Тревога и ожидание овладели всем существом Николая. Ему хотелось верить в то, что с Лочей ничего не случится, что ее скоро освободят.

Припомнились ее последние слова, и снова сердце сжалось от боли.

— Что же решил Бессмертный? — спросил отец.

— Бессмертный приказал срочно доставить тебя на Фаэтон. Он разогнал всех своих советников. Говорит, что все они идиоты. Был, мол, один умный, да и тот где-то теперь на горячей планете. Бессмертный думает, что ты один сможешь ему помочь...

— Я?! О-о, нет! Рагуши! Этого он не дожидается. Передай Бессмертному, что я не желаю принимать его милостей.

Рагуши побледнел.

— А ты знаешь, чем это грозит нам обоим?.. Если я не выполню его приказ, меня зажарят живьем. А ты... Он прикажет атлантам похоронить под водой весь этот материк!..

Ечука задумался. И после продолжительной паузы сказал:

— Есть только один выход... На Атлантиде знают, что ты полетел ко мне?..

— Ты с ума сошел, Ечука!.. Разве я мог полететь сначала на Атлантиду, а потом к тебе? Я никогда этого не делал...

Властно, тоном приказа, отец сказал:

— Ты немедленно вылетишь на Фаэтон. Из космоса передашь во Дворец Бессмертного, что летишь

вместе со мной. А где-то на полдороге сообщишь, что твой реактор не слушается мозга управления. Что есть угроза взрыва... Потом устроишь взрыв...

— В ракете?!

— Зачем в ракете?! Тебе надо создать радиоактивную зону. А взорвалась ли ракета или мощная водородная капсула — кто это установит?..

Рагуши помрачнел. Поднявшись с кресла, он долго стоял у окна. Его треугольная фигура с широкими плечами на какое-то время закрыла свет. Седой чуб под скафандром был мокрым от пота.

— Я понял твой план, Ечука. Но где я потом спрячусь от Бессмертного?

— Здесь, рядом с нами.

— А мои дети на Атлантиде? Их земная мать... Мои милые внуки? Я больше не увижу их никогда?..

«Не тот уже Рагуши,— подумал Коля.— Старость притупила в нем готовность к самопожертвованию. Нет, он, конечно, не согласится».

— Да,— печально сказал отец.— Это очень большая жертва. Но пойми, Рагуши... Дело, которому ты отдал всю жизнь...

— Какое дело? — сердито воскликнул Рагуши.— Для меня это была только дружба. Дружба с тобой, с Шарукой... А ваши дела мне безразличны.

— Ты говоришь неправду, Рагуши,— усмехнулся отец.— Но пусть так, пусть только дружба. Все равно ты служил этому делу. Если погибнет наша колония... Этот материк будет безлюден до тех пор, пока земляне не научатся свободно передвигаться в пространстве. А какой же это прекрасный материк! Как может здесь забурлить разумная жизнь!..

— Его заселят атланты.

— Атланты?..— Отец измерил Рагуши суровым взглядом.— Ты веришь, что Фазтон будет жить вечно? Ты знаешь о заветной кнопке Бессмертного?..

— Не может он этого сделать!.. Бог он или человек — не знаю... Но это невозможно! Ни для человека, ни для бога...

— Бог, у которого забирают власть, это уже не бог.

— Атлантида ведь не на Фазтоне,— угнетаемый тяжкими мыслями, сказал Рагуши.

— Фазтонцы на Атлантиде не вечны. Они умрут так же, как умрем и мы. А что они передали земным атлантам?.. Научили их строить храмы. Привили тупой фанатизм — веру в могущество Бога-Отца. Создали касту рабовладельцев... А знаешь ли ты, сколько нужно этим людям, чтобы хорошо освоить всю планету?.. Все ее земли, острова, материки... Тысячи земных оборотов, мой дорогой Рагуши!..

Рагуши думал с таким усилием, будто в голове у него вертелись тяжелые жернова. Наконец он сказал:

— Я согласен, Ечука...

Вскоре они убедились, что инсценировка взрыва ракеты удалась блестяще. Корабль, отправленный фазтонскими жрецами на место взрыва, обнаружил широкое поле радиации. Ничего более он не мог и не надеялся там найти.

Рагуши поставил свою ракету среди могучих деревьев недалеко от помещений, в которых жили дети. Строения эти были расположены так, что их трудно было заметить с воздуха.

Раньше космонавт, прилетая к отцу, не разрешал пользоваться стеной горизонтов в своей ракете. Теперь

это для Рагуши не имело никакого значения, так как он не собирался возвращаться во Дворец Бессмертного. Единственное, чего не мог позволить Рагуши,— это посылать передачи на Фаэтон: их бы немедленно обнаружили!..

Ни Ечука-отец, ни Рагуши никогда не принимали передач с Материка Свободы. Поэтому можно понять, с каким волнением они подошли к матовому экрану, который занимал большое пространство между потолком и полом корабельного салона. Волновался и Коля. Что делается теперь на Фаэтоне?..

Было это вечером, когда салон космического корабля заполнили тропические сумерки.

Включив стену горизонтов, колонисты услышали тревожный голос диктора Материка Свободы. Изображения еще не было — оно появится чуть погодя,— но оттого, что говорил диктор, их лица сначала покрылись холодным потом, а через несколько секунд засветились радостью.

— Юпитер! Юпитер! — звал диктор. — Я Фаэтон... Продолжаю, продолжаю!.. Они окружили Дворец Бессмертного... Они летают над ним без всяких препятствий... Скованные сном, легионы Бессмертного бессильны... Пока еще не пролилось ни единой капли крови...

— Свершилось! — радостно воскликнул Коля, сжимая в объятиях то космонавта, то отца. — Революция! — крикнул Николай. — Это действует станция Чамино!..

Задышавшись, он объяснил то, что сейчас происходило на их родине.

Весь экран заполнили человеческие фигуры в белых плащах. Это была Армия первого удара, которой

командовал Лашуре. Бойцы летали над куполом Дворца Бессмертного, рассекая пластмассовые стены лучами жуго. Вот они сотнями спускаются в громадные залы Дворца, бегут по лестнице, наталкиваются на силуэты карателей, стоящих неподвижно, словно статуи.

Советники и жрецы застыли в тех же позах, в которых их застали волны Чамино. Бойцы в белых плащах отбрасывают их прочь, жрецы падают, но позы их не меняются, они будто окаменели.

На экране возникла коренастая фигура Лашуре. Он кричит:

— Ищите Единого! Ищите Лочу!..

— Гашо! — крикнул отец, узнав младшего брата. Казалось, каждая морщинка засветилась на его старческом лице. — Рагуши, ты видишь?.. Это мой брат Гашо! Он командует повстанцами...

Народные бойцы спускались в города, обезоруживали карателей, занимали храмы и контрольные пункты, стаскивали окаменевшие фигуры жрецов в подвалы храмов, где раньше пытали людей. Теперь туда складывали штабелями, словно бревна, жрецов. Пусть полежат до поры до времени.

Николай понимал, что Материк Свободы стремился к тому, чтобы ход революции сохранился в Пантеоне Разума во всех своих величественных подробностях. Пантеон видел сейчас всю планету. Не было ни одного уголка, куда бы он не мог заглянуть волнами своих приборов, не говоря уже о стенах горизонтов и тысячах шаго, при помощи которых он очень легко получал информацию. Эта информация обрабатывалась молниеносно. На Юпитер передава-

лось самое существенное — как бы сконденсированные сгустки событий...

На экране возник Штаб повстанцев. Чамино был охвачен бешеной энергией, он ощущал революцию каждым нервом. Все, что происходило на поверхности, сразу же отражалось на штабной стене горизонтов. Это позволяло Чамино отдавать необходимые распоряжения и команды.

«Где же Лоча? Где Бессмертный? — с нарастающей тревогой думал Николай. — Почему они выпали из поля зрения Пантеона?»

— Значит, революцию возглавил Чамино, — с удовольствием отметил отец.

— А сам он впоследствии не сядет на место Бессмертного? — скептически спросил Рагуши.

— Нет, мой друг. Такие ошибки не повторяются.

— Наоборот! Мне кажется, что вся история человечества состоит из повторения одних и тех же ошибок.

— Возможно. Но только до тех пор, пока человечество не освободило свой разум от подпорок. Этими подпорками я считаю человеческий эгоизм, который в переходный период иногда помогает развитию... А сейчас... Сейчас разум созрел — прочь подпорки!..

Но вот, наконец, они увидели фигуру Бессмертного. Его широкая борода и суровые черты лица обычно пробуждали трепет. Сейчас же Бессмертный улыбался, и это было неестественно, в это невозможно было поверить. И все же он улыбался. Улыбка его была страшной. В ней чувствовалось такое высокомерие и такое презрение ко всему живому — к мирам, к светилам, к безграничной вселенной, что

Рагуши и Николая обьял ужас. Только Ечука-отец нашел в себе силы сказать:

— Он у пульта Солнечного Кольца!.. Там стены и двери из такого материала, что его не пробьет никакая сила. Нельзя даже бросить бомбу...

Прозвучал голос-гром:

— Богоотступник Чамино! Ты слышишь голос Всевышнего?..

В то же мгновение на экране появилась фигура Чамино, а Бессмертный исчез. Пантеон Разума предоставил слово вождю повстанцев.

— Я слышу тебя, Ташука!.. Для нас ты не бог, не всевышний и не бессмертный,— спокойно сказал Чамино.— Ты только устаревший эксперимент фазтонской медицины. Слушай, Ташука! У тебя нет армии. Ты остался один. А нас миллионы, сотни миллионов. Мы не хотим крови. Все твои легионеры, обьятые сном, будут возвращены к нормальной жизни. Все жрецы, советники и служители твоих храмов получат право обычных граждан. Тебе, Ташука, мы также не собираемся укорачивать век. Мы только заберем у тебя власть над Великим Солнечным Кольцом. Мы откроем твой дворец. Он станет доступен всем. Мимо тебя ежедневно будут проходить люди, чьим властелином ты был недавно. Мы не запретим склонять перед тобой колени, так как не считаем, что такое запрещение необходимо. Но наши ученые будут обьяснять людям, что никаких тайн в твоём бессмертии нет, что каждый человек может стать таким же бессмертным, как ты. Поэтому ты навеки останешься бессмертным, только это слово мы напишем с маленькой буквы. Неужели же за эту большую букву ты начнешь борьбу против своего народа? Опомнись,

Ташука! Открой двери к пульту Солнечного Кольца. Иначе мы вынуждены будем применить силу...

Чамино исчез, появилась фигура Бессмертного.

Волны Чамино на него не действовали. Николай понял: стены помещения, где находился пульт управления Солнечным Кольцом, покрыты слоем защитного вещества. А может, Единый разгадал секрет, который попал ему в руки вместе с разведчиками повстанцев?

— Как ты смеешь, никчемная букашка, так разговаривать со своим богом? — сурово сказал Единый. — Неужели тебе не известно, что я имею власть не только над нашей планетной системой?.. Тысячи звезд и планет, которые смертный человек видит невооруженным глазом, — это мои владения. Вся Галактика из конца в конец принадлежит мне. Давно уже богоотступнические племена, погрязшие в грехах, побуждают меня совершить страшный суд. Но до сих пор я терпел. Теперь я не имею права терпеть, так как грехи стали перебрасываться с планеты на планету.

Прозвучал спокойный голос Чамино — самого его на экране не было.

— Ташука! Ты не имеешь права угрожать взрывом Солнечного Кольца. Тебя родила фаэтонская мать.

На лице Бессмертного снова появилась страшная улыбка.

— Меня породил мой собственный гений, чтобы сделать Властелином вселенной. Не играй с огнем, еретик!.. Если мои слова не способны вернуть тебя в лоно божье, послушай эту грешницу. Она признала власть Всевышнего и этим искупила свои грехи.

Рядом с Бессмертным появилась Лоча. Сердце

Коли забилося сначала от радости (жива, жива!), а потом от невыносимого страха. Лицо ее было печальным, но таким же прекрасным, как всегда. Она была в одежде святой — в черном плаще с шестиугольной звездой на груди.

Лоча сказала:

— Мой любимый брат! Я подчинилась власти Бессмертного. Я дала слово навеки поселиться в храме божьем, чтобы своими молитвами прославлять его мудрость и могущество. Его гениальный разум разгадал тайну наших шахов. Теперь они защищают нас обоих — Бессмертного и меня...

— Что ты говоришь?! — не помня себя, крикнул Коля. — Лоча, Лоча! Как ты смеешь!..

— Я хочу, чтобы ты меня услышал... — Ее глаза вспыхнули молнией, и она крикнула: — Не верь, не верь ни одному слову Единого! Посмотри, какой он ничтожный!.. — Лоча прыгнула к Бессмертному и толкнула его маленьким кулачком в грудь. Бессмертный пошатнулся и как-то потешно упал на пол. — Ты видишь, видишь? Пусть это увидят все люди на планете!.. Передай это всем, всем, всем!..

Какое-то мгновение на экране еще оставалось перекосенное от злости лицо Бессмертного. Но на нем уже не было ни единой черточки, придававшей ему божественное величие. Один жест слабосильной женщины развенчал Бессмертного до конца. Он, видимо, и сам понял, что его власть над людскими душами окончилась навеки: кто не видел сегодня на экранах этой сцены, увидит завтра, через оборот, через тысячу оборотов! Этот эпизод зафиксирован сотнями приборов, способных воссоздавать его множество раз. Какой же теперь из него бог?.. Бессмертный знал, что

эта сцена была передана Материком Свободы во вселенную. От Галактики к Галактике свидетельство его ничтожества будет путешествовать вечно, и на каждой планете, которая впоследствии примет эту передачу, так же потешно, как и сейчас, он будет падать от легонького толчка бесстрашной фаэтонки. На далеких планетах будут смеяться дети, а старые люди, поучительно поднимая палец, будут говорить: такая судьба ждет всех претендентов на трон Всевышнего.

Могуществу — конец! Остался только смех, который покатился эхом во вселенную.

На экране все исчезло. И прозвучал голос Чамина:

— Спасибо, сестра! Ты сделала то, на что не отважился ни один человек на протяжении шести тысяч оборотов. Ты свалила Бессмертного!.. Армиям больше нечего делать.

Но это было не так. На экране возник пульт управления Великим Солнечным Кольцом. Маленькая, едва заметная кнопка — к кнопке потянулась чья-то рука. Это была рука Бессмертного! Вот и он сам вырос на экране. В оловянных глазах смертельный ужас, но рука тянется все выше и выше... Она то замирает, то снова поднимается с намерением прикоснуться к той кнопке, в которой таится смерть, гибель целой Галактики! И вновь прозвучал голос Чамина:

— Ташука! Ведь у тебя же человеческий мозг...

Но Бессмертный словно не слышал Чамина. Его рука дрожала от безумного страха, но то, что он стал посмешищем вселенной, побуждало к мести. Никто не помешает ему совершить свой страшный суд!.. Даже Пантеон Разума, поднявший тревогу на Мате-

рике Свободы. Дрожащий палец дотянулся до кнопки и... нажал ее!

Рагуши и Ечука оцепенели от ужаса. Только Николай остался спокоен. Он был уверен, что кабели перерезаны, иначе Чамино не поднял бы народ на восстание. Спокоен был Коля и за Лочу: один Бессмертный без своих помощников ничего не сможет с ней поделаться.

Чамино проговорил:

— Ташука! Тяжело поверить в то, что человеческий мозг способен на такое ужасное преступление. Но ты доказал сейчас Фазтону и вселенной, что нет преступления, на которое не пошел бы человек, считающий себя богом... Теперь кончай свою игру! Все кабели перерезаны...

И снова Ташука засмеялся. И смех его был страшен. Конвульсивными движениями он расстегнул одежду на груди и достал из-за пазухи небольшой, овальной формы медальон. Он чем-то напоминал медальон Эло Первого, но, видимо, у него было иное назначение. С глазами, полными ужаса, к Ташуке прыгнула Лоча...

В это время по всему Материку Свободы тревожно завывали сирены и тысячи инженеров слетелись к Пантеону Разума.

Пантеон Разума на все стены горизонтов молниеносно передал чертеж аппарата, который мог бы нейтрализовать волны, с помощью которых Ташука собирался пустить в действие всю взрывную силу Солнечного Кольца. Но было уже поздно!..

Лоча поняла, что медальон Бессмертного — это крошечный аппарат смерти. Но у нее не хватило сил для того, чтобы оторвать пальцы планетоубийцы от

кнопки на его ужасном медальоне. Какое-то время между Лочей и Ташукой шла борьба. Ташука не выпускал из рук губительный кусочек металла, палец его придвигался все ближе и ближе к темной точке, которая была словно последней точкой в великой книге жизни могучей, разумной планеты...

Все учел Чамино. Все, кроме того, что учесть было невозможно. Ибо невозможно создать преграду волнам, ни разу себя не проявившим. Именно этим и воспользовался убийца планеты. И еще тем, что нормальному человеку трудно представить себе меру подлости того, кто считает себя богом. Ведь до последней минуты люди все-таки думают о нем, как следует думать о людях — применяя собственные мерки...

Салон, где сидели трое фаэтонцев, не имевших теперь родины, сразу же заполнила темнота тропической ночи. Экран умолк — теперь уже навеки. Светлая точка какое-то время еще трепетала на нем, но потом и она растворилась во мраке...

27. Земля вздрагивает

Неизвестно, сколько продолжалось это немое молчание. Сидящие в салоне корабля Рагуши ощупывали себя, будто не верили в то, что они живы и что теперь вообще возможна какая-то жизнь.

Обломки Фаэтона уже долетают до других планет. Еще взорвется гигант Юпитер, цепная реакция перебросится на другие планеты, а потом и на Солнце. О себе они уже не думали; под угрозой была вся Галактика.

Но ни сегодня, ни на следующий день на Земле ничего не произошло. Солнце всходило, как обычно, а в полдень стояло высоко над головой — в самом центре голубого купола.

Николай бежал по джунглям, по скалистым холмам, не отдавая себе отчета в том, куда он бежит, словно где-то еще действовала станция сомнамбулизма, которая парализовала своими волнами его мозг. Колючие кусты рвали одежду, ветки деревьев били по шлему, ноги и руки изодраны, но он ничего не замечал.

Он все еще не мог осмыслить того, что случилось. Перед глазами возникали родные лица — Чамино, Лашуре, Эло и Гашо. Но всех их заслоняло лицо Лочи...

Он понимал, что грех убиваться об утрате одного человека, когда произошла такая катастрофа и погибло человечество со всеми своими достижениями, с космическими городами и Пантеоном Разума, но не мог побороть своих чувств. Какое право имел он жить, если нет ее?..

«У меня дурное предчувствие...» — звенели и звенели слова Лочи под его шлемом, словно не зеленые ветки задевали его, а милые, родные руки Лочи.

А она стояла перед глазами — недостигаемая, за невидимой стеной билась розовыми крыльями о холодную преграду корабля...

Николай резко остановился над обрывом — там kloкотал пенящийся водопад, орошая прибрежную зелень искристой росой. На какое-то мгновение — ведь это так просто, достаточно одного прыжка — ему захотелось стать той искристой росой, из которой потом родятся живые корешки на скалистом берегу...

Но вдруг он снова увидел широкую звездную дорогу, увидел Лочу — она деловито, будто в собственном саду, шла по Млечному Пути и бросала, бросала собранные ею зерна на далекие, неизвестные планеты, засевая их новой, непобедимой жизнью.

Обернувшись, Лоча спокойно сказала:

«Это хорошо, что ты живешь на Земле, что здесь есть уже сотни детей. Нет в мире ничего более прекрасного, чем засеять планеты новой жизнью. Будем же вечными сеятелями, мой любимый Акачи!»

Он заметил над водопадом радугу. Под ее многоцветной дугой пролетела птица. Николаю показалось, что это была новая, земная Лоча, такая же, какой она хотела стать когда-то десять оборотов назад, тоскуя о нем на Фаэтоне...

Он долго блуждал по джунглям, прислушивался к щебетанию птиц, к беспорядочному крику попугаев, кружившихся разноцветными стайками над его головой. На острове охотники с рубцами на груди забавлялись со своими детьми. Они ничего не знали о том, что какой-то фаэтонский предшественник их жестокого Алочи убил целую планету, целый мир. Убил за то, что даже нельзя пощупать пальцами, потому что это не блестит и не звякает, как те игрушки, которыми обвешал себя Алочи. Убил всего лишь за одну большую букву!

Ечука и Рагуши с тревогой глядели на небо. А может быть, никакой катастрофы и не произошло? Может, Лоча успела выхватить из рук Ташуки ужасный медальон? Может, где-то изжавел контакт и смертоносный поток не достиг огромных запасов ядерного горючего, хранившихся в недрах планеты?

Не хотелось верить, что какой-то ничтожный человек-протез, которого можно было свалить движением детского пальца, способен уничтожить хорошо обжитую планету, даже сотни тысяч планет, где уже есть или только рождается Разумная Жизнь!

— Мы еще ничего не знаем,— печально сказал Ечука-отец.— Цепные реакции в звездных мирах развиваются иначе, чем в атомах. То, что в атомах происходит в миллионные доли секунды, в космосе измеряется сотнями оборотов. Возможно, гигантский обломок и не попадет на другую планету. Возможно, Фазтон так раздроблен, что это не представит угрозы для других планет. Чтобы взорвался Марс, он должен столкнуться с обломком, который только в несколько раз меньше, чем он. А Юпитер взорвется только тогда, когда на него упадет по крайней мере треть Сатурна... Это, Рагуши, маловероятно. Но...

Это «но» и было самым страшным, потому что никто и никогда не проверял на практике, как именно взрываются галактики. И все же фазтонцы знали, что галактики почему-то взрываются...

Прошли недели, месяцы, прежде чем земной шар потряс циклопический взрыв. Безумствовали такие ураганы, что столетние деревья вырывало с корнями и носило в небе, как легкие перышки. Земная кора качалась под ногами, будто корабельная палуба во время шторма. А вскоре пришла вода. Это была гигантская волна, которая надвигалась сплошной стеной, чуть ли не до самых туч. Она перекатывалась через острова, затопляла материки, уничтожая все на своем пути.

Десятки спокойно дремлющих вулканов теперь проснулись и довершали разрушение от взрыва ги-

гантского обломка уничтоженной планеты, упавшего на Землю.

Рагуши поднял ракету в небо и своевременно предупредил об опасности, и Ечука успел вывести своих землян из долины, где над рекой помещалась его колония.

Несколько сотен земных людей — охотники, женщины и дети — во главе с тремя фазтонцами стояли на высокой горе, следя, как взбудораженная вода пожирает широкую долину, которая была их колыбелью. Только теперь они полностью оценили мудрость Ечуки, научившего их добывать огонь в любых условиях. Злые ураганы, пробужденные космическим взрывом, перемешали всю земную атмосферу, принося с полюсов холод и снег даже сюда — в тропики. Что мог теперь дать Ечука этим людям? У него не было ничего, кроме скафандра на голове. Он не думал о себе, спасая первых землян. Кислорода осталось на двое-трое суток. Запасы Рагуши могут продлить этот срок до месяца. А потом?

От ураганов прятались в пещерах. И жгли костры, у которых грелись дети. Ечука и Николай, позаботившись о своих землянах, ушли в ракету к Рагуши. Она стояла среди высоких скал в укромном месте.

Наступил вечер, вошла луна. Сегодня она была большой, красно-медной, как кожа смышенного Чахо. Ее видимый диск стоял так близко, что даже невооруженным глазом можно было разглядеть хорошо знакомые равнины и горные хребты.

Вдруг Коля заметил на поверхности Луны яркую вспышку. Через несколько минут вспышка повторилась в другом месте.

— Рельефная запись космических трагедий, — сказал отец. — Обломки Фаэтона впоследствии так изроют эту несчастную планету, что ее нельзя будет узнать.

— Какие же это громаднейшие обломки! — крикнул Рагуши.

— Они меньше того, что упал на Землю. Самые большие принимает на себя земной шар, так как его гравитационное поле неизмеримо больше. Но нас защищает атмосфера, которой нет на Луне.

Все по очереди подходили к приборам, смотрели на Луну. Там, где падали метеориты, возникали огромные воронки. Недалеко от края лунного диска — в его правой половине образовалась глубокая воронка и взрывом выплеснуло раскаленную магму, разбросав ее на сотни километров вокруг.

Вскоре земной шар потряс еще более страшный взрыв.

Обломки Фаэтона пока еще не нашли своих постоянных орбит и, беспорядочно блуждая в солнечной системе, входили в зоны гравитации других планет и падали на их поверхность. Атмосфера планет поглощала только часть их массы, ибо поглотить всю ее не могла. Планеты сотрясались от страшных взрывов, но пока еще держались на собственных орбитах. Ни Рагуши, ни Ечука, сидя у приборов, не заметили отклонения Марса и Юпитера от своих орбит.

В зоне, где взорвался Фаэтон, плавало огромное количество космической пыли и миллионы больших и маленьких обломков. Рагуши и Ечуку немного успокаивало то, что среди обломков не было такого гиганта, который смог бы вызвать взрыв другой плане-

ты. Видно, слишком могучими оказались ядерные силы, заключенные в недрах Фаэтона!

— Неужели космические города тоже погибли? — спросил Рагуши.

— Те, что группировались вокруг Фаэтона, наверняка, погибли. Возможно, некоторые корабли были в это время у Марса.

Николая сначала удивляла их способность трезво взвешивать все, что произошло. Никто больше не тревожился о своей жизни. Она стала такой же неестественной, как жизнь растения, попавшего на другую планету. С него может осыпаться пыльца, оплодотворяя собой чужие, незнакомые цветы, но само растение непременно погибнет.

28. Смерть Ечуки-отца и Рагуши

Чтобы понять размеры катастрофы, которую вызвал на Земле второй взрыв, Рагуши взял с собой Николая. Отец остался в горной пещере вместе со своими землянами. Он должен был учить их преодолевать еще незнакомые опасности.

Первое, что увидели Рагуши и Коля, поднявшись в воздух, была новая водяная стена без конца и без края.

Долетев к центру взрыва — здесь когда-то синел океан, — они онемели от удивления. Дно океана оголилось и покрылось трещинами от адской жары. Воронка размером с огромный остров медленно заполнялась возвращавшейся водой. Они видели это на стене горизонтов, так как заметить что-либо сверху

было невозможно из-за густых испарений. Этот тяжелый пар где-то выпадет такими свирепыми ливнями, что затопит целые материки, если их не успеет затопить стена океанской воды.

Рагуши повернул ракету, чтобы предупредить Ечуку об опасности. Но когда они снизились, то увидели, что из трещины в земных недрах била раскаленная лава. Они еле отыскали вершину, в пещерах которой остались Ечука и его земляне.

Рагуши, не задумываясь, приземлил ракету у знакомых скал. Потные, покрытые вулканическим пеплом, они побежали к пещерам. Выяснилось, что пещеры совсем не подверглись разрушению. Лишь некоторые из них завалило каменными глыбами.

Они осмотрели все пещеры, но никого не нашли. Вскоре Николай натолкнулся на два трупа: Чахо с раздробленной головой сжал в окровавленных руках мертвую девочку.

Над самой трещиной — из нее с шипением вырвались раскаленные газы — они увидели еще двух детей, которые тоже были мертвы. А рядом с ними лежал Ечука-отец. Тело его не было повреждено — выброшенный вулканом камень пробил только скафандр. Ечука погиб от чужой ему атмосферы.

Отца похоронили, как хоронят в дни больших смертей — без слез, в скорбном молчании.

К ракете возвращались тоже молча. А когда поднялись в воздух, Рагуши включил стену горизонтов.

Да, первые земляне были живы! Вот они продираются через тропические чащи. Детей больше, намного больше, чем взрослых. Люди идут целым племенем — первым племенем на материке. Кто из них выживет, кто погибнет?

Рагуши повел ракету над самой Землей. Повиснув над головой землян, он включил громкоговорители.

— Охотники, слушайте меня! Не идите толпой, потому что можете погибнуть все сразу. Надвигается большая, очень большая вода. Берите детей и ищите высокие горы. Живите не все вместе, а семьями, потому что какая-нибудь гора может поглотить вас всех!..

Потом Рагуши направил ракету к горам, которые пока еще стояли спокойно. Приземлившись, он выбрал просторную пещеру и привел туда Колю.

Выровняв поверхность стены, они вместе начали рисовать человека, посеявшего на этом затерянном среди океанов материке первые зерна человеческого разума. Это был Ечука-отец. На его плече сидел красногрудый какаду...

Они летят над океаном. Летят в Атлантиду. Что там теперь происходит? Не смыла ли гигантская волна дворцы и храмы? Живы ли сыновья и внуки Рагуши?

Океан все еще бурлит, направляя воду туда, где произошел взрыв. Сотни крошечных островков, образованных взрывом, выступают из воды.

Рагуши ведет ракету над тучами. Внизу безумствуют ливни. Планета не способна держать в своей атмосфере целые моря — она возвращает их на поверхность. Молнии рассекают пространство, и кажется, что снова, сколько видит глаз, повсюду трещит земная кора, извергая в небо адское пламя недр. Горы превратились в островки. Группки людей прижимаются к скалам, ища спасения.

Но куда летит Рагуши? Почему же до сих пор нет Атлантиды?..

Снова появились скалистые острова. Вода стекает с холмов, острова увеличиваются, медленно соединяются друг с другом. Вот открылась вершина храма...

Да, это она, Атлантида!.. Через нее прокатились сокрушительные волны и смыли все, что было на ней живого, уничтожив грандиозные сооружения атлантов. Только один храм, на котором когда-то высилась золотая фигура Бессмертного, остался стоять посреди общего опустошения. Но фигуры Бессмертного уже нет — ее срезала волна, понесла за собой, завалила камнями, замыла песком.

На зеленых вершинах гор, среди скал и ущелий, горели костры, возле них сидели промокшие люди. Они были когда-то рабами — пастухами-волопасами. Волны катились вниз, и поток не тронул их хижин и пока еще не изменил их быта. Но быт изменится завтра, когда рабы почувствуют себя единственными хозяевами большого богатого материка. Они кое-чему научились у своих богов и жестоких властелинов. Теперь они сумеют прожить и без них. И назовут себя потомками богов, создадут новое царство и когда-нибудь, может быть, возродят славу своего материка...

И воскреснет тогда могучая Атлантида на тысячи земных оборотов. И не будет на ней богов в скафандрах — их место займут земные жрецы. Они станут молиться так, как молились круглоголовые. И круглоголовыми будут рисовать своих богов на стенах храмов...

И чтобы навеки поселить страх перед неведомым, жрецы ежегодно будут вонзать ножи в чью-то грудь, вынимать человеческое сердце, а толпа будет реветь в фанатическом самоотречении, и каждый будет счи-

тать счастьем для себя подставить собственную грудь под бронзовое острие ножа...

А когда погибнет Атлантида, остатки атлантов пойдут туда, где потом археологи начнут находить в пещерах изображения богов в скафандрах. Археологи назовут неведомый им мир Страной круглоголовых...

Долго еще висела ракета, озаряемая молниями. Коля понимал душевное состояние Рагуши. Он молчал так же, как молчал космонавт.

Наконец Рагуши спросил:

— Где твой плащ, Акачи? Моя нога больше не ступит на эту планету.

— О чем ты, Рагуши? — тревожно спросил Коля. — Что ты решил, друг?

— Возьми мой плащ и шаго. Лети к Шаруке. Если он жив, у него ты найдешь сколько угодно кислорода. А если... Тогда, Акачи, не знаю...

— А ты куда?

— Туда! — показал Рагуши на звезды.

— Ты хочешь отыскать новую планету?

— Нет, мой дорогой Акачи. — Рагуши горько усмехнулся. — Я хочу умереть так, как подобает космическому извозчику.

Как ни уговаривал его Коля, Рагуши сурово ответил:

— Ты еще молод, Акачи. Лети. Мне же начинать новую жизнь уже поздно.

Надев скафандр и пополнив запасы кислорода, Николай долго стоял у выхода из ракеты, надеясь все еще уговорить Рагуши, но космонавт вытолкнул его из корабля. Двери автоматически закрылись. Корабль, сразу же набрав большую скорость, полетел к звездам.

Николай поднимался все выше и выше. Тучи пыли и густого пара остались внизу. Открылась хорошо знакомая грань, где исчезает голубизна земной атмосферы, будто размываясь в черном пространстве вселенной.

Какое-то время он еще видел корабль Рагуши, освещенный Солнцем. Он был похож на большую звезду...

И тогда произошло то, что Коля не забудет никогда. Яркая вспышка затмила Солнце, ударив в глаза слепящим сиянием. Рагуши превратился в луч.

Коле стало холодно, очень холодно. Если бы не фаэтонский плащ и скафандр, он, наверное, и вовсе бы замерз.

Когда он перелетел экватор, где-то далеко на юге вспыхнуло полярное сияние. Оно вздымалось над Землей веером — таким красочным и таким ярким, что нельзя было оторвать глаз. Но Коля хорошо знал, что с экватора полярного сияния не видно. И он понял, что это светился Рагуши! Это были его атомы, его электроны, светившиеся в магнитном поле Земли.

Государство Шаруки было залито водой. Значит, о пополнении кислорода не стоит и мечтать...

Сколько он сможет вот так летать над Землей, на которой теперь не отличишь суши от океанов? Сколько еще упадет на нее обломков, превышающих своими размерами размеры спутников некоторых планет? Как часто они будут падать? Неужели Бессмертный и после своей гибели будет продолжать свою месть, время от времени уничтожая земное человечество?..

Но должно же, наконец, настать время, когда в космосе останутся считанные единицы обломков-гигантов. Пусть это время наступит через сотни тысяч

земных оборотов — может, даже через миллионы! — но должно же когда-нибудь расплыться фазтонское вещество. Ведь его количество не безгранично!..

Тогда больная оспой Луна будет светить ровно, без вспышек, и только многочисленные воронки на ее поверхности станут напоминать далеким потомкам о гигантской катастрофе. Да, возможно, иногда будут залетать на Землю мелкие обломки Фаэтона.

Через сколько оборотов возродится человечество из немногочисленных чабанов и волопасов, которые пережили последний мировой потоп? Что будут помнить люди о своем прошлом? Наверное, оно покажется им долгим, очень долгим сном. Иногда будут случаться короткие пробуждения, и люди начнут что-то припоминать, а потом снова наступит сон, и он продлится тысячи оборотов. В этом сне будут размываться реальные контуры прошлого, история перестанет быть историей, превратившись в путаное нагромождение легенд...

Таким представилось Николаю будущее Земли. И горько, очень горько стало ему оттого, что так трагически оно должно сложиться.

Дышать становилось все трудней и трудней. Кончается кислород! Холодный пот покрывает лицо.

Он спускается все ниже и ниже — и наконец, ступает нетвердыми ногами на влажную землю. Конец!..

...И вдруг он ощущает на своем лбу нежное прикосновение чьих-то губ. Кто это? Кто целует его?

Может, он вернулся туда, откуда приходит наше «я» ради обогащения той памяти, из которой берет

для себя мудрость каждая звезда и каждая планета? И может, это безотнositельное «я», летящее лучевым завихрением в глубинах субстанции, упадет дождевой каплей на какую-то планету, будет жить в травах, а потом станет нейроном человеческого мозга? И его новый владелец будет не спать ночей, мучаясь вопросом: почему в душе моей кричит мировая тревога? Почему мне больно за будущее человечества? Неужели ему и в самом деле угрожает тяжкая опасность? Неужели это когда-то уже было?..

Да, это было! Я это видел, я знаю. Было. Хватит... Росы моей планеты напоены кровью сынов человеческих. Кровь помнит, с чего это начинается. Лучше тысячу раз родиться и снова умереть, чем утратить мать, дающую жизнь каждому стебельку и каждой птице, — родную планету...

Ее может убить только Зло. Оно поселяется в человеческих душах. И оно убивает. Поэтому умирай за Добро — уме́й за него умирать! Без крика, без сто́на. С поднятой к небу головой. С песней на устах. Ибо если ты не научишься умирать за него, если Зло склонит к собственным ногам твою голову, если дух твой ослабеет и утратит лучистые крылья, планета погибнет. И погибнут рассветы. И травы. И росы. И птицы в небе. И твои дети в зеленых лугах...

...Но вот Коле кажется, что он сейчас не Человек-Луч, а молекулярная плоть, та самая лучевая пена, которая, сгущаясь в атомах, дает нам земное тело. Тяжелое, неуклюжее, смертное. Но у природы существует своя Необходимость. Природа не может жить только вакуумной жизнью, только лучевыми симфониями — ей нужны наши руки, наши глаза. Ей нужно тело. И наши нервы, умеющие прорасти сквозь

планетные глубины, становясь нервами самой Земли... Он еще ничего не видит. Но он знает, что у него есть волосы на голове. И чья-то рука нежно перебирает эти волосы. И чьи-то губы целуют его лоб.

Однако и тогда, когда он был только собственным психодвойником, ему тоже казалось, что у него есть тело. Тогда стены саркофага плотно облегли его руки и ноги, нельзя было шевельнуть пальцем, а там, за щелью, через которую он смотрел, — стояла радужная Ми. Она была строгой и неприступной. Она еще не видела в нем человека. Он был для нее только математическим символом, сигналами на экране, суммой лучевых колебаний.

Неужели философ Ну расшифровал его генетический код? Неужели они освободили его из саркофага? Чья же это рука лежит на его волосах? Кто его целует? Неужели радужная Ми — дочь философа?..

Коля закрывает глаза.

Где он? словно сквозь редеющий туман, он видит черты родного лица. И ему становится жутко...

Он закрывал глаза, чтобы немного опомниться, потом снова открывал их и глядел в лицо, которое было всего родней ему во всей вселенной. Из груди вырывался крик, но Коля сдерживал его в себе.

Это была его Лоча!..

Живая — не видение, а такая же, какой он знал ее всегда. Вселенная расступилась перед их любовью, смерть Фазтона не убила ее, и вот она разыскала своего Акачи на Земле, напоминавшей сейчас гигантский кипящий котел.

Да, это была она, его Лоча!

На ней не было скафандра — Лоча была в розовой одежде космических встреч и разлук. И она сей-

час была похожа на ту самую Лочу, какой он видел ее в последний раз. В ней пела жизнь, пела наперекор смерти, сотрясавшей космос. Лоча была Сеятельницей, что бросает зерна среди галактик, и руки ее пахли лепестками заоблачных цветов, а губы целовали потный лоб Коли.

— Это я, Акачи... Это я! Мы с отцом еле тебя отыскиали.

Коля прикоснулся щекой к ее груди и услышал, как упруго билось ее сердце, а в волосах ее дышал звездный ветер — он пах дождями незнакомых планет. Пах жизнью.

Коля оглянулся. И только теперь заметил, что они находятся в большом звездолете. За прозрачной стеной виднелась фигура незнакомо-го человека. Нет, это был не человек — это была птица. Свернутые крылья окутывали ее фигуру. Крылья переливались искрами, светились — так же точно, как светились брови, одежда, волосы у философа Ну и его дочери. Но он тогда не заметил крыльев. Может быть, потому, что смотрел через узенькую щель...

Отец Лочи? Погоди, Коля! Неужели ты забыл заветную нитку?

— Не волнуйся, любимый, — тихо сказала Лоча, не отрывая рук от его волос. — Вскоре ты все поймешь. Мы летим на Марс. Там очень много фаэтонцев. Космические города с Материка Свободы. Люди голодают. Марс не может всех прокормить. Нужно переселить их на Юпитер. Это делает мой отец...

Крылатая фигура за прозрачной стеной поднялась, обернулась к ним. Тусклое воспоминание промелькнуло в памяти Коли. Он словно бы на мгновение уви-

дел себя в зеркале — увидел таким, каким был тогда, когда жил в образе советника Шако.

— Через четверть марсианского оборота — противостояние Марса и Юпитера, — сказал Шако. — Нужно закончить строительство спутников. Мы не имеем права опаздывать!..

Николай медленно привыкал и к кораблю, удивлявшему его незнакомыми приборами, и к крылатому человеку, сидевшему за стеной.

Отец не мог объяснить Лочу, потому что даже здесь, в корабле, они жили в разных измерениях мира. Там, за прозрачной стеной, господствовала космическая стужа, вполне естественная для аммиачных организмов. Там была аммиачно-метановая атмосфера, разреженная, как в глубинах Красного Острова. Там было очень сильное поле, которое поддерживало жизненные функции Шако — ведь его тело было синтезировано из радиолучей. Для фаэтонцев оно невидимо. Видеть Шако позволяла только стена, обладавшая способностью преобразовывать радиолучи в видимый свет. Именно так Коля видел когда-то философа Ну и его дочь. Собственно, он тогда и сам был только радиолучом.

Что же произошло на Фаэтоне? Как спаслась Лоча?..

Фаэтон погиб не сразу. Его обломки распадались постепенно. Это только усиливало трагизм его гибели.

Недра сразу же затопила огненная лава. Погибли почти все скотоводы и много людей на Материке Свободы. В некоторых городах люди пережили титанические толчки и ждали смерти в страшных муках. Они просили о смерти, как об освобождении. И смерть приходила, так как взрывы снова потрясали поверх-

ность, и большие обломки тоже распадались, утрачивая атмосферу. По-видимому, в реакцию вступил водород ледяных океанов...

Не сразу погиб и Дворец Единого. Бессмертный приказал жрецам перенести бесчувственную Лочу в космический корабль. Станция Чамино уже не действовала, жрецы пришли в себя и думали только о собственном спасении. Они собирались лететь на Землю. Там была назначена свадьба Единого. Там Лоча должна была взойти на трон божий.

И тут над дворцом появился корабль с Юпитера.

Память Лочи воскресла уже в корабле. О том, как был наказан Ташука, она знает только со слов отца...

Нелегко было приучить себя к мысли, что крылатый человек, спасший ее, эта фигура за прозрачной стеной и есть тот, кто дал ей жизнь. Она еще и сейчас по-настоящему это не ощутила. И только голос — ласковый голос отца — постепенно возрождал в ней полузабытое чувство, живущее в ней с детских лет.

Чамино погиб. Слезы катятся по щекам Лочи. Разве можно их выплакать? Их столько, сколько смертей под звездами. Нужно теперь спасти хотя бы тех, кто остался в живых. Все они станут крылатыми, как отец. Всех примет Юпитер. На Юпитере три этажа жизни. И всюду она прекрасна! И никто там не умирает, потому что тело для них — только белковый автомат, который можно заказывать по собственному вкусу. Так на Фаэтоне заказывали одежду...

Станции переселения будут оборудованы на марсианских спутниках, они сейчас строятся. Отец будет посылать на Юпитер только психодвойники и генетическую программу. Этого достаточно. Мудрый Ну бу-

дет принимать фазтонцев так, как Юпитер принимает гостей из далекой Демы.

А на Марсе останутся те, кому дороже жизнь в том измерении, которое запрограммировано природой для внутреннего кольца планет. Может быть, они со временем переселятся на Землю, потому что Марс — бедная планета. Она долго не проживет.

Николай слушал Лочу, и ему казалось, что это говорит не она. Будто это был ее двойник с Юпитера. Может быть, это Ми — радужная Ми с пламенными бровями? Если на Юпитере так легко менять физическую оболочку, то, может быть, там существует мода не только на одежду, но и на лица? Женщина всюду женщина. И может быть, это Ми превратилась в Лочу?

А может, они всегда были одной и той же личностью — духовные сестры, продолжающие друг друга в разных измерениях?

Нет, Лоча! Николай не позволит тебе принимать другое подобие. Даже там, на Юпитере. Ты будешь такой, какой была всегда.

Ты будешь ходить по звездам, как ходит хозяйка среди цветов, и звезды станут расцветать от прикосновения твоих пальцев.

А бумеранг летел все дальше и дальше. Куда он поведет их теперь?

29. Запись в дневнике

27 апреля. Мы вышли на гору, которая высится над Выдубецким монастырем. Кто не видел вечернего Киева с вершины этой горы, тот вообще ничего ни-

когда не видел! Когда-нибудь я попробую описать эти ландшафты — мост Патона, искристой полосой пересекающий Днепр, огни Дарницы, золотые маковки монастыря, подсвеченные кипучим пламенем днепровского половодья... Весь этот сказочный мир — мир прозрачной синевы и сладкого сиреневого ветра. Зеленые горы над монастырем — это богатейший в Европе питомник сирени! Тут есть такие сорта, которых не встретишь нигде в мире...

Теперь я знаю, что Коля любит меня!

Нам бы смеяться сейчас и петь песни, ведь я все-таки вдвое моложе Лочи! Так же, как и Коля вдвое моложе Акачи, а Земля наша в два раза моложе Фазтона...

Мы будем смеяться! И петь будем — ведь через несколько дней праздник. Мы уже договорились, что все космоисторики после демонстрации придут на эту зеленую гору! Отсюда хорошо виден Днепр...

Наш декан Мирон Яковлевич тоже будет с нами...

Это неправда, что способность мечтать утрачивается с возрастом. Мирону Яковлевичу пятый десяток, а вы только растормошите его!..

Сегодня остановил меня в коридоре, пригласил в деканат. Мы разговаривали с ним целый час. Он сказал:

— Самое главное в науке — направление мысли. Оно — ключ к пониманию сложнейших загадок. Если такого ключа нет — тысячи фактов не помогут составить правильного представления. Они распылятся, будто песок на ветру... Летит песок и только глаза слепит. И уже не видно ни неба, ни дороги... Мне кажется, что гипотеза Нечипорука имеет право на осу-

ществование. Она дает направление. Вы не согласны со мной?..

Еще бы я была не согласна!

Ох и попоем же мы Первого мая!.. А сегодня почему-то не поется. словно катастрофа произошла вчера. Может быть, и правда с точки зрения космоистории — только вчера?.. Ведь здесь совсем другие измерения, чем в обычной истории...

Возраст самого молодого метеорита — 1 600 000 лет. Следовательно, катастрофа не могла произойти раньше. В это время на Земле жили люди. И владели каменным оружием. И пользовались огнем.

Когда мы с Колей путаными переулочками поднимались в гору, я почему-то подумала: хоть бы не увидеть огненного следа в небе... Того следа, заметив который, люди обычно говорят: кто-то умер... Кстати, почему люди связывают падение метеорита с чьей-то смертью? Почему они решили, что каждый человек имеет свою звезду?.. Возможно, это тоже подсознательный всплеск памяти? Может быть, такое представление подсказали те «небесные потоки», которые уничтожали земное человечество?.. Какая же ты цепкая, память! Ничто в тебе не откладывается без причины...

И именно тогда, когда мы с Колей заговорили о земных делах, над самыми нашими головами пролетел метеор. Видимо, поэтому нам и не хотелось петь... И невольно мы стали думать о водородных бомбах... Сотни мегатонн! Печальная арифметика... Одной такой бомбы достаточно, чтобы уничтожить Европу...

Физики не могут сказать с уверенностью, останется ли дейтерий Мирового океана нейтральным во время

глубинного взрыва большой водородной бомбы. В определенных условиях...

Да, в определенных условиях синица может поджечь земной океан.

Вот вам и страшная колесница Фаэтона — легкомысленного сына Солнца! И мы все едем на ней. Но куда же мы едем? Знают ли это те, в чьих руках вожжи?..

И хочется крикнуть:

— Люди!.. Смотрите на небо, ищите глазами метеоры... Не забывайте того, что помнили наши предки: кто-то умер!..

Уже распускается сирень. Ее хмельные запахи кажутся по зеленым склонам на днепровские плесы. В сумерках между деревьев можно заметить тени влюбленных. И Сириус — недремлющее око вселенной — тревожно осматривает Землю и будто говорит: «Я вижу тебя такой, какой ты была девять лет тому назад... А какая ты сейчас? Ты еще жива, голубая планета?..»

Коля держит меня за руку... Руки у него сильные и какие-то до смешного несмелые, непохожие на руки Акачи... И все же мы поцеловались — впервые в жизни...

Вы понимаете, люди, как это важно?!

1962—1966 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	3
1. Разве есть такая наука?	7
2. Сокровище старого моряка	15
3. Встреча с туземцами	22
4. Люди из племени Ечуки	28
5. Глаза доисторического человека	39
6. Была ли такая планета?	47
7. То, что помнил бумеранг	62
8. Рассказ о Едином Бессмертном	71
9. Первое знакомство с беловолосыми	85
10. На Землю	106
11. Среди атлантов	120
12. Немного космоистории	133
13. Десять оборотов разлуки	154
14. Юпитер жив!	170
15. Добрый день, Лоча!	180
16. Хозяйство Штаба	192
17. Снова оборот разлуки	200
18. Дела чисто земные	222
19. Допрос	226
20. Тайна заветной нитки	234
21. Человек-луч	249
22. Разговор в деканате	261

23. Материк Свободы	275
24. Над ледяным океаном	305
25. Земля зовет	328
26. Катастрофа	345
27. Земля вздрагивает	358
28. Смерть Ечуки-отца и Рагуши	364
29. Запись в дневнике	377

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Присылайте Ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания издательству и автору.

К библиотечным работникам просьба организовать учет спроса на книгу и сбор отзывов читателей.

Пишите по адресу: Москва, А-30, Сушчевская ул., 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», отдел фантастики и приключений.

Руденко Николай Данилович

ВОЛШЕБНЫЙ БУМЕРАНГ. М., Молодая
гвардия, 1968.
384 с

С (Укр)2

Редактор *С. Жемайтис*

Художник *А. Блох*

Художественный редактор *Г. Позин*

Технический редактор *В. Майоров.*

Сдано в набор 5/VIII 1968 г. Подписано к печати 30/X 1968 г. А04298 Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печ. л. 12 (усл. 16,8). Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 100 000 экз. Цена 46 коп. Т. П. 1968 г., № 229. Заказ 1436.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

46 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

